

ISSN 1728-8940

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

«Әлеуметтану және саяси ғылымдар» сериясы
Серия «Социологические и политические науки»

№ 3 (35)

Алматы

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

«Әлеуметтану және саяси ғылымдар» сериясы
Серия «Социологические и политические науки»

№ 3 (35)

Алматы, 2011

Хабаршы. «Әлеуметтану және саяси ғылымдар» сериясы¹. - Алматы: Абай атындағы ҚазҰПУ. - 2011. - № 3 (35). - 120-бет.

Вестник. Серия «Социологические и политические науки»². - Алматы: КазНПУ им.Абая. - 2011. - № 3 (35). - 120 с.

Главный редактор

д.филос.н., проф. **Р.Б. АБСАТТАРОВ**

Редакционная коллегия:

д.полит.н., проф. **Н.В. Романова**

(зам.гл.редактора),

к.полит.н., доцент **А.Ж. Мукажанова**

(ответ.секретарь),

д.полит.н., проф. **Л.М. Иватова,**

д.социол.н., проф. **К.У. Биекенов,**

д.социол.н., проф. **М.С. Садырова,**

д.социол.н., проф. **З.Ж. Жаназарова,**

д.социол.н., проф. **Н.П. Нарбут** (г.Москва),

д.и.н., проф. **Д.Е. Слизовский** (г.Москва),

д.полит.н., проф. **Чо Чонг Нам** (г.Сеул)

© Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2011

---

¹ Білім және ғылым саласындағы қадағалау және аттестаттау Комитеті (БҒСҚАК) 2003 жылғы 26 маусымдағы №433-3 ж бұйрығының негізінде Абай атындағы ҚазҰПУ-дың «Хабаршы» журналы «Әлеуметтану және саяси ғылымдар» сериясын саяси және әлеуметтанулық ғылымдар бойынша (23.00.00; 22.00.00 мамандықтары) диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялайтын басылымдар тізбесіне енгізілгені туралы хабарлайды.

² На основании приказа Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки (КНАСОН) №433-3 ж от 26 июня 2003 г. Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Социологические и политические науки» внесен в перечень изданий для публикации основных научных результатов диссертаций по политическим и социологическим наукам (специальность 23.00.00; 22.00.00).

ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЖЕНЩИН-МАТЕМАТИКОВ ФРАНЦИИ И КАЗАХСТАНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ж.К. Каримова -

*докторант PhD кафедры политологии и
социально-философских дисциплин Института магистратуры и
докторантуры PhD КазНПУ имени Абая*

Прежде всего отметим, что профессиональная траектория женщин-математиков Франции и Казахстана в научной литературе еще не изучена. Естественно, в одной статье невозможно охватить все аспекты этой темы. Поэтому мы рассмотрим в статье только некоторые социологические аспекты истории, образования, труда женщин-математиков двух стран.

Упомянув Францию как родину философа Рене Декарта (1596-1650), мы часто забываем, что он был также выдающимся математиком. Именно XVI в. стал переломным в истории математики. Одно упоминание имен великих французских математиков XVI-XX вв., таких как Франсуа Вьет (XVI в.), Рене Декарт, Блез Паскаль, Пьер Де Фермат, Жерар Дезаргес (XVII в.), Жан Д'Аламбер, Жозеф Луи Лагранж, Адриан-Мари Лежандр, Жозеф Фурьей (XVIII в.), Эйварист Галуа, Огюстен-Луи Коши, Жозеф Лиувиль, Энри Пуанкаре (XIX в.) и Жак Адамар, Андре Уеил, Жан Лерэй, Лоран Шварц, Жан-Пьер Серре (XX в.), говорит о высоком уровне развития математической науки во Франции.

В результате потери ряда выдающихся математиков в период между двумя «великими войнами», французская математическая школа пережила некий застой. Однако с конца 50-х г. XX в. французская математическая школа снова стала считаться одной из самых значительных наряду с американской, советской и английской школами математики. О статусе французских математиков на мировом уровне говорит количество лауреатов престижнейших в области математики премий и наград, таких как медаль Филдс, Приз Вульфа, Крафорда и др., а также количество приглашенных французских математиков на Всемирный Конгресс Математиков,

проводящийся каждые 4 года. Так, с момента ее учреждения в 1936 г. более четверти всех удостоенных медали Филдс были французскими математиками.

Математика Востока, в отличие от древнегреческой математики, носила скорее прикладной характер и часто находила применение в торговле, строительстве, оптике, астрономии, географии, ремесле. Как считают историки, на развитие ближневосточной и индийской математических школ большое влияние оказала древнегреческая школа. Доступная нам история математики в странах Ближнего и Среднего Востока начинается в эпоху исламской цивилизации. В целом, эпоха исламской цивилизации в математических науках может быть охарактеризована не как эпоха поиска новых знаний, но — как эпоха передачи и улучшения знаний, полученных от греческих математиков. Типичные сочинения авторов этой эпохи, дошедшие до нас в большом количестве — это комментарии к трудам предшественников и учебные курсы по арифметике, алгебре, сферической тригонометрии и астрономии.

В начале IX века научным центром халифата становится Багдад, где халифы создают «Дом мудрости», в который приглашаются виднейшие учёные всего исламского мира — сабии (потомки вавилонских жрецов-звездопоклонников, традиционно сведущие в астрономии), тюрки и др. [1]. Среди математиков исламского средневековья историки упоминают Аль-Фараби, Аль-Хорезми, Сабит Ибн Курра, Аль-Бируни, Омар Хайяма, Насир ад-Дин ат-Туси, Аль-Каши и др. Особенно можно выделить деятельность выдающегося астронома и астролога Улугбека. В 1417-1420 гг. Улугбек основал на территории Центральной Азии (города Самарканд, Гиджуван и Бухара) ряд медресе, куда были приглашены выдающиеся математики и астрономы исламского мира. Медресе Улугбека было одним из лучших духовных университетов мусульманского Востока XV века. В учебном заведении читались лекции по математике, геометрии, логике, естественным наукам, сводам учений о человеке и мировой душе и богословию и читали их известные учёные того времени: Кази-заде ар-Руми, Джемшид Гияс ад-Дин Ал-Каши, Ал-Кушчи, а также сам Улугбек.

Очевидным является то, что женщины в истории математики отсутствуют. Опираясь на результаты историографического исследования Ренаты Тобьес на наличие литературы, посвященной женщинам-математикам, можно утверждать, что, во всяком случае, женщины-математики не фигурируют в исторических справочниках, очерках, математических трудах. К слову, Джон Фовель (1990 г.) насчитал лишь 28 книг и статей, посвященных женщинам-мате-

матикам. К первым работам такого рода относятся труды Мозан, увидевшие свет в период феминистского движения (1970 г.) в США, а также книга Вейера, опубликованная в 1897 г. в Германии и содержащая 21 библиографический портрет женщин-математиков от Гепатии Александрийской до Софьи Ковалевской [2]. Во Франции изучением истории женщин-ученых занимался А.Ребьер (1897 г.) [3]. Существующая литература по истории женщин-математиков, относящаяся скорее к серии библиографических очерков, свидетельствует о том, что за исключением особых случаев, сведения о женщинах-математиках полностью отсутствуют вплоть до XX в.. Тем самым исключением стала Гепатия Александрийская (370-415 гг.), женщина-ученый греческого происхождения, философ, математик, дочь математика Александрийской школы Теона Александрийского.

В эпоху Средневековья девочки из благосостоятельных семей получили возможность получать образование наряду с мальчиками. Однако сведения о средневековых женщинах-ученых нигде не фигурируют.

Среди женщин-математиков XVIII столетия историки упоминают лишь несколько имен: Мария Гаэтана Аньези (1718-1799 гг.), Габриела-Эмилия Дю Шателе (1706-1749 гг.), Софи Жермен (1776-1831 гг.), Мэри Сомервиль (1780—1872).

В XIX в. женщины все еще остаются в тени. Академический мир математики оставался для них также закрытым до тех пор, пока в 1874 г. Софья Ковалевская (1850-1891 гг.) не защитила докторскую диссертацию, став, тем, самым, первопроходцем среди женщин-математиков, желавших признания академических кругов. В последующее десятилетие были защищены еще две диссертации по математике: русская женщина Елизавета Федоровна Литвинова (1845-1919 гг.) защитила докторскую диссертацию по математике в 1878 г. в Берне (Швеция), англичанка Шарлотт Ангас Скотт (1858-1931 гг.) защитилась в Англии в 1885 г. в Лондоне (Англия) [4].

Среди математиков XX в. можно выделить несколько имен: Эмми Нетер (1882-1935 гг.), Хильда Гейрингер (1893-1973 гг.). В целом, в связи с актуализацией гендерных исследований в области социологии, истории, психологии и др. наук, в 70-ые годы XX в. проблемы женщин-математиков стали изучаться шире. Причины меньшей представленности женщин в науке, в частности, в математической деятельности, стереотипизация образовательного процесса, социализация и гендерная идентичность – все это и многое другое стало с тех пор предметом исследования ученых нескольких поколений. Более того, демократизация высшего образования, в смысле предоставления равного доступа к высшему образованию для

мужчин и женщин, привела к увеличению количества женщин в университетах и, как следствие, к увеличению количества остепененных женщин-математиков. Так, в США к 1940 г. насчитывалось 229 женщин докторов математики, а в Германии, к слову, в период с 1907/1908 г. по 1944/1945 г. 113 женщин получили степень доктора в области математики [5]. В целом до наших дней дошло более 118 имен женщин-математиков, живших и занимавшихся математикой в XX в., против 5 женщин-математиков в XVIII-XIX вв.

Некий вакуум, образовавшийся в истории женщин-математиков Казахстана, существует и по нынешний день. В действительности, в истории нашей страны было немало известных женщин, как в период великой степи, так и в советское время. Однако их имена были вписаны в историю скорее лишь потому, что их судьбы были связаны с важными в истории личностями, главным образом, мужчинами. Например, царица Томирис, одержавшая победу над великим полководцем своего времени царем Киром, Бопай-ханум – жена хана Абулхайра, Домалак ана – супруга Байдибек-Аты, Токмеил – мать Казыбек би, Айганым – бабушка Шокана Валиханова и супруга Уали, Рабига Султан-бегим – дочь Улугбека, Улжан и Зере – из семейства великого Абая Кунанбаева. Более того, женщин-математиков среди них нет.

После Великой Октябрьской социалистической революции высшее образование стало доступным и для женщин. Именно в первой половине XX в. получив равные с мужчинами права, получили доступ во все отрасли науки, в том числе и к математике. В действительности, как уже отмечалось ранее, степень доктора наук присуждается с XII в. (с 1130 г. в Болоньи и с 1231 г. в Сорбонне). Присуждение же степени доктора наук в России осуществляется с 1819 г. В СССР степень доктора наук присуждалась научным работникам с 1934 г., т.е. незадолго после учреждения Высшей Аттестационной Комиссии СССР (ВАК СССР, 1932 г.). Среди наиболее известных женщин докторов физико-математических наук, получивших ученую степень за рубежом и в СССР можно отметить проф. Н.Н. Гернет (1877-1943 гг.), д.ф.-м.н. Е.А. Нарышкину (1895-1940 гг.), Академика П.Я. Кочину-Полубаринову (р.1899г.), проф., д.ф.-м.н. Н.К. Бари (1901-1961 гг.), д.ф.-м.н. Л.В. Келдыш (р.1904 г.), д.ф.-м.н. П.Л. Чебышеву (р. 1966 г.), д.ф.-м.н. О.А. Ладыженскую (1922-2004 гг.), д.ф.-м.н. Н.Н. Уральцеву (р. 1934 г.), д.ф.-м.н. О.А. Олейник (1925-2001 гг.), д.ф.-м.н. С.А. Яновскую (1896-1967 гг.), д.ф.-м.н. И.Г. Башмакову (р. 1921 г.), д.ф.-м.н. Г.П. Матвиевскую (р. 1930 г.), д.ф.-м.н. К.Я. Латышеву (1897-1956 гг.), д.ф.-м.н. А.Б. Васильеву (р.1926 г.), д.ф.-м.н. Е.В. Вронскую (р.1898 г.), д.ф.-м.н.

Л.Н. Запольскую (р. 1897 г.), проф., д.ф.-м.н. Ф.М. Кириллову (р.1931 г.), д.ф.-м.н. Л.И. Чибрикову (р. 1925 г.).

15 января 1934 г. в Алма-Ате состоялось открытие Казахского государственного университета. В составе молодого университета в начале были два факультета: биологический и физико-математический. Физико-математический факультет ныне Казахского национального университета им. аль-Фараби был и остается одним из ведущих центров научных исследований и подготовки кадров по математике, механике и информатике в стране.

Начало отсчета развития собственно математической науки в Казахстане надлежит вести с 1935 г., когда И.А. Акбергеновым была защищена кандидатская диссертация по математике. В 1938 году И.Акбергенов, первый казах кандидат физико-математических наук был уничтожен органами НКВД.

Начавший свою работу с контингентом в 52 человека в 1934-1935 учебном году, в июне-июле 1939 г. состоялся первый выпуск молодых специалистов на физико-математическом факультете КазГУ, 17 первых казахстанских физиков и 12 математиков с университетским образованием, которые влились в ряды научно-педагогических кадров республики. К весне 1941 г. одним из аспирантов К.П. Персидского, молодым талантливым математиком В.П. Марачковым была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация — первая диссертация по математике в Казахстане. В 1946 г. аспирантка К.П.Персидского О.Т. Матуцина стала первой женщиной в Казахстане, защитившей кандидатскую диссертацию по математике. В декабре 1952 года Приказом Министерства высшего образования СССР на факультете впервые в Казахстане был создан Ученый совет по приему к защите кандидатских диссертаций по физико-математическим наукам (математике, механике, физике). Первой женщиной казашкой, защитившей кандидатскую диссертацию по математике стала в 1967 г. Р.М. Алимжанова. Всего в период с 1939 г. по 1977 г. в КазГУ 13 женщин защитили кандидатские диссертации по математике: О.Т. Матуцина (1946 г.), Р.П. Иванова (1961 г.), Д.Р. Шафиева (1964 г.), Р.В.Кудакова (1965 г.), Ф.Т. Бирюкова и Л.Н. Китаева (1966 г.), Р.М. Алимжанова (1967 г.), Л.Д. Литвинова (1969г.), Г.Б. Крылдакова и Н.И. Лобанова (1971 г.), Т.А. Жилкибаева (1972 г.), Ж.Т. Стрельцова (1973 г.), П.Т. Ицкова (1977 г.) [6].

Как уже было отмечено в предыдущих разделах работы, первые научные организации на территории современного Казахстана были открыты лишь в начале XX в. В 1932 г. в советском Казахстане насчитывалось свыше 10 научно-исследовательских организаций. В этом же году был основан Казахский филиал Академии наук СССР. В

1945 г. на базе филиала была основана Академия наук Казахской ССР (АН КазССР). Первым научным учреждением в составе АН КазССР, призванным возглавить развитие математической науки в Казахстане с учетом всесторонних интересов и нужд растущего народного хозяйства республики был Сектор математики и механики. Институт математики и механики был основан лишь в 1965 г. Среди выдающихся математиков института можно назвать Пентковского М.В., Персидского К.П., Аманова Т.И., Жаутыкова О.А., Тайманова А.Д., Акушского И.Я., Ким Е.И., Умбетжанова Д.У., Блиева Н.К., Отельбаева М.О., Султангазина У.М., Умирбаева У.У., Амербаева В.М. и др.

Среди бывших и настоящих сотрудников института, в частности, 7-и заслуженных деятелей науки и техники, а также 21-го академика АН КазССР нет ни одной женщины. Более того, в период с 1971 г. по 2005 г. докторские диссертации защитили 64 сотрудника института и лишь 3 из них женщины: Алексеева Л.А. (1991 г.), Бижанова Г.И. (1994 г.) и Найманова А.Ж. (1998 г.). На 1 января 2010 года в соответствии с программами фундаментальных исследований Институт структурно представлен 9 лабораториями и тремя из них заведуют женщины: лаборатория функционального анализа и его приложений (д.ф.-м.н., проф. Бижанова Г.И.), лаборатория волновой динамики (д.ф.-м.н., проф. Алексеева Л.А.), а также лаборатория гидродинамики (д.ф.-м.н. Найманова А.Ж.) [7].

В действительности, о дискриминации по признаку пола в значении неравенства мужчин и женщин в сферах образования и труда, имевших место до начала XX столетия, речь не идет. Согласно принципу равенства, представляющего особую ценность для большинства современных стран люди равны между собой, несмотря на их расовую, территориальную, половую принадлежность, вероисповедание, сексуальную ориентацию, возраст и пр. признаки. Так, на сегодняшний день все более и более явным становится проявление неравенств, возникновение которых ученые связывают с установившимся в развитых странах мира демократическим и капиталистическим режимами, существование которых неразрывно связано с функционированием рыночной экономики. Иными словами, на данный момент мы имеем возможность отметить «двойственную природу неравенств», суть которой заключается в том, что одни виды неравенств исчезают вовсе, тогда как другие эволюционируют [8]. Таким образом, имея одинаковый доступ к медицинским услугам, люди зачастую могут быть совершенно неравны с точки зрения их доходов. Имея относительно равный

доступ к образованию, люди нередко могут рассчитывать на разную степень защищенности и иметь неравные условия труда и пр.

Больше всего двойственная природа неравенств находит свое проявление в сравнении образовательных и профессиональных траекторий мужчин и женщин. Будучи представителями одной национальности, принадлежа к одной возрастной категории и имея одинаковый уровень образования, мужчины и женщины могут занимать различные с точки зрения их позиций должности, иметь отличные друг от друга условия труда, а также получать различную заработную плату за труд равной ценности. Так, положение женщин, во всяком случае, Франции и Казахстана кажется «парадоксальной»: согласно официальным статистическим данным двух стран, в среднем, женщины обеих стран учатся дольше, имеют лучшую успеваемость, чаще получают дипломы об окончании высшего учебного заведения, чем представители мужской половины населения и, тем не менее, большая доля безработных приходится на женщин. Более того, наблюдается сегрегация рынка труда на традиционно мужские и женские сферы занятости. Таким образом, меньше всего женщин представлено среди инженеров, менеджеров компаний, занимающихся транспортными, грузовыми перевозками и пр. Несмотря на свое желание и возможность посвящать больше времени профессиональной деятельности, а также признание со стороны национального и международного сообществ необходимости обеспечения профессионального равенства между представителями двух полов, женщины остаются менее представленными в сфере полной занятости, занимают отличные от мужчин, часто нестабильные должностные позиции и как следствие неравны перед лицом безработицы.

Как уже было отмечено выше, во Франции женщины учатся дольше, чем мужчины. Так, согласно показателю, именуемому как «ожидаемый показатель охвата обучением» (аналог показателя «ожидаемой продолжительности жизни», получаемый в результате суммирования показателей охвата обучением каждой возрастной категории населения), в 2008 г. средняя продолжительность лет обучения у мужчин была равна 18,5 годам, тогда как женщины посвящают образованию в среднем 19,1 лет [9].

Что касается получения дипломов о высшем образовании, можно заметить, что девушки чаще, чем молодые люди получают диплом бакалавра и др. дипломы. Таким образом, если в 1996 г. 50,5% молодых людей против 59,5% девушек получили степень бакалавра, то в 2001 г. их количество достигло 57,9% и 66,9%, соответственно. В 2005 г. уже 59,8% молодых людей против 71,1% девушек были

обладателями степени бакалавра. Более того, девушки имеют на этом уровне образовательной системы лучшую академическую успеваемость, нежели молодые люди (82% против 77% соответственно) [10].

На уровне высшего образования молодые люди меньше всего представлены в университетах страны. Несмотря на то, что на уровне Лиценциата (Licence) можно отметить относительное равенство студентов по половому признаку (49,6%), в 2001-2002 академическом году на университетскую молодежь приходилось всего 44% парней [11].

Еще более интересной представляется статистика по типу обучения. Если в подготовительные классы для поступления в Высшие школы или специализированные высшие учебные заведения (Classes préparatoires aux grandes écoles - CPGE), в школы инженеров (Écoles d'ingénieurs), а также в школы коммерции (Écoles de commerce) поступает 59,5%, 76,4% и 53,4%, соответственно, то девушки чаще всего выбирают медицинские и социо-гуманитарные направления [12]. К слову, в 2005/2006 учебном году девушки составили лишь 24% учащихся подготовительных классов по математике (CPGE – MP). Более того, в 2005/2006 академическом году среди учащихся Высшей Нормальной школы Парижа (ENS de Paris), Лиона (ENS de Lyon) и Школы Кашан (Cachan) (которые являются наиболее престижными высшими учебными заведениями Франции в области математики – *прим. Авт.*) девушки составили лишь 7%, 5% и 16%, соответственно [13].

Помимо половой сегрегации вертикального типа (специализированные высшие учебные заведения остаются самыми престижными во Франции – *прим. Авт.*) в системе высшего образования Франции можно заметить и другой, горизонтальный тип сегрегации. Так, на уровне бакалавриата (во Франции, в отличие от Казахстана, бакалавриату соответствует обучение в выпускных классах средней школы) девушки предпочитают направление «Литература и социальные науки». Согласно статистическим данным, в 2001-2002 академическом году 83% девушек обучалось по направлению «Литература» (terminale littéraire), в то время как 64% и 44% остановило свой выбор, соответственно, на экономико-социальном (terminale économique et social) и научном (terminale scientifique) направлениях бакалавриата. Среди специальностей, осваиваемых в рамках литературной секции, наиболее маскулинной остается специальность «Искусство». В данной подсекции обучается более 20,6% парней. Что касается, технологической секции бакалавриата, то наибольшее количество девушек (95%) зарегистрировано в

подсекции «Медико-социальные науки» (sciences médico-sociales/SMS) [14].

Безусловно, различия между мужчинами и женщинами при выборе направлений обучения в бакалавриате сказываются на показателях половой сегрегации и на уровне высшего образования. Так, не удивительно, что более 73% девушек, получивших дипломы по литературному, экономико-социальному и научному направлениям бакалавриата в университетах чаще всего идут учиться на филологические, социо-гуманитарные и правовые факультеты. Так, на третьем году Лиценциата по специальности математика (L3) в 2005 г. девушки составили 39% учащихся и уже 33% на уровне магистратуры [15].

В учебных заведениях, приравненных по статусу к высшим учебным заведениям, но которые, по сути, являются более специализированными, создается еще более контрастная картина, что касается различий юношей и девушек в выборе специальности. Таким образом, не менее 74% девушек обучаются в школах и институтах, обучающих медицинским специальностям, в школах журналистики и нотариата. В 2001 г. девушки составляли большинство всех учащихся педагогических институтов (82%). И напротив, девушки меньше представлены в школах архитектуры (écoles d'architectes) – 38%, школе инженеров (23,6%), а также в школе ветеринаров (45%). Еще меньше девушек обучается в таких престижных специализированных высших учебных заведениях как Политехническая Высшая школа (École Polytechnique), где обучалось 2% девушек в 1972 г. и 15,4% в 2002 [16].

Что касается ситуации в Казахстане, согласно результатам всеобщей переписи населения 1999 г. женщины, в совокупности, обладают более высоким уровнем образования, чем мужчины [17]. Если говорить об обладании дипломами о высшем образовании, то количество дипломированных женщин превышает соответствующее количество мужчин лишь в возрастной категории от 20 до 49 лет среди городского населения и в возрастной группе от 22 до 44 лет среди сельского населения [18]. Это говорит о том, что только с 70-80 гг. XX века количество дипломированных женщин начало превышать количество дипломированных мужчин.

На уровне среднего специального образования, что во Франции соответствует обучению в отдельных институтах и колледжах, юношей немного больше, чем молодых девушек (98,5% юношей против 97,5% девушек) [19].

Что касается ситуации в Казахстане, то и здесь девушки учатся, в среднем, дольше, чем юноши. Более того, девушки показывают

лучшую академическую успеваемость. Так, количество парней, остающихся на второй год обучения, превышает в 3-4 раза количество девушек. После получения аттестата о среднем образовании юноши часто выбирают учебу в специализированных колледжах, что во Франции соответствует обучению в бакалавриате. Часто такой выбор можно объяснить тем, что среднее специальное образование часто предполагает более ранний выход на рынок труда [20].

На сегодняшний день, на уровне высшего образования женщин представлено несколько больше, чем мужчин: 58% от общей численности учащихся в 2009/2010 академическом году [21]. Вместе с тем, необходимо отметить, что женщины часто выбирают «традиционно женские» специальности. Так, девушки представляют собой большинство на факультетах педагогики (75,5%), экономики (70%), культуры и искусства (69,5%), а также медицины (66,8%). И напротив, девушки меньше всего представлены в отделениях, обучающих инженерным специальностям, в частности, таким как электроэнергетика (11,2%), транспортная техника (5,3%), а также аэротехника (4,5%) [22]. В начале 2009/2010 академического года на уровне бакалавриата девушки составили лишь 34,6% учащихся естественно-научных факультетов [23].

На рынке труда можно наблюдать ситуацию очень схожую с той, что складывается в образовательных сферах Франции и Казахстана. Таким образом, во Франции, также как и в Казахстане, женщины представляют собой меньшинство в общей численности занятого населения страны. Согласно данным Национального Института статистики и экономических исследований (Institut National de la statistique et des études économiques - INSEE), в 2003 г. среди экономически активного населения Франции в возрасте от 15 до 64 лет 63,4% приходилось на женщин, против 74,6% мужчин [24]. Также, необходимо отметить, что лишь 47,9% женщин против 79,9% мужчин задействованы в сфере полной занятости.

Как уже было отмечено выше, положение казахстанских женщин не сильно отличается от ситуации, сложившейся во Франции. В 2003 г. количество экономически активных женщин в возрасте от 15 лет и более достигло 65% против 75,6% мужчин. Этот разрыв в показателях сохранился и в 2004 г.

Одновременно с этим, женщины двух стран в профессиональной жизни сталкиваются с явлением, которое ученые называют «эффектом стеклянного потолка» («plafond de verre») или «эффектом клейкого пола» («plancher collant»), под которым подразумевается совокупность видимых и невидимых препятствий, последствиями которых может быть меньшая доступность для

женщин ключевых позиций, позиций власти [25]. Во Франции, в 2002 г. 15% женщин против 23% мужчин, работающих в предприятиях с количеством служащих от десяти и более человек, были отнесены к социо-профессиональной группе «специалистов высшей категории» (catégorie socio-professionnelle « cadres ») [26]. В то время как в Казахстане женщины доминируют в группе обладателей промежуточных профессий и меньше, чем мужчины представлены в категории управленцев [27].

Согласно официальным данным двух стран, женщины Франции и Казахстана, в среднем, получают меньшую заработную плату, чем мужчины. Неравная заработная плата за труд равной ценности – это, пожалуй, наиболее распространенный пример проявления сексизма в сфере бизнеса и труда. По результатам исследования, проведенного Национальным Институтом статистики и экономических исследований (Institut National de la statistique et des études économiques, INSEE - France) в 2002 г., среднемесячная заработная плата женщин была на 25,3% ниже среднемесячной заработной платы мужчин. В Казахстане соответствующий разрыв в оплате «мужского» и «женского» труда также остается значительным. Так, в таких традиционно мужских сферах занятости как строительство и рыболовное хозяйство заработная плата женщин составляет, соответственно, 82,4% и 83,1% от заработной платы мужчин. В традиционно женских сферах занятости наблюдается несколько меньший разрыв: 83,1% от заработной платы мужчин в сфере здравоохранения и 80,1% - в сфере образования [28]. Автор книги «Почему мужчины получают больше», ученый Уоррен Фарелл склоняется к мнению, что мужчины получают больше потому, что чаще берутся за неудобную и не доставляющую удовольствия работу, соглашаясь на длительные командировки, на работу в опасных условиях, на работу, связанную с финансовым риском, и т.п. Однако, как уже было доказано многочисленными исследованиями, даже женщины, не состоящие в браке, не имеющие детей и обладающие здоровыми карьерными амбициями, зачастую сталкиваются с проявлением сексизма в виде низкой, по сравнению с мужчиной, заработной платной. Более того, существует целый ряд профессий, обладательницы которых зачастую зарабатывают больше их коллег-мужчин, в числе которых профессии топ-моделей, инженеров в сфере продаж, статистов и пр.

Изучение образовательных и профессиональных траекторий женщин-преподавателей высших учебных заведений Франции и Казахстана, в частности женщин-математиков показало, что данная

категория женщин сталкивается с теми же проблемами, что и другие остальные.

Как и другие категории преподавателей, с начала семидесятых годов XX столетия количество преподавателей высших учебных заведений в целом сильно возросло. И, несмотря на то, что количество женщин-преподавателей высших учебных заведений увеличилось в несколько раз, на сегодняшний день во Франции 37,6% женщин имеют звание доцента (*maîtresse de conférences*) и лишь 15% – звание профессора (*professeur*). При этом эти данные превышают показатели десятилетней давности всего на 5% [29]. В целом, среди всех французских математиков, занятых в сфере высшего образования и научных исследований, женщины-математики в 2005 г. составили 20,4% против 20,9% в 1989 г. В области сугубо научных исследований, т.е. в CNRS женщины-математики в 2005 г. составили 16%, против 19% в 1989 г. [30]. По данным Национального Совета Университетов (*Conseil National des Universités – CNU*), представляющего ежегодный официальный отчет о количестве ученых кандидатов и докторов тех или иных наук, в 2010 г. во Франции женщины-математики, имеющие ученые звания доцента (*maîtresse de conférence*) и профессора первого класса (*première classe des professeurs*), составили 38% и 15,8% соответственно [31]. Более того, лишь каждые 2 женщины-математика из 27 числятся в Академии наук в области математики. Среди награжденных медалью Филдс нет ни единой женщины-математика.

В Казахстане в 2008 г. насчитывалось 10 780 исследователей, в том числе в области естественных наук – 3384 человек, 1873 (55,3%) из которых женщины. Однако, если учитывать, что в группу естественных наук входит не только математика, но и физика, ядерная физика, химия, геология, астрономия, информатика, механика, экология, география и гидрометеорология, то ситуация не кажется столь оптимистичной. Более того, несмотря на то, что в общей численности исследователей в области естественных наук женщины представляют большинство, среди исследователей, обладающих степенью кандидата или доктора наук, женщины составляют 47,3% [32]. В 2008 г. 31% всех исследователей Казахстана осуществляли свою научно-исследовательскую деятельность в высших учебных заведениях [33]. Общая же численность профессорско-преподавательского состава (ППС) казахстанских вузов на начало 2009/2010 учебного года составила 39600 человек, в том числе имеющих ученые степени кандидата и доктора наук – 15 969 человек [34]. В частности, в Казахстане ученую степень кандидата и доктора наук имеет 58,1% и 31% женщин, соответственно. 52,8% женщин имеют звание доцента и

лишь 25,4% – звание профессора [35]. Таким образом, в сравнении можно убедиться в том, что для казахстанских женщин-преподавателей «стеклянный потолок» находится несколько выше их французских коллег. Исключение составляют лишь женщины-математики. Ввиду того, что официальные статистические данные касательно точного количества ученых математиков в Казахстане отсутствуют и с учетом отсутствия ассоциации математиков (женщин-математиков) Казахстана, которые могли бы осуществлять подсчет математиков в стране, нами был проведен небольшой количественный анализ штатных сотрудников физико-математических факультетов, института математики. Согласно его результатам, женщины-математики представляют собой меньшинство в общей численности не только рядовых, но и остепененных сотрудников анализируемых учреждений. Так, по нашим подсчетам, женщины-математики, имеющие ученые степени кандидата и доктора физико-математических наук составляют 35,7% и 12,3%, соответственно. Таким образом, существование гендерной асимметрии академических карьер женщин и мужчин математиков Франции и Казахстана становится очевидным.

1. *История математики /Под ред. А.П. Юшкевича. Том I. С древнейших времен до начала Нового времени. – М.: Наука, 1970. – С.205-206.*

2. Tobies R. *Femmes et mathématiques dans le monde occidental, un panorama historiographique*. – P.27. http://smf4.emath.fr/Publications/Gazette/2001/90/smf_gazette_90_26-35.pdf.

3. Rebière A. *Mathématiques et mathématiciens : pensées et curiosités*. – Paris. – P.282 <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2049021/f18.image>.

4. Tobies R. *Femmes et mathématiques dans le monde occidental, un panorama historiographique*. – P. 28. http://smf4.emath.fr/Publications/Gazette/2001/90/smf_gazette_90_26-35.pdf.

5. Tobies R. *Femmes et mathématiques dans le monde occidental, un panorama historiographique*. – P. 32. http://smf4.emath.fr/Publications/Gazette/2001/90/smf_gazette_90_26-35.pdf.

6. www.kaznu.kz.

7. www.math.kz.

8. Dubet F. *Les inégalités multipliées*. – Paris: Editions de l'Aube, 2000. – P.8.

9. *Filles et Garçons à l'école sur le chemin de l'égalité*. – Mars,2008. – P.4. www.education.gouv.fr.

10. Djider Z. *Femmes et Hommes: les inégalités qui subsistent*. INSEE, n 834. – Mars, 2002. – P. 3.

11. INSEE *Enquêtes Emploi 2005, tableau «Activité, emploi et chômage selon la situation familiale et le nombre d'enfants»*.

12. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle formation pour quels rôles sociaux?* – Paris: L'Harmattan, 2004. – P. 27.

13. Chapira B. *Mathématiciennes. Journée d'accueil des MCF et CR en maths. Paris, Institut Henri Poincaré. – Janvier, 2011.* <http://evaluation.hypotheses.org/files/2011/03/barbara-schapira-accueilMCF-janvier2011.pdf>.
14. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle formation pour quels rôles sociaux? - Paris: L'Harmattan, 2004. – P. 27.*
15. Chapira B. *Mathématiciennes. Journée d'accueil des MCF et CR en maths. Paris, Institut Henri Poincaré. – Janvier, 2011.* <http://evaluation.hypotheses.org/files/2011/03/barbara-schapira-accueilMCF-janvier2011.pdf>.
16. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle formation pour quels rôles sociaux? Paris: L'Harmattan, 2004 – P. 29.*
17. *Образование в Республике Казахстан. Статистический сборник. Агентство РК по статистике. - Алматы, 2003. – С. 45.*
18. *Rapport UNDP Gender Equality and the State of Women in Kazakhstan. For the support of the third millennium target: encouragement of gender equality and the increase of women's rights and possibilities in Kazakhstan. - Almaty: UNDP, 2005. – P.34.*
19. *Rapport UNICEF L'investigation multi-indicatrice. Rapport final. - Almaty: UNICEF, 2006. – P.58.*
20. *Rapport UNDP Gender Equality and the State of Women in Kazakhstan. For the support of the third millennium target: encouragement of gender equality and the increase of women's rights and possibilities in Kazakhstan. - Almaty : UNDP, 2005. – P.36.*
21. *Женщины и мужчины Казахстана. Статистический сборник. /Под ред. Смаилова А.А. - Астана, 2010 – С. 61.*
22. *Rapport UNDP Gender Equality and the State of Women in Kazakhstan. For the support of the third millennium target: encouragement of gender equality and the increase of women's rights and possibilities in Kazakhstan. - Almaty : UNDP. – P.37.*
23. *Женщины и мужчины Казахстана. Статистический сборник. /Под ред. Смаилова А.А. - Астана, 2010 – С. 60.*
24. *INSEE Enquêtes Emploi 2005, tableau «Actifs occupés selon la catégorie professionnelle».*
25. *Laufer J. Femmes et carrières : la question de plafond de verre. Revue française de gestion, 2004, n°151. - P. 118.*
26. *Charpin J.-M. Femmes et Hommes: regards sur la parité. - Paris:INSEE, 2004.-P.9.*
27. *Занятость и оплата труда в Республике Казахстан. - Алматы: Агентство РК по статистике, 2004.*
28. *Рынок труда в Республике Казахстан 1991-2001 годы. - Алматы: Агентство РК по статистике, 2003.*
29. *Sasouault M., Chevvard F. Sociologie de l'éducation. - Paris: La Découverte, 2005. –P. 96.*
30. *Chapira B. Mathématiciennes. Journée d'accueil des MCF et CR en maths. - Paris, Institut Henri Poincaré. – Janvier, 2011.* <http://evaluation.hypotheses.org/files/2011/03/barbara-schapira-accueilMCF-janvier2011.pdf>.
31. *Bilan de la session 2009 de la section 26 du CNU* http://cnu26.emath.fr/bilanCNU_09.pdf.

32. *Наука и инновационная деятельность Казахстана. Статистический сборник. – Астана, 2009. – С. 32-33.*

33. *Женщины и мужчины Казахстана. Статистический сборник. / Под ред. Смаилова А.А. - Астана, 2010. – С. 63.*

34. www.stata.kz

35. *Женщины и мужчины Казахстана. Статистический сборник. / Под ред. Смаилова А.А. - Астана, 2010. – С. 63.*

Түйін

Бұл мақалада Франция мен Қазақстан математик әйелдерінің социологиялық аспектілерінің тарихы, білімі, еңбегі қарастырылады. Олар әлі де ғылыми әдебиеттерде толығымен зерттелмеген.

Резюме

В данной статье рассмотрены социальные аспекты истории, знания труда женщин Франции и Казахстана

Summary

Article rasmatrivayutsya sociological aspects of history, education, labor, women in mathematics in France and Kazakhstan, which in the scientific literature have not been studie.

ҚАЗАҚТЫҢ ОТБАСЫЛЫҚ ӘДЕТ-ҒҰРЫПТАРЫНЫҢ КЕЙБІР ӘЛЕУМЕТТІК ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

М.Дәкенов -

*Абай атындағы ҚазҰПУ-дың саясаттану және әлеуметтану
кафедрасының профессоры, тар.ғыл.к.*

Отбасы - неке қатынастары қазақ ойшылдарын толғандырған күрделі мәселелердің бірі. Ш.Уәлиханов қазақ отбасының ерекшеліктерін қарастырып, қоғамдағы әйел теңсіздігіне, езілуіне, көп әйел алушылыққа, қыздарды малға сатуға, әменгерлікке және т.б. әдет-ғұрып нормаларына қарсы шықты. Осымен байланысты отбасы - неке қатынастары саласындағы салт-дәстүрге кейбір өзгерістерді енгізуді жөн санады. Ол үшін, ғалымның пікірі бойынша, жергілікті әкімшіліктер «Қазақтар қыздарын белгілі бір жасқа шейін тұрмысқа бермейтіндей етіп, әкелер өз ұлдары мен қыздарын, олардың өз келісімінсіз ерлі-зайыптылыққа түсуге қысым жасамауға қатаң бақылау орнатуы қажет».

Ы.Алтынсарин ескілікті әдет-ғұрыптың қандай орын алып

келгенін біраз зерттеп, оның әлеуметтік өмірде қандай маңызы болғаны жөнінде дұрыс ғылыми пікірлер айтады. Соның ішінде құда-құдандалы болу, үйлену тәртіптерін мұқият талдайды. Оның пайымдауынша, қазақ қоғамын нығайту үшін көптеген әдет-ғұрыптар маңызды рөл атқарған. Мәселен, өздерінің достығын жеке болу арқылы нығайтқысы келген адамдар бірінің әйелі ұл, екіншісінің әйелі қыз тапса, оларды некелеп, өскесін бір-біріне қосу әдеті өз уақытындағы өмірден туындағанын айтады. Қазақ арасында берік орын алған әдет, - деп Ыбырай, - қазақтың өзінің сегіз атадан жақын туыстарының қызына үйленбеу әдетін көрсеткен.

Қазақ тайпаларының арасында болып тұратын ала ауыздықты басып тұру үшін Есімханнан бастау алған әдет: тайпа, ру басыларының бірінің қызын екіншісінің ұлына айттыру, сүйек жаңғырту әдеті болған. Бұл туралы Ыбырай: «Мұндай тәртіпте алысты болжағандық ба екенің, өйткені қазақ арасы тыныш болмаған кездерде оның халыққа пайда келтіргенін» қариялардан естігенін айтады.

Әрине, әрбір халықтың әдет-ғұрпы, белгілі бір дәстүрі оның сол бір тарихи жағдайында қоғамның мүддесіне лайық, заман талабына сай пайда болып қалыптасқан. Ыбырай айтып отырған қазақ дәстүрлері де солай қалыптасып, қоғамға қызмет еткен.

Ә.Бөкейханов қазақтың ұлттық әдет-ғұрып, салт-дәстүрлеріндегі отбасы-неке қатынастары мәселесін өзінің еңбектерінде саясаттану, құқықтану, мәдениеттану, әлеуметтану ғылымдары деңгейінде қарастырады. Ол бұл қатынастарды зерттеуді эпостық жырлардың мазмұнынан іздестіреді. Ол өзінің «Қырғыздың «Қобыланды» батыр жырындағы әйел» деп аталатын мақаласында қазақтың отбасылық формасы, ерлі-зайыптылардың отбасындағы орны, әйелдің әлеуметтік типтері жөнінде мазмұны терең әлеуметтанулық идеялар қозғайды. Қазақ қоғамының дамуына сәйкес отбасы-неке қатынастарының өзгеріске түсіп тұратынын әлеуметтік заңдылық санайды. Зерттеуінде өз күйеуінің жалғыз әйелі ретінде, ел ішінде үлкен құрметке ие болған Аналықты ерекше бөліп көрсетеді. Ол Аналықтың өз ықпалының артуы тек отбасында ғана емес, қоғамдық істерді басқаруда артқанын айрықша бағалайды.

Осындай әлеуметтік өзгерістерді әлеуметтанушы ғалым Ә.Бөкейханов қазақ әйелінің тұлғалық сапаларының жеткен ең биік жетістігі деп есептейді. Ол былайша түйіндейді: «Аналықтың мінез-құлқы ешқандайда күрделі емес. Ол жеке басының мүддесін білмейтін, өзгелердің қуанышымен және қайғы-қасіретімен өмір сүруші әйел. Сүйіспеншілік, қайсарлық және қызмет ету - Аналықтың өмірі және ол бұдан басқаны білмейді де. Бастапқыда

Аналық ата-анасының мүддесімен және олардың ерік-жігерімен өмір сүрді, оларды жақсы көрді, содан кейін оны күйеуге берді, қызмет ету үшін күйеуінен жаңа табынарын тапты. Аналық өзінің енжарлығымен малды еске түсіретін, өзінің қожайынына, билеушісіне деген күшті махаббатын, өзінің байлаулығын сендіре алмайтын, үнсіз және өзіндігі жоқ тіршілік иесі, тек жоғары мейірімділік қана кейде қазіргі қырғыз әйелдері басқаның дегеніне көнбейтін күйеулерінің ауыртпалығына, адамшылыққа жатпайтын үсті-үстіне таяқ жейтін» /1/.

Ә.Бөкейханов қазақ әйелінің әлеуметтік идеалын басқаша көрді, ең алдымын өзінің намыстық сезімі бар, өзінің адами құқын қорғай алатын тұлға ретінде көрді. Әйелді тұлға және азамат ретінде батыл көре білуді қазақ ойшылы былайша сипаттады: «Қарлыға ақылсыз әрі қайнаған әйелдің бейнесі, халықтың ортақ мойындауы бойынша, еркіндігін құқымен және міндеттерімен қайтарып алуды ешбір кедергілер мен құрбандықтарға тоқтамайтын еді. Өзінің ессіз ерлігіне қарамастан, қорқынышты қаталдығы мен мейірімсіздігіне қарамастан әйелдердің бұрынғы құқықтарын қалпына келтіруге күші жетпейтініне және ірі кедергілердің болғанына қарамастан халық қарлығын нормалды құбылыс ретінде қабылдайды. Одан рақымсыз құбыжықты көрді, ол өзінің үмітін қырғыз әйелдерінің жақсы болашағына артты» /2/.

Бұдан кейін қазақ қоғамындағы әйелдің әлеуметтік жағдайын Ә.Бөкейханов «Қырғыздың жас әйелдерінің құқықсыздығы» атты мақаласында қарастырған. Онда ойшыл әйел адамның «тұрмысқа шыққанын кейінгі» деп аталатын кезеңдегі әлеуметтік жәй-күйін талдайды. Бұл кезеңде қыз туған ауылын тастап, күйеуінің туыстарымен өмір сүруге өтеді, осы тұста жас келін жаңа өмір жағдайын, жаңа отбасының тұрмысы мен тәртібіне бейімделуіне тура келетін кезең деп сипаттайды. Бұл кезең уақыт шеңберіне салғанда тұрмысқа шыққаннан кейінгі алғашқы жылдарды қамтиды. Осы кезеңдегі әйелді Ә.Бөкейханов жас келіншек қатарына жатқызған.

Салыстырмалы талдау негізінде Ә.Бөкейханов әйелдің тұрмысқа шыққаннан кейінгі алғашқы жылдарға қарағанда өз ата-анасының отбасының қыз күнгі кезеңі әлдеқайда жеңіл болады деген қорытындыға келеді. Қыз күніндегі уақытын ол «жайбарақаттық және еркіндік» кезеңі ретінде бағамдайды.

Әйел өміріндегі осы кезең арасындағы әйел адамның мәртебесіндегі айырмашылықты көрсетеді. Ол былай деп жазады: «Б. қызы даланы қоқан билеген замандағы бұрынғы бектің, сұлу өзінің жақындарымен өте ерке болатын. Бірде тойда, ол құрбыларымен өз ауылынан бір шақырымдай жерде орналасқан таныстарын оралғанда,

ол шаршаған болып жолда қалып қояды, бұл оның өз аулына жаяу жетуіне мүмкіндік бермегендей болды; өзінің анасына арба жіберуді сәлемдейді, сонымен қатар күш жинау үшін шәйда сұратты. Анасы өз қызының күлкілі орынсыз тілегін бірден орындады, Осындай ерке қыздың, үлкейген жас келіннің жақсы әйел атану үшін алғашқы кезде осылай жасауы тиіс, ең бастысы құрметті келін басқа әйелдермен бірге енесінің киіз үйінің керегесіне түтін шығатын шаңырақты ұстап тұратын жоғары уықтарды шанышатын болды».

Жіптен жасаған жылқының қалың қылы еркенің мәпелеген қолының алақанының жұмсақ терісін жырттып кетті, қоршаған адамдар оның қолынан аққан қанның жеңіне тамып тұрғанына таңдана қарап, үлгілі келін атану жолындағы жас әйелдің бейнетін тоқтатты. Кейін У бұл атақты лайықты деп иеленді.

Осы мысал арқылы, Ә.Бөкейханов шығу тегіне, мүліктік жағдайына, әкесі берген жасауының көлеміне қарамастан қазақ қоғамындағы әйелдің теңсіздігін көрсетуді мақсат етіп қойған.

Мүліктік теңсіздік ер адамдардың арасында да етек алған құбылыс болған еді. Мал-мүлкіне қарап қазақ қоғамының әлеуметтік жіктелуі күшейген. Ә.Бөкейхановтың дәулетті отбасынан шыққан қыздың өмірінен фактілер келтіруі және олардың мүліктік жағдайына үлкен көңіл аударуының өзіндік себептері болды. Бұл жөнінде ол былай деп жазады: Өзінің шексіз байлығымен бүкіл кең далаға аты шыққан А. деген байдың «молшылықта тәрбиеленген «Жаппастың» Б. қызы, «қыпшақтан» шыққан С. деген байдың баласына күйеуге беріледі, оған әдеттегі заттар есептемегенде 50 кілем жапқан, 50 түйені жасауға берілген; сонымен бірге оған екі киіз үй берілген, оның бірі ең жақсы ақ киізбен жабылған, ал екіншісі қызыл шұғамен жабылған; екінші киіз үйдің керегесінің 125 басының екі елі жері күміспен қапталған; сонымен қатар жас келін қымыз жасау үшін керектілерімен қосып 25 сауатын бие және құл мен құң алған». Осылайша Ә. Бөкейханов күйеуге шыққан әйелдердің бәрінің бірдей теңсіз өмірін айқындаған.

Қазақ салты бойынша келін атасының есімін атамауы тиіс. Осы жәйтті Ә.Бөкейханов бейнелей келіп оның салдары келін үшін ауыр соққы болғанын атап көрсетеді. «Келіннің атын атағанына намыстанған А. атасының жіберген адамдарды сол түні өз киіз үйінде тұншықтырып өлтіреді. «Жаппастықтар» қызы үшін құн алады. Кінәсін мойындаған «қыпшақтар» бұған қоса келіндікке қыз қосып береді. Жаппастықтар қыпшақтармен түбегейлі татаулық орнату үшін әрі туыстықты жалғастыру үшін жас әйелі өлген әлгі жігітке қалыңдық сұрайды. Ойшылдың пікірі бойынша, қазақ әйелдері жақсы өмірге лайықты жандар. Өйткені қазақ әйелдеріне табиғаты-

нан мынандай қасиеттер: тапқырлық, ақыл ойының икемділігі, қоршаған ортада жылдам бағыт-бағдарды анықтай алу қабілеті тән.

Отбасы-неке қатынастарына Ж.Ақпаев осы мәселеге ол «Қырғыздардың дағдылы, атап айтқанда неке құқықтары жөніндегі нобайлар» атты еңбегін арнады. Онда қазақ қоғамындағы некеге отыру мен ажырасу тәртібіне көп көңіл аударған. Ж.Ақпаев қазақтардың неке салты мәселесін құқықтық тұрғыдан қарастырып, ол бойынша бірқатар құнды идеялар айтқан. Қазақтардың неке нормалары туралы мақала жазу қарсаңында қазақтардың отбасы-неке нормалары жөнінде қазақ, орыс ғалымдарының бай заң әдебиеттері болды. Отбасы-неке қатынастары проблемасын зерттеушілердің көпшілігі оны этнографиялық тұрғыдан қарастырған еді. Олар еңбектерінде құда түсу салтын, тойға дайындалу, оны атқару салтын сипаттады, осы үрдіске қатысушылардың аталмыш қатынасқа техникалық бағасын берген. Ж.Ақпаев қазақтар құда түсу салтына үлкен мән бергенін жаза келіп, екі жақтың «құйрық-бауыр» жеумен құдалықтың бекітілген рәсімнің некелік қатынасты орнатып, нығайтудағы маңызын атап көрсетеді. «Қазіргі уақытта деп жазды Ж.Ақпаев, - бұл қарт жасаудың елеулі мәні бар және шынында да қалыңдық пен күйеуінің ата-аналары арасында толып жатқан құқықтар мен міндеттер туғыза отырып, неке-шарт қатынастарының пайда болуына жәрдемдеседі» /3/. Қазақ салтында «Құйрық-бауыр» жеудің екінші бір жағы ерлі-зайыптылардың арасында дау-дамай туған жағдайда, оны шешуде құдалардың құйрық-бауыр жегені билердің билігі үшін де белгілі бір іс атқарған. Осылайша аталмыш қоғамда құйрық-бауыр атқарып отырған функциясын меңзейді. Ж.Ақпаев қазақтардың некелік қарым-қатынастарында «қарғы бау» деп аталатын сый-сияпат рәсімін бірінші орынға қояды. Мұндай қажетті тартуды негізінен күйеудің ата-анасы жасайды. «Қарғы бау» «қарғы» - иттің мойын жібі және «бау» - жіп (шынжыр) сөздерінен шыққанын, оның құдаларды мәңгі байланыстыратын фактор деп қарастырып, соның негізінде екі жақ «ит үйшігі жанындағы қазыққа байланатын ит сияқты, бір-бірімен байланып-маталатын болған» /4/.

«Қарғы бау» жолын бұзған құда жағы өздеріне берілген сый-сияпаттын мөлшерінен үш есе көлемінде айып пұл төлейтін болған. Бұдан әрі Ж. Ақпаев қалың мал, киіт кигізу, қол ұстатар, тартыс, бақан тастар, ит ырылдар, көрпе қимылдатар, талақ сияқты салт жолдарының әдет-ғұрып рәсімдерінің әлеуметтік мазмұнын ашып, олардың неке-отбасы қатынастарын нығайтудағы рөлін көрсетеді. Ж.Ақпаев қазақ қоғамындағы ерлі-зайыптылардың салыстырмалы түрде некені бұзудағы теңсіздік жағдайына көңіл аударып ер адамның басымдығын атап көрсетеді. «Қырғыздардың дағдылы, атап

айтқанда, неке құқықтары жөніндегі нобайлардың» оныншы пунктінде Жақаң «Ажырасқан кезде үстем адам ері болып табылады, ол өз әйелін кез келген уақытта тастап кете алады. Әйелінен ажырасқан еркек жөнінде қырғыздар ол әйелін талақ етті (қатынын талақ қылды), басқаша айтқанда, ол әйелін басқа жартысы болмағандықтан, бейшара және жалғыздық күн кешетін талақ сияқты мәңгілік бақытсыз етті дейді. Қырғыздардың түсінуінше, талақ адам организміндегі мүлдем басы артық ауыртпалық болып табылады, адам онсыз да тіршілік ете алады; талақты жануардың құқыты мен әсіресе, іріпшірумен бір қатарға қойып, оның екеуін де «жын» деп атайды» /5/.

Отбасы-неке қатынастары 1917 жылы Орынбор қаласында өткен жалпы қазақ құрылтайының шешімдерінен де орын алды.

Құрылтай қатарында әйелдерге еркектермен тең саяси құқық берілді; оларға некеге отыруға таңдау еркіндігі берілді; қыз бен жігіттің неке жасы 6 және 18 жас деп айқындайды. Байырғы әдет-ғұрып институттары саналатын қалың мал мен әменгерлік жойылды. Қазақ әдет-ғұрпында, салт-дәстүрінде қалыптасқан әменгерлік институтының жағымды жағы - ізгіліктік бастауы болды. Бұл институт жәй мүліктік мақсатты қуған жоқ. Оның негізгі мақсаты өмірден озған күйеу мен әкенің жесірі мен жетім балаларына қамқорлық жасау еді. Бұны қайтқан адамның ең жақындары ғана қамтамасыз ете алатын еді. Осымен байланысты мынандай пікір қалыптасқан: Сахардағы өмір салты демократиялық құрылыстың демократиялық өзара қатынастың қажеттігін тұрақты түсінуді берді, бұл әменгерлік сияқты салттардың көрінеді. Әйел, күйеусіз қалған жесір, күйеудің інісіне қосылған. Бұдан малды сақтап қалуға тырысқаны ғана байқалып қоймайды (егер де жесір әйел өз ата-анасына оралатын болса, онда мүліктің белгілі бір бөлігін ала кететін болған, егер де ол бөлініп жеке тұрғысы келсе де әлгі жағдай қайталанатын болған), сонымен бірге әйелді өмірдің қиыншылықтарынан сақтауда, оған қорғалысты сезінуді беруде байқалады.

Кейбір зерттеулер әменгерлікті мұсылман дінімен қазақ арасына келіп сіңген әлеуметтік құбылыс деп санайды. Бұл институттың әлеуметтік мәні, біздің пікірімізше жесір әйел мен балаларды шетке шығармау, тайпа, ру адамдарының санын сақтап қалу, оны көбейту, жас ұрпақтың өз жұртымен туыстық қатынасынан қол үздірмеу керек т.б. әлеуметтік жағдайларға келіп саяды «Жесірдің елден кетуі сол ел үшін үлкен мін саналған» /6/.

Некеге шығудың маңызды шарттарының бірі ретінде рулық экзогамия қағидатты жарияланды. Алайда бұл жағдай жаңа дүние емес еді, өйткені ол дәстүрлі қазақтың әдеттегі құқының міндетті нормасы ретінде өмір сүріп келген нәрсе еді. Оның негізгі мақсаты -

келешек ұрпақтың денсаулығына қамқорлық жасау. Осы жағдайға сәйкес қазақтардың әдеттегі құқы рулық экзогамияның қағидаттарын қатаң сақтауды бекіткен, яғни қаны жағынан тікелей туыс болып келетін жақындарымен некеге отыруға нормативті тиым салынған. Қазақтардың әдет-ғұрып құқы нормаларының мұндай талаптары адамгершілік тәртіп проблемасымен және ұрпақтың толық қанды, денсаулығының мықты болуынан туындаған қамқорлықпен тікелей байланысты. Экзогамдық тиым салуларды бұзған кінәлі жақ қатанда қатал жазаға, тіптен өлім жазасына дейін тартылды, ал жеңілдететін жағдайлар болғанда олар рудан қуылды.

XIX ғасырдың екінші жартысы - XX ғасырдың басында рулық экзогамия институты эволюциялық кейбір өзгерістерге түскенімен, ол бұрынғыдай қатаң формада сақталып қалды.

Көп әйел алушылық институтына да белгілі бір өзгерістерде енгізілді. Жалпы қазақ құрылтай қарарына сәйкес ер адам екінші әйелді бірінші әйелінің келісім беруінің негізінде ғана ала алатын болды. Өйтпеген жағдайда ол бірінші әйелінен ажырасатын болған. Бұған қарамастан еркек бұрынғы әйелін күйеуге шыққанға дейін материалдық жағынан қамтамасыз етуге міндеттендірілді. Осылайша «Алаш» партиясының өкілдері, соның ішінде Ә.Бөкейханов, өздерінің осы институтқа жағымды көзқарастарын білдірген. Тарих Ә.Бөкейхановтың танымының дұрыстығын дәлелдеп шықты. Бұны, ең алдымен, Қазақстанның егемендік пен тәуелсіздік алуымен байланысты, қазақ қоғамының көптеген дәстүрлі институттарын қалпына келтірілу фактілері куә. Оған кеңес үкіметі өмір сүрген кезеңде қылмыс саналған, бүгіндері заңмен тиым салынбаған, көп әйел алушылықтың жандануы айқын мысал бола алады.

Ә.Бөкейханов отбасы-неке құқығындағы мүліктен дүние бөліп беру, енші беру институтына айтарлықтай көңіл бөлген. Мысалы, егерде әкенің бірнеше ұлы болатын болса және оларды бөліп шығарса, онда қыстау (киіз үй, мал) өзімен бірге тұрған ұлына, оның үлкен кішілігіне қарамастан, өтетін болған. Егерде ұлдары әкесінің тірі кезінде еншіленбесе, онда әкесі өлгеннен кейінгі дәстүр бойынша мүлікке өзімен бірге тұрған ұлы мұрагер болып қалады. Ә.Бөкейханов оның қай баласы: үлкені ме, ортаншысы ма, кішісі ме мұрагер болуы маңызды еместігін атап көрсетеді. Алайда өмірде негізінен мұрагер кіші ұлы - кенжесі болады, өйткені ол әкесімен бірге тұрып қалатын еді.

Ғалым сонымен қатар өте қызықты салтты еске салады: енші

тимеген ұлдары әкесінің тар қыстауын тастап, жаңа жер іздеуге мәжбүр болатын еді.

Сайып келгенде, қазақ ойшылдарының отбасы-неке қатынастары туралы ой-пікірлері әлеуметтану ғылымында өзіндік орны бар. Қазақ отбасының формалары, некенің түрлері, әйел қауымының типтерін, жанұя қатынастарын айқындауда маңызды зерттеулер.

1. Бөкейхан Ә. Таңдамалы. (Избранные) - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. -320-321 бб.

2. Сонда 326 б.

3. Құл-Мұсхамед М. Алаш ардагері Ж.Ақпаевтың саяси-құқықтық көзқарастары. - Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 151 б..

4. Сонда. 150-155 б.

5. Кенжемахметұлы С. Қазақтың, салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. - Алматы: Ана тілі, 1994. -116 б.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые социальные особенности семейных традиций казахов.

Түйін

Автор бұл мақаласында қазақтың отбасылық әдет-ғұрыптардың кейбір әлеуметтік ерекшеліктерін қарастырады.

Summary

In the article some social features are considered Kazakh family traditions.

САЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

WAR AS THE MARKER OF SOCIETY REGRESS

Mr. R.B. Absattarov -

*Head of Department of Political, Social and Philosophic Science at the
Institute of Post-Graduate and Doctoral Training
Philosophy Science PhD, Professor at Kazakh State Pedagogical
University named after Abay*

The political conflicts and armed violence go along with the mankind through its entire history. Only after the end of World War II there had been about two hundred localized wars and conflicts initiated in the world. Though they had been in-situ and limited in time, yet they resulted in numerous fatalities, material losses, hard recoverable environmental costs and etc. These conflicts and wars had severely negative effect on the political, moral and psychological climate in the entire world.

The political conflicts and wars bring in stress, confrontation, enmity, human and nations destruction and other into the life of society. Therefore it is quite necessary to analyze the character of political conflicts and wars within the framework of social and political science.

The patterns of the political conflicts generation can vary. If the confrontation of the opposed parties overflows into the acts of the armed violence, then the political conflicts turn into the war, the extreme state of such conflicts. The war means the regress of the society.

The war in the political science is determined as the organized armed struggle between social classes, nations, people or countries. The transition of the social and political conflict into the stage of the armed struggle is occurs when each party strives to dictate its will to its opponent by force and arms, and therefore puts on the destructive attacks on human and material resources of the enemy. Generally, the instruments of economic, diplomatic, ideological and other means of pressure are applied additionally to accomplish the objectives of the war.

The war, as the form of the social and political conflict, goes along with the entire history of the world community evolution. Our era is not the exclusion, as well. Its character has been pretty much determined by the armed confrontations, including two world wars. For the last five and

half thousand years there have been about 15 thousand of major and minor wars in total during which over 3.6 billion people were killed or died due to famine and epidemics [1].

The political analysis of the war anticipates the consideration of a number of issues, and the main of them are: the nature of the war in terms of the political phenomenon; armed forces as the political attribute; types of the armed conflicts; political aftermath of the armed conflicts; opportunities for war prevention and its complete exclusion from the life of the community. The other aspects of the war are the subject of the specific military disciplines.

Already in the high antiquity times the war had been regarded as the social and political blemish. This idea is contained in the number of antique monuments of literature, where it had been outlined in the form of the reveries about the irreversibly bygone Golden Age, when all men were brothers and did not encounter the horrors of war. The inscriptions cut in the stone at the command of Ashoka, the ancient Indian Emperor, had condemned war.

Reverting to the origin of the armed conflicts it should be pointed out again that the war is regarded as an isolated instance of the political conflicts, as the excess of such conflicts. That is to say that the war and socio-political conflicts are both of the same origin and nature. Wars are the result of social division of the society into classes. The elements of war for sure had taken place already in the times of the banal society, though the forced collisions at that time still had been occasional and of non-political character. At the progress of the social differentiation the war turns out to be one of instruments for the forced takeover of the directly consumed commodities and means of their production, as well as the producers. That is to say that the different, or, to be precise, adverse interests of various social groups and communities appear be the root cause of wars. It is hard to identify any other distinct cause of wars pursued during the millennia of the human history. Even nowadays neither of the social groups within the society, nor a single country makes war only because of the quiet life boredom. Each war stems from the various conflicting interests, which could not be implemented by peaceful means.

The identification of the political objectives of the war, which have an effect on its matter and prosecution, is attributed to the politics. Carl von Clausewitz had stated the following in his works: "Now if we reflect that war has its root in a political object, then naturally this original motive which called it into existence should also continue the first and highest consideration in the conduct of it. Still the political object is no despotic lawgiver on that account; it must accommodate itself to the nature of the

means, and through that is often completely changed, but it always remains that which has a prior right to consideration. Policy therefore is interwoven with the whole action of war, and must exercise a continuous influence upon it..." [2].

The objectives, tasks and the character of the possible war are formalized by the nation, its ruling group in the policy that is called Military Doctrine. To wide extent, the Military Doctrine – is the current governmentally accepted system of judgments on the matter, goals, character of the possible future war, as well as on the preparation of the state and armed forces to the war, warfare techniques and forms. The basic provisions of the Military Doctrine are formed of and changed in compliance with the politics, socio-political formation, geopolitical status of the country, level of the productive power development, latest scientific achievements, potential enemies and allies and many other factors.

Therefore it should be pointed out, that for the war prosecution there the special-purpose agencies, such as armed forces or army, appear. The political science considers army as the state agency intended for implementation of the state policy by means of the armed violence.

It also should be stated that the war can be classified by different characteristics. The war can be civil, interstate, regional or global.

The civil war – is the armed struggle between various public forces, nationalities or groups of people within one country for the governmental power or regional independence, which also involves, in general, the army, special services, political parties, religious organizations and other civil groups. The war in the multinational countries is associated with involvement of the ethnic communities and various social elements.

An interstate war - is the effort to resolve the political contradictions by means of the armed violence. This kind of the war can be caused by economic, territorial, religious, environmental and other contradictions between the countries, races and etc. Lack of life-supporting resources due to the growth of the population can also be the reason for the war.

Regional and global wars involve many countries, military alliances and other. Operation Desert Storm, when the US Forces defeated the Iraqi troops that occupied Kuwait in 1991, or 2008 South Ossetia War, in which Russia battled in favor of South Ossetia, can be the examples of the regional war. The global wars are associated with the re-division of the world, life-supporting resources. The wars of this kind are accompanied with numerous war victims; they can be prosecuted in several continents with involvement of the majority of countries. During the first half of the

20th century two world wars occurred in 1914-1918 and 1939-1945. At the end of the 20th century the world witnessed US Forces with NATO allies having defeated and split Yugoslavia, and occupied Afghanistan and Iraq [3]. It is possible that in the nearest future the world community can witness new wars with participation of US Forces and NATO.

The term “totalitarian war”, which is referenced occasionally in the literature, describes the most extreme state of the armed violence conducting to numerous victims.

Every war is always associated with the occupation of the defeated countries territory.

The occupation political regime is established over the occupied territory. The state, which has occupied the part or the entire territory of the other state, establishes there the military government and etc.

It should be noted, that the means of warfare at the time of scientific and technological progress become more and more sophisticated and dangerous. The destruction potential that has been so far accumulated in the world is as powerful, as it can result in the global catastrophe spelling the destruction of the entire humankind.

Each of the conflicting parties experiences different political consequences depending on the war progress and result. During the military actions, especially at the initial phase of the conflict, the warring social community (class, nationality, public) consolidates, and along with that the ruling political elite asserts its power. These processes intensify in case of successful military actions, and the legitimacy of the existing government becomes even more settled if victory is achieved. At the same time, the political elite of the party, suffering the military defeat, encounters difficult times. The war passes the final sentence to the political institutions established by the ruling group. In general the defeated political forces lose the governing powers and come down from the political arena. Sometimes, the ruling group remains in power, yet it happens rarely.

Most frequently the defeated nation enters into the period of its history and gets the opportunity to constitute the new political system. There are numerous examples in the history, when the outcome of a war has resulted in the reformation of the entire society's political system or extinction of the state.

The war can also bring into movement the hidden springs of the socio-political upheaval. Each war takes a high toll, and it is a heavy burden

placed on the people at large, which can lead them to disappointment with the government and conflict within the society, as it actually happened in Russia, in 1917. The heavy military campaign, which devastated the country and led to the loss of the czarist regime legitimacy, turn out to be the detonator for the revolutionary outburst.

Wars are so tightly interwoven into the humankind history tissue that it is hard to imagine that no wars will occur in the foreseeable future. The opportunity of the war threat elimination was linked by Marx with the perspective of the communistic social relations establishment, when, as appeared to him, the preconditions for any socio-political conflicts are vanished. However, if the conflicts, in succession to Simmel, are considered as the results of essential hostility human instinct demonstration, then it is unlikely that there is a single chance that wars, as a variation of a conflict, will be abolished.

Nowadays, then the humankind encountered the actual threat of self-destruction, many enter into idea that in the existing conditions the war is not the reasonable option for political activity. Therefore in the modern political developments the idea of non-violent struggle becomes widely spread. Yet, this great idea does not help solving the issue of war abolition.

For this reason a number of philosophers, social scientists, historians and political analysts of various schools believe that nowadays it is not an issue if the war is fair or unfair, since the distinctions become blurred out [4]. These scientists think that since any local military conflict can lead to the global nuclear disaster, then for the sake of the mankind deliverance, there should be no wars, whether fair or unfair. However the wars still keep being the actual element of the political activity, and each of the parties involved in a conflict considers its war is fair and progressive. Nevertheless, there is hope for the mankind progress in terms of social life and morals, which would lead to the exclusion of wars from the life of the world community, and enduring non-violent peace would be established all over the planet.

Mr. K. Right, one of the contemporary political scientists, thinks that the military option of conflict resolution is purely illusive, since no contradictions can be overcome by force. Compromise, acceptable for all involved parties is the solution for a conflict.

Finally, it should be stated that the political conflicts and wars, in substance, represent the type of relations, when the political interests and their supporters interact, and the political means of conflicts and wars

resolution are applied in all aspects of the community life. The human history shows that the mankind should struggle for peace and concordance, prevention of wars and arrangement the conditions in the society, which would contribute to complete abolition of war.

1. *Мировая история*. – СПб., 2010. – С. 150.
2. *Клаузевиц К. О войне // К. Клаузевиц*. – М., 1997. – С. 55.
3. *Хоменко А.С. США и НАТО*. – Харьков, 2009. – С. 21.
4. *Сергеев Г.Я. Мир и согласие*. – Казань, 2010. – С. 27-28.

Түйін

Мақалада соғысты қоғамның регрес көрсеткіші ретінде қарастырады, бұл-саясаттану ғылымында жете зерттелмеген. Дискуссиялық мәселелерге көңіл бөлінген.

Резюме

В статье рассматривается война как показатель регресс общества, которая еще недостаточно изучена в политической науке. Уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Summary

The article deals with war as an index of regression of society, which remains poorly understood in political science. Attention is paid and controversial issues.

POLITICA AND POLITICAL SYSTEM OF A SOCIETY

A. Shaltykov - Ph.D. Political science

It's hard to find a man who doesn't use term "policy". Meanwhile, answers to the question "what is policy" are different and sometimes contradictory ones. There is more contradiction to questions where and who makes policy, who makes decisions and why, who is a policy maker. We all live within the policy, sense it every day but it's hidden from us and its roots are all mysterious for us.

It's not easy to give a definition to modern policy. There are a lot of definitions of policy especially in CIS countries which became most political in the world.

Countries of ex-USSR heritage Soviet political science which adhered Lenin's definitions of policy though in 1980 s they were

synthesized and smoothed. Policy was defined as an activity which dealt with relationships between groups of people, nations and other social groups. The core of this activity was to conquer, maintain and use of power /1/. But what kind of activity is not connected with such relationships? There is ambiguity of the definition which considers power as its aim.

Later politic scientists of post Soviet countries adopted almost all opinions about policy which existed in the world and now everybody can take any of them or even several of them.

Non of the existing definitions on policy which were accumulated within thousands of years are meaningless. Every of it characterizes one or several sides of this huge and dynamic object. We shouldn't loose any of them.

Summing the most important characteristics of modern policy we can say that it is an activity aimed at satisfaction of interests and solving of social problems by forming, maintaining and changing of power and society management.

Such definition of modern policy is enough to distinguish it as special society management from other activities which is close to social activity. It has both practical and scientific meaning.

Policy has many sides: it's both subjective and objective, it can work as a will and as a thought. It can be as a activity project and activity itself. Altogether the policy is a special social reality which has specific properties, functions, structure etc. which allows unite all above mentioned properties.

So, there is no doubt that policy is the most complicated category in political science. The main difficulty is in its limitless meaning. The term has numerous definitions. For example, foreign policy, B.Obama's policy, economic policy, financial policy, budget policy, wine policy, low interest rate policy, anti alcohol policy and others. We can numerate a great amount of such examples. The policy is within the life of a society.

The role and meaning of the policy is especially important in crisis times when basis of life is transforming, people's ideals, values, views, orientations are dramatically changing. Such kind of period is experiencing now Kazakhstan. It's clear special actuality of changing of the whole system to rehabilitate the society is to change social and humanitarian science among which political science should take an honored place.

Many researches characterize policy as “social activity in political life of a society aimed at achieving, maintaining, strengthening and realization of power”. One can consider the definition as precise. Two important characteristics of the term are highlighted here: first, it’s an activity, second, it roots in political system of a society. The term policy should be added two more characteristics. First, policy as an activity is based on political power with all consequences. Second, policy embraces all social life of a society rooting in political sphere.

Such understanding of a policy has a task to balance term “policy” and “political system of a society”.

Society management is not only activity. Correct political aim is a part of a task. It’s important to find conditions of its realization, see social powers which can be assets to fulfil the task. It’s important to re-orient or neutralize powers which can hinder the political course by any means. Altogether above mentioned means are small part of activity which denotes term “policy”.

Now what’s the balance between term “political system of a society” and “policy”? Political system of a society is one of the biggest part of society life. It’s a concrete historical form of interactions of policy subjects which defines political relationships between them, sorts them, and puts limits within political activity. Political system provides society roles as single centralized organism where policy subjects realize their interests by means of management or struggle for power. It connects political institutes (state, political parties, organizations and movements) through law system, traditions, and political communication with social groups, national ethic and other societies. It controls main directions of political activity of people, development of political processes.

So, political system is complicated mechanism of forming and functioning of power in a society. It’s a collection of state and non-state institutes, political principles and laws by means of which political and power relations are realized.

Political system is an universal management and regulating system which provides unity of functioning of all other society subsystems on the basis of usage of political power.

Three scientific notions lie in term “political system of a society”: “system”, “policy”, “society”. The first one is to draw attention to the fact that there is social phenomena which has system character. It means that it’s an integrity formed by numerous elements. These elements are interconnected between themselves and interacting with each other. And this is system structure which acquires properties of internal organization and unites it.

Word "political" points to character of the system, its differences from other systems. The notion of this word is to show what kind of human society system we are talking about. It's well known that main of them are considered to be economic, social, political, spiritual systems.

Political system means that it's connected to political society life. It's based on policy, political relations, political power. It applies both the whole system and all its structural elements. Policy is direct, main subject of existence and functioning of political system.

Policy is an activity which is important, necessary and very complicated. It's impossible to understand it out of political society system. To some extent policy is a mean and mechanism of functioning of political society system. Political activity is initiated by all subsystems of political society sphere. It goes without saying the most active part of it is institutional part. Sphere of this activity goes beyond its own political system. Economic, social, spiritual and other society life spheres are influenced by political system.

The main aim of a policy is within its boundaries to manage objects (international arena, region, separate country, its administrative units etc.) is to provide realization of its interests.

Some experts say that policy is a science others say that it's an art. Both of them are right.

Policy as a science. This characteristic is especially displayed in achievement of big aims and realization of big political actions. For example, working out political course of a country for some period scientific research should be carried out which includes material provision of intended economic programs, population readiness to support the course and attitude of governments of leading countries toward new political course. Besides it's necessary to take into consideration objective laws of development of political system itself, its interconnections with other spheres of political life. It's important to balance political course with economic development of a country and with its political regime. There are a lot of illustrations of policy is a science. In particular, policy reforms in modern Kazakhstan. Achievements (undoubtedly exist) and disadvantages, errors (also exist) are dependent on level of scientific provision of political course.

In modern developed democratic countries citizens have opportunity to see scientific provision of policy carried out in their countries. USA President Candidacy or State Governors or Mayors in their pre-election campaigns prove realization of their promises, in particular political ones which are in their programs.

But policy is not only science. Probability character of political processes, force majeure circumstances, insufficient information,

ambiguity of results, impossibility to control numerous political processes – these all characterize policy as an activity. And these characteristics do not provide sufficient basis of high efficiency of policy. The compensation what science cannot make in policy is art.

Policy as an art. Policy as an activity is extremely complicated and it requires those people who implement it maneuvering, psychology in concrete political decisions. Policy as an art reveals in activity connected with intuition which allows politician to find political compromise in complicated situations or take unexpected but the only right decisions which save nations.

Thus, art in policy includes intellectual, rational and intuitive decisions which convince people to follow them.

In mix with term “policy” different characteristics are used – from “high policy” to “policy is a dirty business”.

It goes without doubt that high policy prevail, i.e. political activity aimed at society goodness, democracy development, progress in all spheres of social life which can be achievable by wisdom of politicians, their ability to compromise and their fair service to the society. In other case humanity civilization wouldn't survive.

Unfortunately, as political system functioning shows there are negative processes which roots in policy. It is connected first of all with actual permanent phenomena in political system life – struggle for political power, highest state posts within which the struggle can go beyond its boundaries of moral and responsibility.

Moreover, the history knows cases of large scale anti-people policy: Fascists dictatorship in Germany and Italy, totalitarian regime in ex USSR. At the same time the history gives policy if it's dirty business little time from historic point of view. Fascists' regime intended to exist thousand years. Communists didn't see end of time for communists society. But the history returned peoples to civilization in short historic period of time.

They say that policy has no limits. It is correct. Such characteristics as different nature, properties, qualities etc. are fair to analyze this kind of activity.

From one hand, policy puts order and fair into the life, it provides goodness for all people which protects from negative influence of private interests of separate groups. However, from the other side, policy often leads those people who carry out it to realize their own interests in detriment of social interests. Because of these characteristics French political scientist Moris Duverje called policy “twofaced Janus” in his work in 1996 “Policy ideas. Power application in a society”.

It's important to understand what kind of complicated and

contradictory term is that this activity which roots in political system of a society and it is connected to struggle for power, organization and management of society life.

1. *Philosophic encyclopedia dictionary*. - M., 1983. - C.507.

Түйін

Мақалада әлі де саяси ғылымда толық зерттелмеген саясат пен саяси жүйенің өзара қарым-қатынастары қарастырылған.

Резюме

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействию политики и политической системы общества, которые недостаточно изучены в политической науке

Summary

The article deals with topical issues of the interaction of politics and political systems of society that are not studied in political science.

CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF POLITICAL PARTIES IN SOCIETY

T.K. Auelgazina -

doctor of political science, professor of chair of political science & social-philosophical disciplines of Institute for Master and PhD programs

Among the real political forces, operating openly on the political scene, are the most influential party. In terms of representation and expression of individual and group interests of political parties constitute a major element of civil society. It is hard to imagine a modern society, its political system without the interaction of parties and party groups. Institute of parties - a result of socio-economic and socio-cultural evolution of society.

The fact that organized the action is more effective than the individual, it was noticed long ago. Already in Aristotle's time spontaneously formed political groups which were called parties (from the Latin «pars / partis» means «part of something»). Party represented a temporary association to support any individual. Grouped around a political figure, his supporters and followers provide coordination,

which enabled them to achieve their goals. But the political struggle has remained the rivalry of individuals, who relied on their clientele (union supporters around the leader). Party in the modern sense began to emerge in the eighteenth century in Britain and the United States. In the initial stages of attitudes toward them were negative. Defending the interests of certain groups in society, they split it serves as a source of conflict. According to the remark of A. de Tocqueville, "the party is a necessary evil of free governments" [1,63]. Hobbes also directly pointed out that "... the party lead the insurgency," and JJ Rousseau believed that the influence of political parties threaten the stability of democracy [2]. The same negative opinion about the parties adheres too many of their contemporaries. But even before the first political parties in the UK - Tories and Whigs - from the late seventeenth century. British thinkers began to prepare public opinion to a positive perception of the parties.

Initially, they were instructed to express the national interest. English philosopher Edmund Burke observed that "the party is an organization of people united to promote jointly the national interest, guided by some specific principle, about which they all agreed" [3,128]. The growing differentiation of interests of different social groups has led to changes in the original function of representation of national interests and the party turned into a mechanism of expression of group preferences. The emergence of parties as a new political reality has transformed the political struggle of the opposition to the interaction of individual's interested groups in the complex relationship of rivalry and alliance. Naturally, not every group organized interests can be called a party. Features which distinguish the parties from other political forces, formulated by J. and M. Weiner Lapalombara in "Political parties and political development" [4]. They have identified four basic criteria by which one can identify a political party. The first sign of a political party is that it is an organization that is quite stable over time bringing people together. Long duration of action of the organization to distinguish it from the clientele, factions, cliques, which appear and disappear along with its instigators and organizers.

The second sign - any political party or ideology is the carrier of a particular vision of man and the world (Weltanschauung, world view).

The third criterion - the existence of a specific task: the conquest and exercise of power. The desire for power to distinguish the parties from pressure groups. The latter do not seek to seize power and try to influence it by staying in the shade.

The fourth criterion - to ensure public support, ranging from voting and ending with an active membership in the party. On this basis the party different from the political clubs that do not participate in elections and parliamentary activity.

These signs Lapalombary and Weiner were practical enough to explain the logic of political change on the basis of the roles and functions performed by different political forces, and above all parties. Meanwhile, an understanding of the party, unlike other forms of political organization, which is formulated by J. and M. Weiner Lapalombara not lead to an unambiguous definition of roles in modern political science. There are so many definitions of a political party. A total of about two hundred known. Each of them focuses on different features of the party.

The French political scientist Jean-Louis Kermonn believes that "the party is an organized force that unites the citizens of one political tendency to mobilize opinion on a certain number of objectives and to participate in government or authority to guide the achievement of their demands" [5,167].

If Kermonn focuses on the idea of general solidarity (ie, common ideological preferences), which lies at the heart of the party, Duverger inclined to regard the party as an organization, operating in the state system.

In Marxism in terms of class struggle as the vanguard party is defined by that class - the bourgeoisie, workers and peasants: "This is the highest form of organization of a particular class or layer, reflecting its fundamental political interests and pursuing long-term goal of class" [3,759].

The following definition focuses on the functions performed by the political party, "Voluntary Association for the voters, seeking to control government by winning the election victory and to seize as a result of the official institutions."

In our opinion, most accurately reflects the nature of political parties is the definition given by the French political scientist R.-ZH. Schwarzenberg, who used the signs of a political party, made by J. and M. Weiner Lapolambarom In particular, he notes that "political party - is continuously operating organization, exists at both the national and local levels, aimed at receiving and sending power and tends to that end to the popular support " [6,45].

Appearing on the political scene, parties have become an important factor in social development. Their role is determined by the functions they perform in society. The number of functions may vary by country and depends on the level of economic, social, cultural and political maturity of society. In industrialized countries, where the high specialization of roles and functions of political institutions, political parties perform in a representative system of relatively limited functions, and above all, such as the formation of public opinion, selection of candidates and ensuring the activities of deputies. Singled out these

functions with an emphasis on electoral and parliamentary activities of political parties.

In modernizing societies, where the specialization of political roles and structures still limited, political parties perform a wide range of functions and are included in numerous activities. By their nature, they differ markedly from the parliamentary parties in developed countries and similar to the activities of totalitarian parties.

On the basis of the material studied can be stated that the functions of political parties are divided into internal and external. External functions in turn are divided into social, ideological, political, administrative and electoral. Although the party and today carry out their basic functions, many scientists today believe that political parties have outlived themselves as a necessary political institution. In particular, Russian political analyst MJ Ostrogorsky noted that the permanent party in the future will be dissolved and the struggle for power, the Party will certainly be prohibited because the formalization of political life, create a party, is in complete contradiction with the general principles of democracy and the interests of citizens. He spoke about the effectiveness of the temporary associations of citizens, for what - a political issue [7,163]. Another Russian analyst Dmitry Vydrin also suggests that in the later history of the role of political parties will be reduced to zero, "Twenty-first century have certainly nonpartisan century" [8,384]. The ideas of the disappearance of the parties as a political tool of society, scientists are motivated by the fact that the party began to lose their several functions. In particular, the mechanism of selection and promotion of pre-potential leaders, political, educational, informational and translational functions. This is due to several factors, such as strengthening the role of nongovernmental organizations (hereinafter - NGOs), the growing influence of mass media (hereinafter - the media), information and communication technology (hereinafter - ICT), the unification of society, etc. It would seem to disagree with this argument is also impossible. But let us try to analyze the situation.

Firstly, the existence of teams and groups - a form of social organization. Aristotle said that man - a social animal. Man has always seek to cluster: so it is easier to solve problems encountered, to gain confidence and to draw the attention of others.

Second, the parties are the most effective means of promotion and promotion of political leaders today. It's easy and inexpensive way to explore the electorate. The party is the kind of support for a political leader. Of course, you may receive from the party leader. But as a rule, it is very complex and lengthy process and not the fact that self-promotion will lead to success.

Third, education is narrow, it loses its political orientation. People are no longer interested in politics. This problem can be compensated for by a political party. Direct contacting the party with their members can significantly improve the political culture of society.

Fourth, according to some scholars, the development of ICT creates conditions for the revival of direct democracy. But it can be very inefficient way. This could lead to mob rule. Direct democracy is only possible in small towns with small populations, as in the policy of ancient Greece. Even with the advanced management of the state of ICT to all people is impossible. In contrast, the party has a human factor in communication, which is not in communication systems.

Fifth, the party covered a wide range of problems, rather than NGOs. NGO have a narrow range of functions and plays a role in the political arena, as a party. Sixth, in a very heterogeneous society, the party is a unique means of articulating and aggregating interests of citizens [9,83-84]. We think if the election goes the need for the President, deputies, ice, longer needed in a representative democracy, and maybe then there is no need in batches. But humanity has not yet come up with the best system of government. The main function of the party in this system is representing the interests of broad masses of power. Although the parties may not perform some functions that are performed before, but this function is, at least, today is just for them. Based on the foregoing, it can be stated that political parties have a future. But what will these parties, what will be new forms of their existence - it is not known. After the party evolve as society develops. First, there were protopartii (aristocratic circles, political clubs), then mass and universal party. Today, talking about the parties 'new wave', which are divided into cartels and problem-oriented. Party as the new political reality arise when reaching a certain level of maturity of the society and arisen, have themselves become the dominant factor in political life. Consequently, the parties are both the result and development factor. On the one hand, as noted by J. and M. Weiner Lapalombara: Party - is the result of the development process, but on the other hand, parties can be regarded as "an independent institutional power, which generates very political development." Therefore, for our young state is so important to the development of political parties on the basis of foreign experience, but at the same time taking into account its specificity.

2. Zheltov V. *Foundations of Political Science: A Tutorial*. - Rostov-na-Donu: Feniks, 2004. - 544. with. 263
3. *History of Political Doctrines // Tutorial*. – M.: Norma, 2002. - 899 sec.
4. Lapolambara J., Weiner M. *Political Parties and Political Development*. Princeton, New Jersey, 1966 (<http://www.yanko.lib.ru/books/politologiya/teoriya>).
5. Artykbaev MT *The course of lectures on political science*. - Bishkek, 1997. - 257.
6. Schwarzenberg R.-ZH. *Political Sociology*. In 3 parts: Trans. with Fr. – M., 1992. - 157.
7. Ostrogorsky MJ *Democracy and political parties*. – M.: ROSSPEN, 1997. - 640.
8. Vydrin D. *History, technology, existence*. - Kyiv, 2001. - 205.
9. Mary BS *Constitutional and legal regulation of political parties in the ROK // Eurasian community*. - 2000. - № 1. - S. 8-15.

Түйін

Мақала саяси ғылымның өзекті мәселелерінің бірі – қоғамдағы партияның орны мен ролін зерттеуге арналған. Сонымен қатар мақалада партияның түсінігі мен негізгі ұстанымдары қарастырылады. Автор аталған мәселенің теориялық әдістерін зерттеуге ғылыми талдау жасаған.

Резюме

Статья посвящена одной из актуальных проблем в политической науке – место и роль партии в обществе. А также в статье освещаются понятие и основные принципы партии. Автор дает научный анализ теоретических подходов к изучению данной проблемы.

Summary

Article is devoted to one of the important problems in political science - the place and role of the Party in society. Also in the article highlights the concept and basic principles of the party. The author provides a scientific analysis of the theoretical approaches to the study of this problem.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАК НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Ж.Т. Нурдинова – к.полит. н. (ЦАУ)

Специфические особенности переживаемого переходного периода. Прежде всего, сама содержательная характеристика этого периода как трудного и противоречивого перехода к демократии, ориентируется на то, чтобы при анализе складывающихся в этом процессе многочисленных и острых этноконфликтных ситуаций постараться понять и оценить, в какой мере они несут в себе освободительные тенденции, то есть служат уничтожению тоталитарных структур и связей, демократизации внутри- и межнациональных отношений.

Кроме того, этот подход позволяет оценить целый спектр национальных сил, движений, стремящихся использовать межэтнические отношения, в частности, он дает возможность показать, что нередко межэтнические отношения в данном регионе, развиваясь на основе освободительных и демократических идей и лозунгов, довольно быстро приобретают такую направленность, которая не может обеспечить ни освобождения, ни демократизации. Больше того, может сложиться ситуация, в которой опасным испытаниям подвергается не только жизнь и благосостояние отдельных членов данной этнической общности, но и существование всего этноса в целом, поскольку он все глубже втягивается в кровавые конфронтации с другими этносами, составляющими его окружение.

Многофакторность этноконфликтологического анализа. Другой важный ориентир, обеспечивающий адекватное и эффективное этноконфликтологическое исследование, - учет того, что конфликтные ситуации в современных межэтнических отношениях формируется целым комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов - экономических, политико-правовых, идеологических, социокультурных. В сложившейся острой обстановке кризиса формирование межнационального конфликта начинается с тревожных ощущений того, что происходит серьезное ухудшение материального и социального положения. Они, в свою очередь, провоцируют рост взаимных претензий и напряженности между населяющими их этносами. На этой основе активизируется деятельность национальных элит, которая находит воплощение в формировании этнополитических движений и программ. Еще больше взвинчивая межэтнические напряжения и обостряя проблемы, они

одновременно усложняют этим их разрешение. Это ухудшение ситуации обуславливает дальнейшую радикализацию национальных движений, рост в них настроений экстремизма и сепаратизма.

Причины и механизмы этноконфликтов. Этнонациональные конфликты - это организованные политические действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности. Чаще всего такого рода конфликты происходят между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве.

Существует несколько теорий объяснения причин этнонациональных конфликтов, которые были сформулированы на основе исследований в различных регионах мира. В социологическом подходе представляет интерес анализ феномена экономического посредничества, особенно роли торговли, которая в этнических обществах имеет тенденцию контролироваться представителями какой-то из групп, или выходцами из определенного региона. В целом, однако, соревновательность и конкуренция в сфере трудовых отношений и экономических взаимодействий не всегда может быть названа в числе основных факторов крупных этнических конфликтов.

При объяснении причин этнонациональных конфликтов важное место занимает политологический подход, который выявляет роль элит, прежде всего, интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, усилении межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта. Именно вопросы о власти, о стремлении элитных групп к обладанию – являются ключевыми для понимания причин роста этнического национализма и конфликтности.

За годы советского режима в бывших республиках сложились многочисленные и очень образованные этнические элиты титульных национальностей. Начиная с политики «коренизации» 1920-х гг. и вплоть до середины 80-х гг. действовала система преференций в сфере подготовки «национальных кадров» из республик во всех областях деятельности. Однако не стоит преувеличивать, или целиком объяснять причину конфликтов только генерирующей и организующей ролью элит. Недостаточность этого подхода в том, что он не может в полной мере объяснить феномен массовой межэтнических конфликтов, изначальную силу стремления к автономии, готовность перейти ради этого к самым жестоким методам насилия.

По-видимому, социально-психологический подход, выявляющий поведенческие механизмы этнических конфликтов, играет в этом плане гораздо более важную роль, чем представлялось раньше.

Иррациональное восприятие той или иной этнической группой угрозы утратить самоценность, является модным средством их мобилизации в политической реальности, помогающим понять жесткость предубеждений, эстремизм этнических требований и достаточность мотивов для вовлечения в конфликт широких масс рядовых участников.

К разряду социально-психологических причин межэтнических конфликтов и национальных движений можно отнести и чувства утраты достоинства, пережитых «исторических несправедливостей».

На стыке социально-психологических и политологических подходов находится проблема коллективного самосознания и идентичности с фактом существования политического образования в форме сложившейся государственности, на которых мы более детально остановимся в следующей главе. Со стороны этнических групп формулируется требование, а затем и политическая программа, что государство есть атрибут и гарант сохранения групповой целостности, а значит и то, что составляет государство (территория, институты и власти и пр.), должно иметь национально-этнический характер. Аргументы в пользу такой формулы, как правило, берутся из истории со ссылками на те периоды, которые наиболее выгодно могут быть использованы для определения границ и статуса «национального» государства. Создание «национального» государства видится как гарантия от угроз иноэтнического или просто чужого доминирования над физической и культурной средой обитания. Анализ поведения государства, а точнее его граждан в отношении территориальных вопросов часто поражает своей иррациональностью. Это и требование изменения границ между национально-государственными образованиями, и требование перехода под новую государственную юрисдикцию целых национально-территориальных единиц (например, возвращение Крымской автономии России и пр.), и стремление к созданию (или воссозданию) национальных образований (автономий или районов), например немцев в Поволжье; это конфликты, связанные с репатриацией, либо возвращением на свою историческую родину репрессированных в годы сталинщины народов (немцев, крымских татар, турок-месхетинцев, корейцев и п.), с возвращением беженцев в свои оставленные дома (осетины, ингуши, чеченцы, русские и пр.).

Конфликтологический анализ под углом зрения возможностей достижения согласия между этносами не может удовлетвориться простым обоснованием значимости данного прогрессивного процесса для демократизации межнациональных отношений [1]. Он предполагает также осмысление технологических и организационных мер

по его обеспечению. «Стержневой» проблемой здесь в настоящее время выступает создание специальной и разветвленной этноконфликтологической экспертизы, основная задача которой как показывает мировой опыт, должна состоять в том, чтобы на базе прогностического анализа отслеживать зарождение и развертывание конфликтных процессов, и в зависимости от их характера выдвигать предложения по их локализации, рационализации и урегулированию посредством компромиссных или консенсусных технологий.

Итогом нескольких десятилетий эмпирического и теоретического поиска стало формирование ряда этноконфликтологических школ. В различных работах эти школы определяются по-разному. Мы предлагаем выделить следующие школы, точнее, традиции в этноконфликтологии.

1. «Реалистическая» традиция, восходящая к аналогичной традиций общей конфликтологии, (Л.Коузер, К.Боулдинг) многочисленными сторонниками которой утверждается, что в основе этнических конфликтов лежит борьба за овладение материальными ресурсами, за власть ради достижения экономических целей, и что за национально-этнической формой социальной борьбы необходимо искать подлинно материальные мотивации [2].

2. «Эволюционистская» традиция в этноконфликтологии, сторонники которой считают, что причины этнических конфликтов кроются в постоянно меняющейся этнической стратификации общества.

3. «Антропологическая» традиция в этноконфликтологии, в рамках которой можно выделить два основных течения – культурно-антропологическое и социобиологическое.

Отличительной чертой становящейся этнической конфликтологии можно считать то значительное внимание, которое уделяется теоретико-методологическим аспектам анализа конфликтов. Среди них можно обозначить следующие:

а) Проблема сущности этноса как социальной системы;

б) Понимание сущности нации, ее природы, проблемы национальной идентификации.

Следующим по значимости теоретико-методологическим вопросом этноконфликтологии можно обозначить вопрос о возможности создания общей теории этнического конфликта. Этот вопрос имеет не только теоретический, но и выраженный прикладной характер, и в значительной мере обозначает водораздел между учеными-этноконфликтологами и этноконфликтологами-практиками. Теоретически модели конфликтов можно сконструировать, они необходимы для прогнозирования их динамик и поиски выхода из них. Поэтому одной из важных теоретических задач является кросс – культурный анализ этнических конфликтов и выработка на этой основе соответствующих теоретических моделей [3].

Большой теоретический практический интерес представляет вопрос о конструктивном потенциале этнического конфликта. Этот подход о конструктивном потенциале в этническом конфликте практически не разработан в научном плане.

Следует обратить внимание на то, что начали развиваться исследования современных этнополитических конфликтов, и в различных научных школах это научное направление получило разные названия: «этноконфликтология», «теория этнополитических конфликтов». Зачастую эти названия используют как синонимы, что в целом не вызывает возражений, хотя между ними существуют определенные различия.

Думаем, что более корректным является название «этнополитическая конфликтология», поскольку «чисто этнических» конфликтов почти не существует. Конфликты, которые на первый взгляд кажутся чисто этническими или национальными, по сути этнополитичны, то есть одновременно и этнические и политические, так как любой этнополитический конфликт, безусловно, превращается в политический. И, наоборот, в полиэтничном государстве многие политические конфликты превращаются, или могут быть превращены в этнополитические. Как и большинство новых наук, она возникла на стыке нескольких наук, прежде всего конфликтологии и этнополитологии, что и определило ее название и предмет данной отрасли.

Основателями протэтноконфликтологии можно считать В.Самнера и Л.Гумпловича. Именно они на рубеже веков ввели в научный оборот понятие «этноцентризма», которое стало определяющим в научном и понятийном аппарате этнополитологической конфликтологии. Этот процесс зародился с еще так называемой «Весны народов» 1848 года.

Процесс становления и развития этнополитической конфликтологии начался на Западе в 60-70-х годах XX века, благодаря усилиям таких ученых, как Г.Айзекс, П.Брасс, П.Ванден Берге, М.Хехтер, Д.Хоровиц, Э.Смит, Дж.Ротшильд.

Существует много объективных причин, которые делают проблему дальнейшего развития этнополитической конфликтологии исключительно актуальной и жизненно важной.

Во-первых, это обострение этнополитических конфликтов во второй половине XX века, и начала XXI.

Во-вторых, наблюдается существенное изменение в «иерархической» системе конфликтов.

В-третьих, происходит усиление опасности обострения этнополитических конфликтов под влиянием процессов глобализации, модернизации и потоков миграции населения, растущего дефицита природных ресурсов, возрастания экологического кризиса.

В-четвертых, рождение и рост влияния новых, ранее не столь

существенных факторов - как возрождение религий, этнический ренессанс, политизация этничностей и этнизация политики.

В-пятых, осознание необратимости этнополитических конфликтов, их способности легитимизировать и делегитимизировать любой политический режим, интегрировать или дезинтегрировать любое полиэтничное общество.

В-шестых, остро ощущается понимание самоценности этнополитической безопасности, как одного из наиболее важных факторов государственной, региональной, континентальной и глобальной безопасности.

В-седьмых, ощущается убежденность в том, что этнополитические конфликты будут еще продолжаться. А вместе с ними возникает необходимость выяснения закономерностей зарождения и развития, а главное - контроля и мирного управления этими процессами.

В-восьмых, происходит процесс дальнейшего развития этнополитической конфликтологии как новой науки и ее методологических основ.

Кроме отмеченных факторов общего характера здесь действуют и немало специфических:

1) Особенности геополитического положения Кыргызстана, в частности, нахождение юго-восточных регионов в зоне повышенной конфликтности.

2) Соседство Кыргызстана со странами, которые имели, и до сих пор имеют замаскированные территориальные претензии.

3) Проживание на территории Кыргызстана многочисленных этнических групп, рассматриваемых определенными политическими силами некоторых соседних государств как своеобразные потенциальные «пятые колонны».

4) Ограниченные возможности существующих в Кыргызстане наук, даже таких новых как этнополитология, практически находящихся в зачаточном состоянии.

Этнополитологическую конфликтологию можно определить как новую науку о сущности, характере и причинах возникновения этнополитических конфликтов, методах их предвидения, своевременного обнаружения и эффективного контроля, а также о цивилизованных путях и средствах их регулирования. Это наука о закономерностях зарождения, развития этнополитических конфликтов и управления ими.

1. Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: новый подход к исследованию этнополитической динамики России. - М., 1998. - С.19.

2. Кольцов В.Б., Мансуров В.А. Политические идеологии периода перестройки // Социологические исследования. - 1991. - № 9. - С.22-35.

3. Соловей В.Д. Современный русский национализм; идейно- политическая классификация // Общественные науки и современность. - 1992. - № 2. - С. 119-129.

Түйін

Мақалада этносаясаттанудың жаңа бағыты ретіндегі этноконфликтологиялық кейбір негіздеріне, сонымен қатар бастап өткеріп отырған өтпелі кезеңнің өзіндік ерекшеліктеріне талдау жасаланады.

Резюме

В статье анализируются некоторые аспекты этноконфликтологического анализа, как нового направления этнополитологии, а также специфические особенности переживаемого переходного периода.

Summary

In this article some aspects of ethnoconflictology analyses as a new direction of ethno political science and also specific peculiarities of transitional period is analyzed.

НЕКОТОРЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.Б. Сейсенова –

*к.п.н. кафедры политологии и социально-экономических дисциплин
Института магистратуры и PhD докторантуры
КазНПУ им. Абая*

Важную роль в процессе осуществления модернизации в Казахстане играет государство. Это было определено самыми различными объективными факторами транзитного общества. Государство выступает основным проводником социально-экономических, культурных и политических реформ казахстанского общества. Во многом развитие основных ценностей современного общества было обусловлено деятельностью государства и его структур в процессе введения и поддержки основных принципов демократического общества. Главной задачей государства и сегодня является проведение дальнейшей демократизации при сохранении стабильности и согласия, последовательности и постепенности проводимых реформ преобразования в нашей стране.

Процесс модернизации в Казахстане должен продолжиться на основе выбранного пути постепенного преодоления традиционности и создания новых приоритетов и культурных ценностей современного демократического общества. Безусловно, определенные традиционные ценности, такие, например, как толерантность казахстанского населения, необходимо сохранить и с пользой применить в процессе дальнейшего обновления общества и государства.

Важно сформировать в обществе идею о всеобщем консенсусе по основным приоритетам продолжающегося процесса модернизации. Принятие политических решений по ключевым проблемам процесса преобразования должно происходить на основе учета самых различных возможных интересов и потребностей. В этом плане, становится важным осуществлять взаимодействие с оппозиционными силами казахстанского общества. Это позволит увеличить представленность, легитимирует принятые политические и прочие решения в процессе проведения дальнейшей демократической модернизации.

Данный консенсус всех политических сил, граждан, общества и государства может быть достигнут при проявлении взаимного уважения, налаживания конструктивных отношений. Такое согласительное взаимодействие реализуется через совместные паритетные обсуждения принимаемых решений, разработке общепринятых моментов и т.д. Главное обеспечить, что называется реальное взаимодействие, а не пустое голословие. Важно отойти от практики взаимных компроматов, они ведут лишь к разочарованию общества, как правительством, так и оппозиционными силами. При ведении такой борьбы между различными политическими силами их выяснение отношений обретает какой-то частный, бытовой характер. И это совсем не интересно гражданам.

Критика должна осуществляться на основе объективных факторов. Возможно, что оппозиционные силы предлагают действительно нечто лучшее для реализации конкретных реформ преобразования. На наш взгляд, главное это то, что и властные структуры, и оппозиционные силы стремятся к общей цели – формированию полноценного современного демократического общества. Как раз эта идея и должна стать основой их консолидации. Конечно, никто не говорит о том, что наличие разных мнений на одну и ту же проблему это негативный момент, который необходимо подвергнуть искоренению. Однако принятие политических решений и предложений должно строиться на учете взаимных интересов и потребностей, что возможно при наличии взаимных уступок и соглашений.

Кроме того, не стоит забывать, что оппозиция должна представлять не только личностей ее возглавляющих, и их сугубо личные

обиды и интересы. Оппозиция становится легитимной, когда ее деятельность основана на реальном отражении конкретных социальных интересов и потребностей. Это весьма важно. Только при соблюдении данной характеристики оппозиционные силы смогут обрести поддержку у населения, и уважение со стороны власти.

Сама власть должна исходить в своем построении отношений с оппозицией из того принципа, что это озвучивание неучтенных социальных интересов, или же реакция на приведение в силу определенных законов, осуществлении конкретных реформ преобразования. Адекватно и своевременно реагируя на возражения со стороны оппозиционных сил, позволит повысить уровень эффективности и легитимности самой правящей системы.

Исходя из теории политической коммуникации достигнутый консенсус, обеспечивает так называемую обратную связь между индивидом, обществом и государством. Путем обеспечения обратной связи правительство может вносить коррективы в те политические решения, которые вызвали негативную реакцию, или же наоборот способствовать их популяризации, потому что не всегда реформы модернизации встречаются населением на ура. Бывает, что необходимые преобразования становятся непопулярными в силу традиционных ценностей.

Кстати, необходимо заметить, что эту связь осуществляют и другие институты демократического общества - партии, неправительственные организации и т.д. Соблюдение этих принципов должно стать прочной основой успешной реализации модернизации в Казахстане.

Формирование дальнейшей модернизации в Республике Казахстан, на наш взгляд, должно соответствовать следующим требованиям. Необходимо проводить укрепление казахстанской государственности, восстанавливать и сохранять определенные традиционные ценности (семья, нравственность, уважение к старшему поколению и т.д.), и одновременно претворять ценности современного демократического общества.

Реформы модернизации должны быть последовательными, слишком скорая либерализация таит в себе опасность социального взрыва, и наоборот слишком замедленное политическое преобразование также может привести к конфликту или установлению недемократического режима. Таким образом, в процессе дальнейшего осуществления процесса модернизации в Казахстане необходимо найти так называемую золотую середину между традиционными и современными ценностями в русле общего укрепления самих государственных устоев независимости.

Немаловажным аспектом проведения дальнейших реформ преобразования должно стать формирование новой политической культуры, общественной мысли. Эта культура казахстанского общества должна отражать как позитивные ценности традиционного общества, так и вводимые универсальные ценности демократии. Идея процесса модернизации должна объединить опыт мирового процесса преобразования традиционных обществ к устоям современных, а также учесть национальную специфику. Формировать миф о некоей исключительности Казахстана было бы не рациональным. Казахстанцы должны ощущать себя неотъемлемой частью всего мирового процесса перехода к универсальным ценностям современного общества. Тем не менее, наличие особенностей в осуществление реформ обновления постсоветского общества предопределено объективно.

Важным ценностным элементом формирования новой политической культуры, а также всего процесса модернизации является актуализация и пропаганда государства среди населения идеи о том, что наша республика играет важнейшую роль на всем евразийском континенте, выступает связующим звеном между востоком и западом. Поэтому казахстанцы должны, еще больше стремиться к тому, чтобы сформировать цивилизованное государство, сформировать и утвердить ценности демократически обустроенного общества. Причем данный процесс необходимо преподнести как событие, протекающее в русле всеобщего мирового развития.

При осуществлении такого пути модернизации казахстанское общество будет ощущать себя особой частью общего мирового процесса политического развития. Это обеспечит формирование неотрывности нашего общества от всеобщего процесса развития человечества. Необходимо воспринимать вводимые универсальные ценности демократического общества как прямые возможности включения в процесс всемирного развития. Это также будет способствовать успешному проведению реформ дальнейшей модернизации Республики Казахстан.

Властные структуры в Казахстане должны осуществлять процесс дальнейшей модернизации в русле усиления социальной направленности реформ, повышении роли государства в регулировании рыночных отношений. При соблюдении данного принципа претворения процесса преобразования государство не должно вмешиваться в деятельность гражданского общества, а лишь обеспечивать эти факторы его полноценного функционирования. В своем послании народу президент Н.А. Назарбаев справедливо отмечает: «Государство само должно стать гарантом свободной экономики. Его задача

установить рыночные правила и затем обеспечить их соблюдение, действуя справедливо и беспристрастно» [1].

Концепция социально ориентированной рыночной экономики была эффективно осуществлена в современных западных обществах. В процессе ее осуществления были проведены успешные рыночные реформы, сформировано гражданское общество и принципы правового государства. В процессе осуществления этого пути развития современные западные страны смогли соблюсти баланс между всеми элементами модернизации, что и обеспечило эффект данной программы. Казахстан также должен учитывать этот опыт в собственном дальнейшем реформировании.

В октябре 1997 года президент Н.А. Назарбаев выдвинул концепцию развития Республики Казахстан, рассчитанную на долгосрочное и последовательное осуществление – Стратегию 2030. В предложенной стратегии предлагается осуществление процесса модернизации собственным казахстанским путем через учет нашей специфики и мирового опыта. Данная стратегия содержит в себе немало ценностного потенциала для консолидации всех политических сил казахстанского общества с целью ее реального осуществления. Все основные реформы преобразования происходят в русле осуществления общей цели стратегии становления нашей страны.

Универсальные современные приоритеты развития нашедшие место в Стратегии - 2030, без исключения представляют собой ценностное значение, как для властных структур, так и для оппозиционных сил нашей республики. Объединение и совместная разработка достижения благосостояния, процветания и безопасности всех казахстанцев действительно может стать реальной платформой организации процесса конструктивного сотрудничества между противоборствующими политическими силами. Осуществляя ту или иную политическую деятельность необходимо соблюдать принцип ее эффективности для развития всего Казахстана, а не его отдельных социальных, политических, этнических и прочих сил, групп и т.д.

Таким образом, в нашей республике началась и продолжается модернизация. Для ее дальнейшего эффективного осуществления потребуется сделать еще очень многое, а это в свою очередь, определяет необходимость консолидации всех политических сил казахстанского общества. При наличии этого и других перечисленных факторов процесс модернизации придет к своему логическому завершению.

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, процесс проведения дальнейшей модернизации должен быть направлен на формирование, в том числе и среднего класса. Представители данного класса станут тем активным субъектом, который способствует формированию свободных рыночных отношений. Кроме того, именно средний класс станет социальной базой демократического устройства. Ведь насколько известно, гражданское общество формируется средним классом. В свою очередь гражданское общество является одним из незаменимых принципов демократического устройства общества и государства.

Во-вторых, в сложившихся условиях настоятельно требуется сохранение стабильности и порядка, при наличии которых можно было бы говорить о проведении дальнейших реформ преобразования казахстанского общества. Сохранение сильной власти, которая обеспечит так необходимые для реформирования условия стабильности и общественного согласия остается необходимым и сегодня.

В-третьих, Необходимо еще раз отметить, что именно существующая власть стала основным инициативным субъектом модернизации. Таким образом, данная власть, ее институты, элиты и лидеры признали ценности современного общества, и повели свои страны именно к выбранному примеру социального жизнеустройства.

В-четвертых, одновременно с сохранением сильной исполнительной власти необходимо осуществлять кампанию по введению и развитию иных политических институтов, присущих демократическому правлению. Дальнейшая модернизация должна обеспечить развитие прочих элементов демократии, укрепить законодательную и судебную ветвь власти. Создать систему сдержек и противовесов, которая не позволит одной ветви власти подавлять другие.

В-пятых, последовательность и плавность этапов перехода к современному обществу, сохранение гражданского мира и политической стабильности обеспечат успех запоздалой модернизации в Казахстане.

В-шестых, политическое реформирование обязано быть последовательным, логичным, поэтапным. Грубые, не просчитанные шаги станут основой для возникновения конфликтной обстановки, всеобщего краха процесса модернизации. Заимствованные ценности западных демократий должны претворяться на рациональном уровне. Кроме того, внедряя демократические политические институты необходимо заботиться о том, чтобы они стали реально действующими, и, безусловно, легитимными. Только лишь при соблюдении этих и других условий политическое реформирование будет успешным.

В-седьмых, постепенность политического реформирования отнюдь не является причиной их откладывания на потом. Оправдания власти о том, что они преждевременны, могут привести к обратному результату. На фоне экономического роста индивид предъявляет все новые потребности. Если авторитарная власть сумеет адекватно и рационально адаптироваться к изменяющимся объективным условиям, то это будет способствовать ее сохранению и последующему демократическому развитию.

1. Назарбаев Н.А. Казахстан - 2030. Послание президента народу Казахстана. - Алматы: Білім, 1998. - 96 с.

Түйін

Мақалада автор Қазақстан қоғамының дәстүр мен құндылықтарының ғылыми маңыздылығын анықтайды.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые приоритеты процесса модернизации как фактор стабильности реформирования казахстанского общества.

Summary

In this article, the author reveals the relevance of scientific research values and traditions of Kazakhstan society at the same time.

ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ

ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КЫРГЫЗСТАНЕ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Т.Ж. Эркинбеков -

преподаватель ИПК и ПК КГУ им. И.Арабаева (Кыргызстан)

Общественный строй и общественно-политическая жизнь кыргызов всегда вызывали определенный интерес у ученых, исследователей истории Кыргызстана. В некоторой части литературы до октябрьского периода, были утверждения, что у кыргызов господствовал родовой строй. Существовал также взгляд, что общественный строй кыргызов до XX века характеризовался переходным периодом от родового строя к феодализму [1]. Сторонниками данной теории являлись профессор П.Кушнер и известный этнограф С.Абрамзон

Так Кушнер П. писал, что, «...это одна из самых ранних фаз феодализма и в то же время последняя фаза разложения родовых отношений у кыргызов. Это грань двух социалистических эпох». По Кушнеру получается, что кыргызы находились на начальной стадии феодального развития, на рубеже между родовым строем и феодализмом.

С.Абрамзон считал, что «господствующим в кыргызском обществе оставался полупатриархально-полуфеодальный уклад. Феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собой определенной системы».

В средние века и до октябрьский период социально-экономические отношения кыргызов были пронизаны патриархально-родовыми пережитками, которые значительно срослись с феодальными отношениями и бытом кыргызского населения. Они проявлялись, прежде всего, в сохранении родоплеменных делений. Данная генеалогия кыргызов в дальнейшем получила довольно широкое освещение в работах историков, этнографов и санжырачы. Кыргызские племена и роды, несмотря на общность языка и культуры, не объединились в единую нацию вследствие слабых

экономических связей, а также территориальной и политической разобщенности.

Родоплеменные объединения входили в состав двух территориально-политических образований — онг ("правое крыло") и сол ("левое крыло"). Разумеется, процесс разделения кыргызских родоплеменных объединений на два "крыла" начался в результате действия определенных экономических, политических, этнических и географических факторов. Хотя эти два территориально-политических образования первоначально соответствовали традиционному делению кыргызских племен на правое и левое "крыло", но уже в середине XVIII в. их родоплеменной состав был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам [2].

В правое "крыло" входили родоплеменные объединения саруу, саяк, сарыбагыш, монголдор, бугу, солто, черик, басыз, азы к, багыш, беш тамга, кытай, кушчу, они занимали, в основном, территорию Северного Кыргызстана. В левое "крыло" входили объединения кыдырша, теит, бостон, жедигер, кесек, найман, ахтачи, окчу, теелес, кыпчак, канглы, мундус, багыш, адыгене, жору, берю, баргы, конурат, нойгут, чонбагыш и кара-багыш, проживали они в пределах Южного Кыргызстана.

Каждое "крыло" ежегодно из числа старших биев своих родоплеменных объединений избирало верховного бия (чон. бий), который занимался общим управлением. Но фактически он не располагал значительной и постоянной военной силой, не имел реальной власти над старшими биями — правителями родоплеменных объединений и крупными феодалами. Родоплеменное объединение, во главе которого стоял старший бий (улук бий), представляло собой самостоятельную административно-политическую единицу и обязательно имело свою тамгу, а также свой боевой клич — ураан.

На всем протяжении существования кыргызского общества мы встречаемся с феодально-родовой знатью как экономически и политически господствовавшей группой. Основной костяк ее в XVIII в. и в более раннее время составляли феодальные владетели — бий, исключительно важная роль которых в кыргызском обществе заключалась в том, что внутри подвластных им родоплеменных объединений они не только осуществляли административную власть, но и ведали внешними, военными и судебными делами. Старший бий каждого кыргызского племени мог по своему усмотрению совершать набеги на соседей либо оказывать военную поддержку правителям других государств, лично решать важные судебные дела. В состав управляемого биями родоплеменного объединения входили связан-

ные между собой не столько действительным, сколько мнимым родством многочисленные роды и родовые подразделения которыми управляли акалакчын бий, которые были в подчинении у старшего бия.

В первой половине XIX в. в Северной Киргизии получил распространение новый социальный термин «манап», который постепенно вытеснил понятие бия как феодального владельца. Следует отметить, что на юге Кыргызстана крупных феодалов, т.е. верхушку феодальной аристократии, называли не манапами, а датками, а рядовых-беками, что было связано с кокандским завоеванием. Кокандские ханы с целью привлечёния на свою сторону представителей кыргызской феодальной знати, давали им эти звания. Звание «бек» со временем становится наследственным и передавалось от отца к сыну, причем их правовое положение не отличалось от манапов.

Появление термина «манап» до недавнего времени было принято связывать с образованием нового, отличного от прежних биев социального института. В действительности же как это позволили установить этнографические данные /7/, манапами называли вначале всех лиц, принадлежавших к одному из подразделений в составе племени сарыбагыш, носившему наименование «манап» по имени своего родоначальника. Феодалы из подразделения «манап» не только заняли привилегированное положение внутри племени сарыбагыш, но и распространили свое влияние на другие киргизские племена. В будущем термин «манап» стал нарицательным для феодалов и других подразделений этого племени, а впоследствии стал применяться и по отношению к биям многих киргизских племен. Исходя из данной интерпретаций, с данным термином нельзя связывать появление нового социального института, так как никакой принципиальной разницы между биями и манапами в социальном аспекте не было.

Параллельно происходит и внутренняя дифференциация среди манапов подразделяющих на крупных феодалов (*ага манап* или *чоң манап*), средних манапов (*орто манап*), мелких манапов (*чала манап*) и даже букара-манапы (*обнищавшие родственники манапов*). В имущественном и правовом отношениях они не были однородными, каждый из них имел то или иное количество зависимого от него населения и занимал определенное место в социальном пространстве.

Исходя из занимаемого положения феодальная верхушка

концентрировала в своих руках социально-экономические блага и распоряжалась пастбищами, прикрываясь в своих узкокорыстных интересах общинными порядками. А некоторые крупные манапы и бии сами являлись владельцами многочисленных табунов лошадей, отар овец, стад, коров, верблюдов и яков. Остальной скот составлял частную собственность мелких скотоводов, среди которых он был распределен весьма неравномерно.

Важная роль в общественно-политической жизни принадлежала военачальникам *батырам*. Возможно, что формирование бийства как феодальной верхушки происходило на основе военно-племенной знати, представленной предводителями-батырами различных степеней и рангов. Последующий этап, когда военачальник начинает занимать все более ведущее положение в общественной жизни приводятся, в работе исследователя А.Соколова, который указывает, что лица, прославившиеся в прошлом как мудрые управителя (бий) или как храбрые предводители своих родов (батыр) в войнах и набегах, считаются родоначальниками целых родовых групп. «Около каждого такого батыра, выделившегося по своим качествам между своими сородичами известной группы, находилась, по словам киргизов, его дружина (обычное число кырк джигит), с которой он добывал себе славу: делал набеги, воевал и защищал группировавшихся около него сородичей, число которых находилось в прямой зависимости от его славы и умения управлять своими подчиненными, над которыми он производил суд, распоряжался перекочевками и вообще был главным руководителем во всех важных делах. По заявлению большинства опрошенных мною лиц,— писал А.Соколов,— такой манап-батыр, чтобы укрепить свое влияние над народом, совещался, особенно при судебных делах, с выборными почетными лицами, которые составляли при нем как бы совет» [3]. Таким образом, батыр постепенно узурпировал права родовых старейшин, пользуясь привилегией присущей в свое время старейшинам рода.

По своему общественному положению от знатных манапов очень мало отличался выделившийся в составе букары слой баев — богатых скотовладельцев, обладающий скотом и пастбищами (элементами материального благосостояния в социальной иерархии киргизского общества). «Кыргызский бай - с избытком обеспеченный человек». Баи составляли основу класса феодалов и несомненно играли заметную роль в общественно-политической

жизни кыргызов. Однако они не обладали определенными властными полномочиями даже внутри своего рода при решении тех или иных вопросов, некоторые из них выступали только, как советники бия. Исходя из данных характеристик, слой баев с полным основанием можно отнести к господствовавшему классу.

В общем виде можно утверждать, что частная собственность на средства производства, обладание властными полномочиями разделяла кыргызское общество на два антагонистических класса: класс феодалов (бии, батыры, баи) и класс эксплуатируемых (букара, чарбадар, кедей, кул), социальную структуру последнего мы постараемся рассмотреть подробнее. «Букара» — феодально зависимая масса трудящихся кочевников и земледельцев, однако и букара не представляла собой однородной массы, внутри которой была отчетливо выражена имущественная дифференциация.

Основную часть эксплуатируемого и зависимого населения кыргызского общества составляли чарбадар — владельцы сравнительно небольшого количества скота. Середняки хотя и сводили концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне при всесии манапов, биев, баев, частых бескормицах была весьма относительной. В связи с этим, в то же время росло число бедняцких хозяйств и бедняков (кедей), лишившихся своего скота, оказывавшихся в полной зависимости от манапов и баев и вынужденных обслуживать их хозяйства на условиях отработок. Часть бедняков (*коццу*) кочевали вместе с манапами и баями и обслуживали их скот на тех же условиях, другие бедняки не кочевали, но обрабатывали землю баев, получая от них в пользование дойный скот. Бедняки, лишившиеся своего скота, были наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества. Их использовали в качестве домашней прислуги *малап*, пастухов овец (*копчу*), табунщиков (*жылкычы*) и поденщиков (*жалчы*).

Но не только труд букары обогащал представителей феодальной знати. Вплоть до присоединения к России у киргизов продолжали существовать остатки патриархального рабства. Рабами (*кул*) были, главным образом, военнопленные, захваченные во время войн, а также преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить выкуп. *Кул* был полностью бесправен, не обладал никакими материальными благами. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими уплачивали выкуп за кровь (*кун*) и т.п. В основном их использовали в

домашнем хозяйстве в качестве прислуги и отчасти в скотоводстве. Сами рабы не считались членами «родовой» общины, потомки же их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Однако широкого распространения рабство у киргизов не получило.

Также кроме потомков рабов, в состав «родовой» общины могли входить припущенники — члены чужих «родов» (*кирме*), продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Они обычно попадали в зависимость от местного феодала, как и другие члены общины.

Таким образом, мы видим социальную структуру киргизского общества XVI-XIX века исходя из чего, подводя итоги мы можем утверждать, что в основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к главному средству производства, какими являлись пастбища, скот и пахотная земля (характерная для южных регионов Кыргызстана). Следует отметить, что на территории Кыргызстана преобладавшей полукочевым типом хозяйства существовали также типы хозяйства, характерные для южных районов, — полуседлый и оседлый. Однако, вопросы собственности на землю в различных местах решались по-разному. Если у северокыргызских родоплеменных объединений право на владение определенной территорией письменно не оформлялось, традиционно передавалось из поколения в поколение только на основании "обычного" права, то в южных районах отдельные киргизские феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от шейбанидских и аштарханидских ханов, получали земельные пожалования за военные заслуги, о чем свидетельствуют исторические документы [4].

В условиях скотоводческого хозяйства решающее значение имела феодальная собственность на землю и скот, которые и были основой патриархально-феодальных отношений у киргизов. Хотя владение пастбищами внешне имело общинный характер, на деле все пастбища были поделены между крупными биями и манапами, создавалась монополия владения землей феодальной верхушки киргизского общества, обострялось социальное неравенство, своеобразие которой далеко не соответствовало той форме общинной собственности на землю, представление о которой отражалось в обычном праве киргизов и ревниво охранялось феодальной знатью в ее классовых интересах.

1. Кушнер П. Манаство в горной Киргизии // *Революционный Пост*» к.-1. Ч.27.- №2. - С. 152.

2. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. - Фруте.-1964. - С. 42.

3. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. ТКЛТ, I. IV. – М., 1960. - С.32.

4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи /Аш.нетуи.а. С.Г. Табышалиев. - Ф.: Кыргызстан, 1990. - С. 168.

Түйін

Бул макалада өзекті мәселе - совет кезеңіне дейінгі Қырғызстандағы әлеуметтік тенсіздік пен стратификациялық үрдістерінің ерекшеліктері қарастырылады. Автор қоғамның әлеуметтік құрылысының дамуының ерекшеліктерін, таптық құрылымының және қырғын қоғамының (социумының) мүшелерінің қарым-қатынас ерекшеліктеріне талдау жүргізеді.

Резюме

В статье рассматриваются социальное неравенство общественного строя Кыргызстана в досоветский период. Автор анализирует особенности развития социального строя и взаимоотношения киргизского общества.

Summary

This article considers the actual problem with features of social inequality and stratification processes in the Kyrgyz Republic during before Soviet Union period. Author analyzes features of social structures development in society, comparing it with the class structure and features of cooperation's members of Kyrgyz society until Soviet Union period.

ОҚЫТУШЫЛАРҒА КӨМЕК В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

САЯСАТ ПЕН МОРАЛЬДІҢ АРАҚАТЫНАСЫ: ЖҮЙЕЛІК ТАЛДАУ

Р.Б. Әбсаттаров -

Абай атындағы ҚазҰПУ-дың магистратура және PhD докторантура Институтының саясаттану және әлеуметтік-философиялық пәндерінің кафедрасының меңгерушісі, филос.ғыл.д., профессор

Саясат пен мораль – адамдардың тәртібін реттейтін біршама өзіндік тәсіл. Саясаттың қоғамдық қатынастардың саласы ретінде өзектілігін, мемлекеттің, қоғамның, тұлғаның игілігі үшін биліктің тетіктерін және ресурстарын тиімді пайдалану құрайды. Моральдің негізінде саяси қызмет мақсаттарының адамгершілігін, амалдары мен әдістерін дәлелдеу, тәжірибелік саясатты қоғамдық пікірмен бағалау және оны адамгершілік нормаларымен өлшемдеу. Бұл мораль мен саясаттың өзара әрекетіне себепші болады.

Біздің заманымызда саясаттың моральдық аспектілері үлкен өзектілікке ие болуда, баспасөзде ғылыми әдебиетте белсенді талқылануда. Кейде саясат пен адамгершілік ұғымдары жалпы үйлесімді ме, бұл категориялар бірін-бірі өзара жоққа шығармай ма деген сұрақтар да қойылады. Саясат пен моральдің арақатынастары саяси қарсыластарымен, әсіресе, сайлау науқандары. билік үшін күресте, қызмет орындары үшін тайталастарда шиеленіседі. Ал, саяси билік үшін күресте барлық амал жақсы дегендей. Міне, сонда саясат пен моральдің арасындағы өзіндік шиеленіс алаңында саяси қимылдар өріс алады. Бұның бәрі – саясаттың өнегелі беделін келтіретін сыртқы көлеңке, «сырт пішіні».

Саясат пен моральдің арақатынасы турасынан саяси режимге тәуелді болады. Құқықсыз күш көрсету, террор, билікті асыра пайдалану, бюрократизм және коррупция жайлаған антидемократиялық, реакциялық режимді елдерде саясат пен моральдің аралары үзіледі. Керісінше, демократиялық режим жағдайында гуманизм мен адамгершіліктің бастауымен саясат заңдылық шеңберінде жүзеге асады.

Бұл арада атап өтетін нәрсе, ол мораль мен саясаттың басты

қоғамдық функциялары сәйкес келеді. Саясат пен мораль жалпы игілік пен әлеуметтік әділдікті қорғауға негізі бар, бірақ та ол осындай адамгершілік міндеттерді орындаудан көп жағдайда қалыс қалады. Саясат оның ерекше қосымшасы ретіндегі моральдің реттеушілік сипатының жетіспеушілігінен туындайды. Сондықтан да, осы фактыны еске ала отырып, ежелгі дәуірдің ойшылдары саясатты этиканың бір бұтағы деп қараған. Саясат пен моральды бөлуді және ол туралы ілімді бірінші болып, тек қана ХҮ ғ. аяғы мен ХҮІ басында Николя Макиавелли атап көрсетті.

Саясат адамгершіліктің өзін-өзін бақылау тетіктерінің объективтілеу түрі, сыртқы көрінісі ретінде көрінеді. Мысалы, моральге тән өздерінің бағаларын құқық түрінде беретін және белгіленген нормаларды бұзушыларға тиісті жаза тағайындайтын ар-ұжданы функциясын сот орындайды.

Элементтерінің жалпылығына қарамай, саясаттың моральден түбірлі айырмашылығы бар. Олардың ішінде ең маңыздысы саясаттың шиеленістілігі. Бұрын аталғандай, саясат бүкіл қоғамды қамтитын және билікті қолдануды қажет ететін топтық әлеуметтік жанжалдарды шешуге бағытталған қызмет болып табылады. Ал, мораль көбіне саяси шиеленіске жете бермейтін жеке жанжалдардан тұратын адамдар арасындағы күнделікті қатынастарды сипаттайды.

Саясаттың тікелей қайнар көзі экономикалық және басқа да қажетті мүдделері болады, оның ішінде ең бірінші, ірі әлеуметтік топтардың мүдделері: ұлттар, таптар, қалың бұқара топтары, т.б. Моральдің тікелей қайнар көзі жалпыадамзаттық, тағы басқа да ұжымдық құндылықтар болып табылады, бірақ оған ілесу тұлғаға ешқандай жеке пайда бермейді. Сондықтан да мінез-құлықтың моральдық және саяси сарындарының бәсекелестігі – бұл рухани құндылықтардың және тікелей, ең алдымен материалдық, жеке мүдделердің күресі.

Көптеген моральдің императивтері идеалды сипат алады, олармен өз әрекеттеріңді біріктіру қажет, бірақ та шынайы өмірде оған жетуге ешкімнің қолы жете бермейді. Мысалы, өмірінде ешбір қулыққа бармаған, тек шындықты ғана айтқан, немесе христиандық адамгершілік өсиеттерімен өзін сүйген сияқты әрбір өзінің жақындарын сүйген адамды кездестіру қиын.

Мораль ылғи жеке дара болып келеді, оның субъектісі және жауапкершісі – өзінің адамгершілік таңдауын жасайтын жеке адам. Ал, саясат топтық, ұжымдық сипатта болады. Онда индивид жеке бөлік немесе таптың, ұлттың, партиялардың өкілі ретінде көрінеді. Оның жеке жауапкершілігі ұжымдық шешімдер мен әрекеттерде зым-зия жоқ болып кетеді.

Саясат жағдаятты болады [1]. Табысқа бет түзей отырып, ол мақсаттарға жетуге әсер ете алатын шынайы жағдайларды, барлық факторларды есепке алуы қажет. Ал, моральдық талаптар өз негізінде универсалды және өз кезегінде, нақты жағдайдан тәуелсіз болады.

Саясаттың ең маңызды ерекше айырмашылығы күшке сүйену, талаптарды орындамағандарға мәжбүрлеу санкциясын қолдану болып табылады. М.Вебердің сөзімен айтсақ, саясат, «ерекше амалдың көмегіне сүйенеді – ол оның артында тұрған билік» [2].

Ал, мораль шын мәнінде күшті мінейді және ең бастысы ар-ұжданға арқа сүейді. Жеке басының ар-ұжданы, егер ол дамымаған болса, тіпті адамды қылмыс жасағаны үшін де кешіруі мүмкін. Ал, саясат тек қана дұшпандары мен қылмыс жасағандарды ғана емес, кейде адамдарға қорқыныш тудырып, кінәсіздерді де жазалайды.

Жоғарыда көрсетілген мораль мен саясаттың ерекшеліктері осы өмір қызметі салаларының өздерінің дербестігін дәлелдейді де, саясат пен моральдің өзара әрекеттестігі, арақатынастары туралы әртүрлі пікірлердің тууына негіз болады.

Атап өту керек, саясат пен моральдің өзара қарым-қатынастары туралы әлемдік әлеуметтік-саяси өмірде төрт негізгі көзқарас бар екенін бөліп айтамыз. Олардың ішінде тарихи жағынан ең бірінші моральдық көзқарас болып табылады. Бұл көзқарас тұрғысында, саясат жоғары адамшылық мақсаттарға ие болып қана қоймай (жалпы игілік, әділеттілік, т.б.), сонымен бірге қайсібір жағдайларда да мүмкін болатын адамшылық амалдардың көмегімен адамшылық принциптерді бұзбау (шыншылдық, адамдарға мейірбанды болу, адалдық және т.б.).

Тіпті Жаңа заманға дейін қоғамдық ойда үстемдік еткен саясаттағы моральдық көзқарас ХХІ ғасырда да өзінің маңызын жойған жоқ. Гректің ұлы ойшылы Аристотель: «рақымдылықсыз адам ең ұждансыз және өте жабайы жәндікке айналады» деп пайымдаған. Сондықтан да саясат азаматтар алдында билік құрылымдарының міндеттері бар әлеуметтік этика, өнегелілік философия болып табылады.

Айта кету керек, бүгінгі күні ұшқарылықтан айырылған моральдық көзқарас, мысалы, қазіргі заманның ең ықпалды саяси қозғалыс болып табылатын христиан – демократиялық қозғалыстың идеологиясында көрініс тауып отыр. Мұндай көзқарас саясат субъектілерінің адамгершілік бағыты деп түсіндіретін, олардың оны әлеуметтік шындықты еске ала отырып, инабаттылық ету саясатты гуманизациялауға көмектеседі. Сонымен бірге өмір көрсеткендей, моральдық абсолютизм рухында саясатты адамгершілікке толық бағындыру оны тиімсіздікке апарып соғады да, мораль мен саясаттың абыройын төгеді.

Саясат пен моральдің өзара қатынастары проблемаларына екінші көзқарас Жаңа дәуір заманының алғашқы кезінде пайда болды және ол Н.Макиавелли есімімен байланысты. Оның негізінде моральды саясаттан бөлу идеясы жатты және оның әрбіреуінде өз заңдылықтары қызмет етеді деп танылды. Н.Макиавеллидің пікірінше:

1. Мораль – мәңгілік саласы, ол олардың белгілі ережелерді өз еркімен орындау арқылы адамдардың жеке қатынастарын реттейді. Адамдар өздерінің қарым-қатынастарында игілік пен жауыздық туралы, адамгершілік өсиеттері, идеалдар туралы өз түсініктерін басшылыққа алып, идеалдың талаптарын универсалды, барлық жағдайларда дұрыс деп есептейді.

2. Саясатта мақсаттылық үстемдік етеді және көптеген әлеуметтік топтардың мүдделерін қорғайды: таптардың, ұлттардың, қалың бұқара топтардың, т.б.; осы мүдделердің мазмұндары нақты сипатта болады; оларды жүзеге асыру олардың әсерімен саясаттың субъектілері өз мақсаттарын өзгертуіне мүмкін болатын белгілі жағдайларда болады; әртүрлі жағдайлар мен мүдделердің күресі кезінде саясатта күшті, озбырлықты, алдауды игілікті мақсаттарға жету үшін қолданылуы орынды болады.

Н.Макиавелли адамгершіліксіздік саясаттың негізгі болып саналатын «Мақсат амалдарды ақтайды» деген қағиданың авторы. Оны қолданудың салдары бүлдіруші жәнеқайғылы. Ол утопиялық «жарқын келешек» идеясының құрбаны болған миллиондардың өмірі ғана емес, сонымен бірге адамның тұлға ретінде адамгершілік тұрғыдан өзгеруі, еркіндік, индивидуалдық, меншік, т.б. қарапайым адами құндылықтардың шайылған екі жақты, тіпті үш жақты стандарттардың үстемдігі еді.

Айта кету керек, саясатты адамгершілікті бағалаудан бөлу амалдары, оны игілік пен жамандықтың арғы жағына қою амалдары, әдетте, адамгершілікке қарсы әрекеттерді ақтау үшін, немесе ең құрығанда, саясатты сыннан қорғау болып табылады. Саясаттың адамгершілік құндылықтарын ескермеушілігі оны құлықсыз қылады. Шынайы өмірде саясаттың адамгершіліксіздігі – көп тараған құбылыс. Бұл саясат пен моральды – игілік (мораль) және жамандықты (саясат) бігіспейтін жақтар етіп түсіндіруге негіз болады. Бұл олардың арақатынасын көрсететін үшінші көзқарас.

Анархизм саясатты ең келеңсіз бағалайды. Саясат және оның негізгі атқарушысы – мемлекет, «тек қана күшпен, күшпен ғана ашық және жасырынған үстемдікке», деп жазды орыс анархизмінің атасы М.А. Бакунин. Жауыздық, деп жалғастырды ол, саясаттың өзінің табиғатында жатыр – ол билік. «Кім билікке ие болса, өзгермейтін әлеуметтік заңға сәйкес қалайда қоғамның қысым көрсетушісі және

қанаушысы болады». Сонымен бірге билік оның иелерін ғана емес, онымен қатар оған бағынуға мәжбүр болғандарды да бұзады [3].

Саясатты жалпы бағалауда анархизмге жақындау марксизм болады. Ол қанаушылық, таптар және әлеуметтік теңсіздіктердің, келеңсіздіктердің, күш көрсетудің болуы жағдайында саясат болмай қалмайды деп түсіндіреді. Бірақ та бұл келеңсіздіктерді пролетариатқа қанаушыларды құлатуға, олардың қарсылықтарын басуға және әлеуметтік теңдік, қоғамдық өзін-өзі басқару және тұлғаның еркіндігіне негізделген саяси емес коммунистік қоғам орнатуға пайдалану қажет.

Саясаттың жағымсыз бағаларын либералдық ойшылдардан да табуға болады. Мысалы, орыстың белгілі философы Н.А. Бердяев былай деген: «Менде оны сыртқа шығаратын, адамзат тіршілігінің ең қатерлі түрі ретінде саясатқа жиіркеніштемін». Ол ылғи өтірікке негізделген. Саясат көп жағдайда адамдарды меңгеріп алатын, олардың қанын ішетін арамтамақ өсік, сондықтан ол жалған болып табылады».

Саясат пен моральдің арақатынасына төртінші көзқарас – бұл ымырашылдық көзқарас. Бұл көзқарас бүгінде ғалымдар мен саясаткерлердің арасында үлкен орын алады. Ол саясаттың ерекшелігін ескере отырып, адамгершіліктің оған әсер етуін мойындау қажеттігін айтады.

Ымырашылдық көзқарастың ең белгілі негізін қалаушылардың бірі Макс Вебер. Ол этика мен саясатты түгел бөлудің қажеті жоқ деп есептеді, бірақ соңғының ерекшелігін өте ұқыпты ескеру керек. Жолдастарың мен бәсекелестеріңе, қызмет бабы мен отбасылық қатынастарға, іскерлік пен жеңсі құмарлыққа, т.б., бәріне бірдей қолданатын бірыңғай адамгершілік кодексінің болуы мүмкін емес. Оның ойынша, этика саясаттың, оның ішінде ең негізгісі күш қолдану болып табылатын ерекшелігін ескеруі қажет. Дәл айтқанда, адамзат одақтары қолындағы заңды күштердің ерекше амалы, - деп көрсетті ол, - саясаттың барлық этикалық проблемаларының ерекшелігіне себепші болады [4].

Саясатқа адамгершіліктің әсері шекарасын белгілеу үшін, М.Вебер моральді сенім этикасы және жауапкершілік этикасы деп бөледі. Шығындар және құрбандармен есептеспей, қандай нәтижеге келуіне қарамастан сенімнің этикасы адамгершілік принциптері жолымен жүретіндігін көрсетеді.

Керісінше, жауапкершілік этикасы нақты жағдайды есепке алуды, саясатты ең алдымен оның салдарына бағыттау, саясаткерлердің болжамдауға болатын үлкен зұлымдықты алдын-ала болдырмау, сонымен қатар кішкентай зұлымдықтың көмегімен өз әрекет-

терінің нәтижесіне ішкі жауапкершілігін талап етеді. Нақты әрекеттерде жауапкершілік этикасы мен сенім этикасының арақатынасын анықтайтын саясатшының өзі болады.

М.Вебердің мораль мен саясаттың арақатынастары туралы осы идеялары әлемде кең тарайды. Бірақ та өзіндік шынайлығына қарамастан оның бірқатар осалдығы бар. Ең әуелі М.Вебер саясатты шындығында күш амалдарын ашық қолдануға саяйды да, сонымен бірге адамгершіліктің саясатқа әсерінің мүмкіншілігін тарылтады. Бірақ та, саясаттың міндеттері, әсіресе, қазіргі демократиялық мемлекеттерде, күш қолданудан да көбірек күрделі. Бірқатар саяси мәселелерді шешуде күш қолдану немесе оны қолдану қаупі істерге кедергі келтіруі мүмкін. Саяси акторлардың азаматтық жауапкершілігінсіз, ымыраға дайындықсыз, ынтымақсыз және кооперациясыз қазіргі замандағы құқықтық мемлекет мүмкін емес. Саясат мазмұнының күш қолдану саласының ар жағына шығуы онда адамгершілік құндылықтарын кең қолдануға мүмкіндік береді.

Жалпы алғанда моральдің саясатқа әсер етуі бірқатар бағыттарда іске асыруға болады және асыру керек. Бұлар – адамгершілік мақсаттарын қою, оларға теңбе-тең және шынайы жағдайлардың әдістері мен амалдарын таңдау, қызмет процесінде моральдық принциптерді есепке алу, саясаттың тиімділігін қамтамасыз ету. Әрине, шынайы саясатта осы барлық талаптарды орындау – өте күрделі міндеттер. Іс жүзінде адамгершілік тек жарияланған мақсаттарға тәуелді болмай, қайта оларға қол жеткізуде қолданылатын әдістер мен амалдарға байланысты болады.

Сондықтан, егер идеялар, мақсаттар және идеалдар жүйесі адамның әлеуметтік мәніне сәйкес келіп және ол гуманизм мен әлеуметтік әділдікті принциптерін жүзеге асыруға бағытталса, саясат адамгершілікті болуы мүмкін. Ал, осы принциптерді аяққа басқан саясат, адамгершіліксіз болады. Мұндай саясат диктаторлық режимдерде болады, онда тұлғаның мүдделері мен қажеттіліктері көңілге алынбайды, онда олар сөзсіз қоғамдық мүдделерге, яғни, диктаторлардың (индивидуалдық немесе топтық) мүдделеріне сөзсіз бағынады. Мұндай жағдайлар ылғи да қайғылы жағдайларға, халықты бақытсыздыққа әкелді. Жалпы алғанда, адамгершіліктің саясатқа бағынуына жол бермеу керек.

Енді көп жағдайда билік құрылымының қызметін бақылайтын, тұлғаның еркіндігі мен кең құқығын қамтамасыз еткен азаматтық институттары құрылымы дамыған демократиялық қоғамды алайық. Осындай қоғамда саясат толық мағынада адамгершілікті ме? Жалпы саясат әрбір адамның мүддесінен шығып, оның адамгершілік принциптеріне сәйкес келе ме? Тағы да: адамгершіліксіз, құлықсыз-

дық амалдары мен әдістерін қолданатын саясат осы қоғамның прогресіне, гуманизмге, нақты халықтың бостандығына қызмет ете ме?

Осы сұрақтарға жауап беру үшін, адам тұлға және қоғам ретінде тура қатынаспайтынын айту керек. Қоғам адамдардың жай қосындысы емес. Ол жаңа сапалы құрылым болып келеді. Жеке индивидке, қоғамға, мемлекетке жарайтын жалпыадамзаттық өсиеттерді, адамгершілік нормаларын біржақты, механикалық түрде қондыруға болмайды. Олар әртүрлі категориялар [5].

Саясат мемлекеттің функциясы ретінде өз әрекеттерінде ерекше адамгершілік принциптерін басшылыққа алады. Жалпымемлекеттік, жалпыұлттық мүдделерді қорғауда саясат, әсіресе, халықаралық қатынастар саласында, ылғида және барлығында мораль мен адамгершілік принциптерін ғана басшылыққа алмайды. Бұл мемлекеттің позициясын жоғалтуға әкеледі, қоғамға нұқсан келтіреді. Мемлекеттік саясаттың адамгершілік принциптері тұлғаның адамгершілік талаптарымен сәйкес келмеуі мүмкін. Жеке адамның адамгершілігінде ұятты болып есептелетін, тіпті тыйым салынған, ал, мемлекеттің қызметінде, оның саясатында олар қалыпты, дағдылы, көпшілік қабылдаған болып есетеледі. Тұлға басқа адамдардың игілігі үшін әрекет етіп, жоғары идеялар, өз сенімі үшін құрбандыққа баруы мүмкін. Ал, мемлекет лидерлері, саяси басшылар мұндай жағдайларға бармайды. Оларға мемлекеттің мүдделері бірінші орында болады; оларды қорғау үшін саясат, тіпті қаруды қолдануға дейін, кейде басқа мемлекеттердің мүдделерін де ескермей (сыртқы саясатта), келешекте жалпыұлттық игілік үшін құқықты шектеуге, халықтың жеке топтарының материалдық жағдайын төмендетуге дейін барып та күш амалдарын қолданады. Ал, адамгершілік адамға қатысты ешқандай зорлықты, оның ішінде күш қолдануды, қабылдамайды. Сондықтан да, саясат пен адамгершілік үйлеспейді және қоғамдық құбылыс ретінде тым қарама-қайшы.

Бірақ та, мемлекеттің саяси қызметінің адамгершілік принциптері және олардың тұлғаның адамгершілігімен арақатынастарынан шығатын көзқарас, сірә, мемлекеттік саясат жеке адам тұрғысынан пайдаланылатын адамгершіліксіз амалдар мен әдістер осы қоғамның прогресіне, оның мемлекеттік, халықтық мүдделеріне қызмет етуі мүмкін.

Осындай саясаттың мысалына мемлекеттік қайраткерлердің, айталық, өз елін біріктіруге, халықты шетел қанауынан азат етуге, сыртқы тәуелсіздігімізді сақтауға бағытталған акциялары жатады. Мысалы, татар-моңғол басқыншылығы кезінде мәскеулік князьдер орыс жерлерін шетел қанауынан босатуға, Мәскеуді көтеруге, өз

тәуелсіздігі үшін күреске оларға көрші князьдіктерді қосып алу үшін алдауды, сатып алуды, кісі өлтіру және басқа әдістерді қолданған. Осының бәрі келешекте орыс мемлекетінің тәуелсіздігін орнатуға, әлеуметтік прогреске қызмет етті.

Осы мәселеден тағы бір проблема – жалпы саясат және индивидуалдық адамгершілік белгілі әлеуметтік жағдайларда үйлесе ме, бір-біріне қарсы келмей ме? Егер солай болса, ол қандай жағдайлар?

Бәлкім, айтуға болар, мұндай үйлесулер қоғамда кейде пайда болатын төтенше жағдайлар кезінде болады. Олар революция, соғыстар, ірі апат жағдайлары. Осындай кезде саясат, басшылықтың іс жүзіндегі әрекеттері, елдің саяси басшылығын қолдайтын, оның қызметіне көмектесетін көпшілік адамдардың тәртібі принциптерімен үйлесуі мүмкін (бірақ та, елдің барлық адамдары түгел басшыларын қолдауы, сірә, болмайтын шығар; ылғи да осындай шараларға қарсы болатындар жетіп жатады).

Айталық, азаттық қозғалыс немесе Отанды қорғау кезінде жауды жеңуге, елдің тәуелсіздігін сақтауға бағытталған мемлекеттік мүдделер, мемлекет саясаты халықтың, әрбір адамның мүддесімен үйлеседі (ерекшеліктері де болады: сатқындар, Отанын сатып кеткендер). Адамдар – өз елін қорғау, оған бар күшін салу, жалпы мемлекеттік мүдделер үшін өз өмірін құрбан етуге дайын екендігіне сенімді болады. Осындай жағдайда мемлекеттің саясаты және оның азаматтарының адамгершілігі, шын мәнінде, бірігеді, бөлінбейтін болады. Бұған ұқсас жағдайлар ірі апат кезінде де болады. Халық пен мемлекеттің басына түскен жалпы бәле, бақытсыздық, қайғылы жағдайлар олардың күшін біріктіреді. Саясат пен адамгершілікті жақындастырады.

Қорыта айтқанда, мораль саясатқа саяси процеске қатысушылар қызметінің нәтижесі мен тәртібін бағалау, оларға моральдық талаптар қою арқылы әсер етеді. Өз кезегінде, саясат моральға азаматтардың саяси мәдениетін қалыптастырып, оларды мемлекет пен қоғамды басқаруға итермелеу арқылы әсер етеді. Адамгершілік саясат үлкен өзгертуші күшке ие болады. Керісінше, саясаткерлердің моральдық нормаларды ескермеуі олардың қызметінің әлеуметтік тиімділігін төмендетеді, қоғам мен тұлға үшін бүліншілікпен айналып келеді. Сонымен, саясат ылғи да бар және келешекте де оның субъектісінің моральдық жауапкершілігінің саласы болады. Саясат моральмен одағынсыз оған жоғары қоғамдық мақсаттарды және оларды өмірге енгізетін гумандық амалдарды көрсететін компастан айырылады.

Адамгершіліксіз саясат қоғамда демократиялық өзгерістерді және оның прогресін, адамды рухтандыратын және көтеретін идеалдар мен құндылықтарды қамтамасыз ете алмайды.

Саясат мұратында ғылымның, моральдың және өнердің қорытпасы, синтезі болуға тиісті. Ғылыми саясат өзіне тек қана адамгершілікті ғана емес, ол сонымен бірге әртүрлі фактілер мен шындықтың оқиғаларына теориялық талдау жасайтын өнерді де, шеберлікті де, жанжақтылықты да және икемділікті де өзіне қосып алады.

1. Гончаренко И.П. *Политические отношения*. – Киев, 2010. – С. 62-63.

2. Аристотель *Политика*. – М., 1965. – С. 11.

3. Бакунин М.А. *Полн. собр. сеч. Т.2*. – СПб., 1907. – С. 27, 164-166.

4. Вебер М. *Избранные произведения*. – М., 1990. – С. 696-698, 701.

5. Анисимов С.Н. *Общество и личность*. – М., 2010. – С. 115-116.

Резюме

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия, взаимовлияния политики и морали в современном мире. Эти вопросы рассматриваются с позиций системного анализа.

Түйін

Бұл мақалада, автор саясат пен моральдің арақатынасын қазіргі әлемдегі салыстырмалы түрде жүйелік талдау жасалған.

Summary

The article deals with topical issues of cooperation, mutual policy and morality in the modern world. These issues are discussed from the standpoint of system analysis.

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ж.К. Каримова -

*докторант PhD кафедры политологии и социально-философских
дисциплин Института магистратуры и докторантуры PhD
КазНПУ имени Абая*

На сегодняшний день гендерная асимметрия, проявляющаяся в самых различных сферах жизнедеятельности общества, является одной из глобальных проблем, стоящих перед человечеством. В первую очередь, это обусловлено тем, что этот феномен вызывает глубокие противоречия и проблемы, а также колоссальные по своему масштабу негативные социальные последствия. Однако, прежде чем углубиться в суть социального явления, изучению которого посвящена данная статья, на наш взгляд, необходимо дать определение столь многогранному понятию, как гендер («gender»).

В настоящий момент как в рамках отдельных наук, использующих гендерный подход в изучении и анализе социальных явлений, так и в самих гендерных исследованиях как отдельной области научного знания отсутствует единство в понимании и определении понятия гендер.

Первоначально слово гендер имело отношение только к разделу науки о языкознании. Так, в англо-русском словаре В.Мюллера можно увидеть, что слово «gender» имеет три значения: 1) гендер, как грамматический род; 2) гендер, как шутовое обозначение пола; 3) гендер, как форма глагола порождать (to gender).

Впервые термин "гендер" в его новом, не грамматическом смысле, был использован психологом Робертом Столлером в 1968 году. Понятием гендер он предложил обозначить совокупность социокультурных характеристик, свойственных биологическому полу, таких как «маскулинность» и «фемининность». Предложение Р.Столлера о разделении биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям.

Возникновение и развитие гендерных исследований имеет непосредственное отношение к «женским» или феминистским исследованиям второй половины XX столетия, обусловленных, в свою очередь, широким распространением идей либералистского толка, нашедшим отражение в лозунгах молодежных и женских движений 70-ых годов XX века за равенство, эмансипацию и

прогресс. Исследования 70-ых годов, именуемые «гендерными», были по сути дела «женскими исследованиями» и велись они женщинами-учеными, писательницами феминистского толка, имевшими эссенциалистские представления касательно биологического и социокультурного содержания пола. Таким образом, на первом феминистском этапе гендерных исследований биологический пол рассматривался как нечто врожденное и инвариантное, в то время как социокультурный пол (гендер) представлял собой дополнение, наслаиваемое на пол первичный, биологический, что в определенной степени отражает научные представления того времени, в том числе и в области биологии. Стоит также отметить, что такое понимание гендера свойственно поло-ролевому подходу в гендерных исследованиях. Этот парадигмальный подход был инспирирован структурным функционализмом Т.Парсонса и Р.Бэйлза, согласно которому женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, в то время как мужчине отведена роль инструментальная, представления о которых интериоризируются ими в ходе социализации.

Говоря о главных достижениях гендерных исследований на их первом, феминистском этапе развития, необходимо подчеркнуть, что гендерологами того времени впервые был введен социально-стратификационный анализ различия полов. Так, именно теории социальной стратификации, стали первой областью социологического знания, в которой гендер был рассмотрен как социальный пол. Таким образом, гендерная стратификация была рассмотрена как подсистема социальной стратификации. Также была изучена роль патриархального¹ устройства общества, как системы организации социума и пр. Более того, большим вкладом гендерологов стало рассмотрение гендера как инструмента социально-экономического анализа, позволившего проанализировать прошлое и настоящее трудовой деятельности женщин (традиционное разделение труда по полу или профессиональная сегрегация, «невидимый» женский труд, феминизация безработицы и пр.). Постепенно «женские исследования» ширились, вовлекая в свои ряды все большее число приверженцев, и все чаще позиционировались как независимая область социального знания. Под непосредственным воздействием «женских

---

¹ Патриархат характеризуется, в частности, такими признаками как патрилинейность (счёт происхождения детей, родства и наследования по линии отца), патрилокальность (проживание жены в семье или доме мужа, выбор места проживания семьи мужем), моногамия (двуродительская семья) или полигиния (многоженство), но не семья с несколькими мужьями, упорядоченные половые связи мужа с одной женщиной (женой) при единобрачии или упорядоченные половые связи мужа с несколькими женами при многоженстве, сосредоточенность прав по распоряжению имуществом и экономической жизнью семьи в руках мужчины.

исследований» возникли в те годы и «мужские исследования» (Men's Studies) или социальная андрология. Так, к концу 80-х в науке появилась тенденция именовать все исследования, касающиеся вопросов пола, гендерными.

В этот же период, гендерологи 80-х годов XX в. сочли возможным перейти от анализа патриархата и свойственных ему политик подавления и дискриминации (женщин, сексуальных меньшинств) к анализу гендерных систем, что имело непосредственное отношение к трудам Гейл Рубин. В широко известной работе «Обмен женщинами» (1975 г.) Гейл Рубин вводит понятие «поло-гендерной системы» (sex/gender system), которая представляет собой «набор соглашений или устройств, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности, и в которой эти трансформированные сексуальные потребности трансформируются» [1]. Изучая феномен экзогамии в патрилинейных обществах, Рубин приходит к выводу, что система «пол-гендер» поддерживает патриархальный порядок в обществе посредством концентрации материального и символического капитала в руках мужчин-отцов. Несмотря на то, что понимание гендера «как социально навязанного разделения полов», предложенного Гейл Рубин, ставит под сомнение биологический детерминизм, тем не менее, остается далеким от восприятия биологического, сексуального как социально конструируемого. Подобное понимание гендера придет к научному сообществу гендерологов позже.

Понимание гендера, как совокупности социально конструируемых отличий, основанных на разделении мужчин и женщин, в том числе и телесном, стало достижением гендерных исследований социально-конструкционистского характера периода конца 80-х и последнего десятилетия XX века. Признание того, что биологическое, сексуальное представляет собой социальный конструкт связано, по меньшей мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, научные открытия того времени, в том числе в области психологии и биологии, позволили поставить под сомнение не только бинарность биологического пола, предполагающую его жесткое разделение на мужской и женский, но и его инвариантность. Таким образом, сексологи впервые выделили несколько уровней сексуальной организации человека [2].

- Хромосомный или генетический пол (наличие определенного набора хромосом или генов).
- Гонадный пол (наличие желез внутренней секреции).
- Морфологический или соматический пол (наличие внутренних и внешних гениталий).

- Гормональный пол (преобладание в крови определенного вида половых гормонов).

- Церебральный пол (показатели изменения в мозговой деятельности человека под воздействием выработки определенного уровня тестостерона в организме человека).

Существование до этого времени представлений о строгой бинарности биологического пола (мужчина-женщина) говорит о том, что именно морфологический (соматический) пол считался отправной точкой в определении биологического пола, тогда как выявление «истинного» биологического пола требует учета всех вышеуказанных уровней сексуальной организации человека. Таким образом, новейшие биологические исследования выявили, что однозначное приписывание пола по хромосомным и генетическим признакам является неполным и весьма затруднительным. Более того, Андриена Рич и ряд других радикальных феминисток склонны видеть в бинарном разделении биологического пола гендерную идеологию, задача которой заключается в «поддержании принудительной гетеросексуальности», отвечающей, в свою очередь, экономическим потребностям общества [3].

Вторая причина была связана с тем, что в конце 80-х многие из работ, написанных на основе гендерного подхода к анализу социальных явлений, подверглись критике за нечувствительность к расовым различиям (поскольку исследователи обращались в основном к проблемам белых образованных европейских и американских женщин среднего класса), что, в свою очередь, было связано с усилением позиций «цветного феминизма». Ответом на критику стала широко известная работа Джудит Батлер «Gender Trouble» (1990 г.), в которой гендер рассматривается как процесс и результат конструирования индивидуальной идентичности, «постоянно пересекающийся с расовой, классовой, этнической, сексуальной, региональной формами дискурсивно установленных идентичностей...» [4]. Таким образом, развитие теории гендера в русле социального конструкционизма способствовало рождению идей о плюрализме гендера, опровергнув бинарность пола и гендера. Развитие идей социального конструктивизма в области гендерных исследований способствовало осмыслению и изучению повседневных социальных практик, сущность и элементы которых требуют самостоятельного, отдельного исследования. И, **несмотря на то**, что социальный конструктивизм способствовал рождению **идей** о множественности гендера, постулирование двух основных **гендерных** групп – «мужчин» и «женщин» – остается, во всяком случае, на постсоветском интеллектуальном пространстве, универсальной

темой гендерной теории. Таким образом, гендер продолжает означать одно и то же: *асимметричное* (*Прим.* – курсив автора), если не антагонистическое отношение между мужчинами и женщинами, структурирующее функции этих гендерных групп таким образом, что они вовлечены в разные типы деятельности и существуют в разных социальных пространствах» [5].

Гендерная асимметрия не всегда имеет дискриминативный характер, и тем не менее, как правило, она дискриминативна и не только по отношению к женщинам. Этот терминоид¹ часто используется как менее политизированный аналог понятий «неравенство» и «дискриминация». Говоря о гендерной асимметрии, в отличие от «дискриминации», рассматривают непрямой акт целенаправленного подавления и угнетения человека, принадлежащего к определенной гендерной группе [6], в то время как под дискриминацией подразумевают конкретные случаи нарушения «принципа равных прав и возможностей». Ввиду того, что сохраняющийся в сфере образования и труда гендерный дисбаланс имеет множество отрицательных социальных последствий, в рамках данной статьи гендерная асимметрия рассматривается как социальное явление, отражающее неравное количественное распределение мужчин и женщин в различных сферах общественной жизнедеятельности.

Главным образом, гендерная асимметрия в сфере занятости имеет следствием формирование гендерного неравенства социально-экономических результатов от реализации мужчинами и женщинами своего образовательного потенциала. Более того, гендерные диспропорции в уровне образования в пользу женщин показывают, что само по себе выравнивание уровня инвестиций в человеческий капитал не обеспечивает равенства в экономическом и социальном положении мужчин и женщин [7]. Так, сложившаяся структура занятости при современных гендерных различиях в уровне образования свидетельствует о том, что наиболее образованная часть трудовых ресурсов страны в силу сложившихся стереотипов имеет худшие параметры качества занятости и, следовательно, используется неэффективно [8]. К слову, по подсчетам правительственной комиссии Великобритании по вопросам женщин и труда, потери экономики страны от наличия барьеров для женщин в сфере труда составили 25-40 млрд. долларов. Таковы масштабы экономических последствий гендерной асимметрии для отдельно взятой страны.

---

¹Терминоид — специальная лексема, используемая для называния недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит и дефиниций. / <http://ru.wikipedia.org>

Оценка потерь казахстанской экономики еще не была осуществлена. Таким образом, гендерная асимметрия в научно-образовательном пространстве сопровождается следующими негативными последствиями: экономическая дискриминация женщин в сфере труда, феминизация бедности, внутрисемейные конфликты, снижение физического, психического здоровья, насилие на гендерной почве и др. По признанию экспертов ООН, гендерная асимметрия является источником нестабильности в государствах и во всем мире.

Учитывая, что в основе гендерной асимметрии, встречающейся в образовательных и профессиональных практиках изучаемой категории женщин, лежит социальное неравенство, проявляющееся в виде обусловленных гендерным дисбалансом социальных последствий, далее мы обратимся к мировому опыту изучения данного социального явления.

Таким образом, на сегодняшний день существует два уровня изучения проблемы социальных неравенств – макросоциологический (функционализм Питирима Сорокина, структурализм Пьера Бурдьё, структурный функционализм Талкотта Парсонса) и микросоциологический (методологический индивидуализм Раймонда Будона, символический интеракционизм Ирвина Гоффмана). В настоящий момент целый ряд социологов, объясняя причины неравенств в таких сферах как образование и труд с точки зрения макросоциологических теорий, называют факторы, влияющие на возникновение этих неравенств институциональными. Другие, сторонники микросоциологических теорий, говорят о доминирующей роли *индивидуальных или субъективных логик* в формировании неравенств в сфере высшего образования и труда. Далее мы обратимся к трудам зарубежных социологов, объяснявших существование и эволюцию социальных неравенств с принципиально разных точек зрения.

Так, оперируя такими понятиями как «социальная мобильность» Питирим Сорокин в своих трудах писал о влиянии на образовательные и профессиональные траектории индивидов таких социальных институтов как семья и школа. Согласно Сорокину, институт семьи с целью обеспечить непрерывность своего функционирования склонен «тормозить» вертикальную и горизонтальную социальную мобильность индивидов, так как чрезмерная мобильность в одном из направлений может ее ослабить. Поэтому семья «навязывает ребенку строго определенный его статусом уровень школьных достижений» [9].

Школа, как другая ориентирующая инстанция, одновременно с образовательной функцией осуществляет и функцию репродукции, под которой подразумевается селекция индивидов согласно

ценностям определенной социальной системы. Иными словами, социальная структура общества воспроизводится посредством функционирования таких социальных институтов как семья и школа.

Талкотт Парсонс в отличие от Питирима Сорокина не оставил без внимания роль индивидуальных мотиваций в производстве социальных неравенств. Основные труды Парсонса, научная деятельность которого пришлось на период экономического кризиса 30-ых годов XX столетия, были посвящены структурно-функциональному анализу американских семей среднего класса, проживающих в городской местности. Парсонс выявил специфический нуклеарный тип семьи. «В новом обществе новая семья» – таков основной постулат Парсонса. Иными словами, тот факт, что современная американская семья лишена характеристик, которые были присущи ей до начала XX столетия, вовсе не означает упадок института семьи. Изменение структуры общества ведет, в свою очередь, к видоизменению его подструктур (подсистем), в частности семьи. Это обусловлено тем, что семья, также как и другие подсистемы общества, должна выполнять определенные функции, совокупность которых выражена Парсонсом в аббревиатуре «AGIL»: A (Adaptation) – адаптация; G (Goal-attainment) – целеполагание или осуществление цели; I (Integration) – интеграция; L (Latency) – латентность и сохранение структуры.

Таким образом, американская семья по Парсонсу – это открытая система (семья, созданная на добровольной основе), нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей [10]. Анализируя институт семьи, Парсонс акцентирует внимание на сегрегацию супружеских ролей, отмечая при этом асимметричность мужских и женских ролей в сфере труда и их функциональную эквивалентность в сфере семейного быта. *Комплементарность*, т.е. взаимодополняемость супружеских ролей является основной отличительной чертой «парсоновской семьи», суть которой заключается в том, что мужчины выполняют в семье роль «добытчика», в то время как женщине уготована роль «матери-домохозяйки». Таким образом, согласно Парсонсу, мужчины выполняют инструментальную роль посредника между семьей и обществом, в то время как женщина, ввиду ее биологической способности к деторождению и естественному вскармливанию, склонна к выполнению функции интеграции, социо-аффективной роли [11]. При этом инструментальность роли сводится к «интеллектуальному доминированию», тогда как экспрессивность роли связывается лишь с эмоциональностью [12].

Парсонс исключает чисто биологическую обусловленность выполняемых супругами ролей. Так, женщина также как и мужчина

может осуществлять профессиональную деятельность, однако «в сфере труда роль женщины аналогична той, что она выполняет в семье, роли матери-домохозяйки» [13]. Согласно Парсонсу, «семья является системой солидарности. Каждый член семьи разделяет социальный статус, единый для всех и характеризующий семью как таковую. Тем не менее, тенденция, присущая индустриально развитым странам, к сокращению семьи до нуклеарного типа ограничивает влияние семьи на личные амбиции индивидов» [14]. Иными словами, Парсонс указывая на решающую роль института семьи в формировании образовательных и как следствие профессиональных карьер, признавал, что образование может смягчить негативный эффект института семьи. Так, образование, выполняя интеграционную функцию, может выступать своего рода «мостом» между семьей и обществом.

Тем не менее, именно за натуралистские взгляды структурно-функциональный анализ Парсонс подпадет под критику, главным образом феминисток 70-ых годов XX столетия, среди которых можно особенно выделить Виолу Клейн, Мирру Комаровски, Андре Мишель. Вместе с тем, необходимо отметить, что благодаря противоречию между институтом семьи и профессиональной структурой, существование которого Парсонс выявил в своих самых первых публикациях, гендерные исследования в сфере образования и труда вышли на совершенно новый уровень, отойдя от некогда традиционного натуралистского взгляда на мужские и женские роли в обществе.

Другой мэтр социологии, француз Пьер Бурдьё объясняет возникновение социальных неравенств, в частности образовательных, оперируя такими понятиями как «репродукция», «капитал» (экономический, социальный, символический, культурный), «габитус» и пр. Согласно Бурдьё, неравенство представителей различных слоев населения на уровне высшего образования проявляется главным образом их неравномерной представленностью. Так, по результатам исследования, проведенного студентами Лилльского университета под руководством Бурдьё, дети людей занимающихся интеллектуальным трудом (профессора, работники искусства, отдельные категории государственных служащих и пр.) имеют в 80 раз больше шансов получить высшее образование, чем дети сельскохозяйственных работников [15]. Однако необходимо отметить, что влияние социального происхождения молодого человека на его образовательные возможности проявляется не только посредством «экономического бессилия», но и через «культурные» препятствия. Известно, что каждому слою населения присущ определенный образ жизни,

который Бурдые назвал «габитусом». Так, выходцы из неблагополучных слоев населения, как правило, не имеют возможности посещать театры, выставки, путешествовать, общаться высокообразованными интересными людьми – расширять свой кругозор, который увеличивал бы, в свою очередь, их шансы поступить в высшее учебное заведение и успешно его окончить.

Бурдые выделил две стадии – первичную и вторичную стадии – формирования габитуса. Если первичный габитус сводится в некоторой степени к интериоризации положения родителей, то вторичный габитус в ходе опыта, пережитого вне семьи (в школе, среди друзей, супружеской и профессиональной жизни). Таким образом, не являя собой некую неподвижную структуру, габитус являет собой систему диспозиций [16].

Анализируя причины социальных неравенств, Бурдые не оставил без внимания и категорию пола. Тем не менее, основной категорией анализа социальных, в частности образовательных, неравенств у Бурдые выступает социальный класс (происхождение), так как пол, по Бурдые, не является социальным конструктом. Более того, согласно Бурдые, доминирование социального происхождения над полом в объяснении неравенств в сфере образования может быть объяснено не только тем, что социальное происхождение как фактор более универсален и стабилен, но и тем, что влияние того или иного фактора имеют различные последствия. Иными словами, если принадлежность к женскому полу приводит лишь к ограниченному выбору специальностей, то низкое социальное происхождение может привести к полному исключению из академической среды. Несмотря на то, что труды Бурдые вызвали огромный резонанс в мире социологии, именно за этот пункт своего анализа Бурдые будет очень долго критиковаться. Более того, принимая во внимание тот факт, что Бурдые не проводил очевидных различий между понятиями пол и гендер, «относя женственность, женский шарм и красоту к категории символического капитала», можно сделать вывод, что отсутствием должного внимания к категории гендера, как социального конструкта он себе несколько противоречил [17].

Последователи учения Бурдые о «культурном капитале» и «репродукции», такие как Мари Дюрю-Бэлла, Кристиан Бодло и Рожер Эстабле поддерживая идею о том, что институт школы и семьи оказывают решающее влияние в формировании образовательных и профессиональных карьер мужчин и женщин, более детально изучают механизмы, посредством которых эти институты воспроизводят существующую структуру общества, а следовательно, и присущую ему гендерную асимметричность. Основным меха-

низмом репродукции гендерного неравенства, по мнению этих ученых, является дифференцированная социализация. Не вдаваясь в детали этого сложного и многогранного понятия, лишь отметим, что суть дифференцированной социализации, как социального процесса конструирования половых различий, заключается в интериоризации индивидом социокультурной системы гендера. Таким образом, посредством различных социальных институтов, ответственных за воспитание детей (семья, детские воспитательные учреждения, школа), различных символических предметов и видов деятельности, предлагаемых детям (игрушки, виды спортивной деятельности, хобби), а также иных средств, формирующих у детей представления о женщинах и мужчинах, женском и мужском (реклама, искусство, детская литература), мальчики и девочки воспитываются по-разному.

Современный человек часто является носителем стереотипных взглядов относительно ролей мужчины и женщины в обществе, привитых ему в ходе первичной и вторичной социализации. С самого детства, сами того не замечая, мы ведем себя «как мальчик» или «как девочка». Нам дарят разные подарки, у нас разные увлечения, мы имеем различные представления относительно своей будущей профессии. Психологи установили, что дети уже в возрасте 2-3 лет ассоциируют отдельные виды профессий с определенным полом. Так, мужские имена ассоциируются у детей чаще всего с врачами, плотниками, в то время как женские – с медицинскими сестрами или воспитателями [18]. Все это является эффектом дифференцированной социализации.

Далее ссылаясь на результаты исследования Ан Дафлон Нувель, посвященного вопросам дифференцированной социализации и опубликованного в книге «Мальчики-Девочки. Дифференцированная социализация?» (2006 г.), отметим, что сравнительный анализ различных социальных институтов, ответственных за воспитание детей, таких как семья, детские воспитательные учреждения и школа, различных предметов (игрушки) и видов деятельности (виды спорта, хобби), предлагаемых детям, а также иных средств, формирующих у детей представления о женщинах и мужчинах, женском и мужском (реклама, искусство, детская литература), выявил сходства в представлениях и восприятии взрослых детей разного пола [19]. Так, с самого рождения взрослые, исходя из своих стереотипных взглядов, окружают ребенка предметами, соответствующими их полу. Зачастую, детям предлагают соответствующие их полу игрушки в том возрасте, когда они не в состоянии сделать самостоятельный выбор. Степень эмоциональности отношения взрослых к детям, также разнится в зависимости от пола ребенка. Так, проявление

эмоций чаще всего является прерогативой девочек, в то время как дозволенной мальчику эмоцией остается лишь сдержанность, либо гнев и агрессия. Мальчикам, в отличие от девочек, предоставляется большая степень свободы и независимости. Таким образом, физическая активность, подвижность, исследовательский интерес являются привилегией мальчиков. В семье, также как и в других институтах, дети поощряются к занятию видами спорта, соответствующими их половозрастным особенностям. При этом, мальчики сталкиваются с большим осуждением в случаях когда отдают предпочтение «девчачьим» видам спорта.

Отличаются между собой не только отношение взрослых к детям разного пола, но и игрушки, которые мы вручаем детям для игр. Тем временем, игрушка представляет собой символический предмет, посредством которого ребенок воспроизводит знания об окружающем его мире. Несмотря на то, что на сегодняшний день существует огромная индустрия игрушек, в действительности «нейтральных» игрушек мало. С самого рождения детям разного пола предлагаются разные, соответствующие их полу игрушки. Целый ряд исследований показал, что уже в возрасте 20 месяцев ребенок отдает предпочтение игрушкам, соответствующим его возрасту и полу [20]. И многие ученые сходятся в мысли о том, что эти предпочтения не являются врожденными и ответственность за их проявления возлагают на социальное окружение ребенка.

Стереотипные образы мужчин и женщин формируются у детей также посредством детской рекламы, литературы. Так, в рекламных материалах и детской литературе девочки чаще всего представлены пассивными, послушными, изображены в окружении членов семьи, соответствующих ее полу игрушек. Еще более поразительным является то, что образ современной девочки мало отличается от образа девочки, описанной в детских сказках вековой давности [21].

Мальчики и девочки предпочитают разные виды спорта. Если мальчики чаще выбирают групповые виды спорта (футбол, баскетбол), где ярко выражен дух соперничества, то девочки практикуют индивидуальные виды спорта (одиночное фигурное катание, художественная гимнастика) [22].

Еще большей стереотипностью отличаются взгляды взрослых (родителей, воспитателей, учителей) касательно способностей детей разного пола к математическим наукам. В действительности, интеллектуальные способности женщины ставились под сомнение на протяжении многих веков. Тем временем, было выявлено, что на уровне начальной школы французские мальчики и девочки имеют равные показатели, что касается математических способностей. Более

того, в плане успеваемости по математике девочки часто превосходят мальчиков. Изменения не в пользу девочек происходят в возрасте 12-13 лет и французские ученые полагают (Croizet, Claire et Dutrévis, 2002; Désert, Croizet et Leyens, 2002), что это связано со стереотипизацией учебного процесса. Так, в ходе исследования французским подросткам предлагалось проверить достоверность предлагаемой им таблицы с помноженными друг на друга цифрами (Напр.: $6 \times 8 = 49$ Верно/Не верно). При этом исследование проводилось двумя способами, т.е. испытуемые были помещены в разные условия. Так, если в одном случае причина проведения теста была обусловлена изучением когнитивных способностей подростков, то во втором – изучением интеллектуальных способностей девочек в области математики. По результатам исследования, мальчики превосходили девочек в обоих случаях, в то время как результаты девочек разнились в зависимости от того, в какие условия они были помещены. Так, девочки показали лучшие результаты лишь в первом случае, т.е. во время сдачи теста на выявление когнитивных способностей подростков. При сдаче же теста на определение интеллектуальных способностей девочек они показали худшие результаты, что позволило французским ученым сделать вывод о том, что стереотип «девочки слабее в математике» оказывал психологическое давление на девочек, снижая их самооценку [23].

По мнению Кристиан Бодло и Рожер Эстабле, ввиду половых различий, дети воспитываются в семьях по-разному. Поощренные быть покорными, чистоплотными, прилежными, внимательными к окружающим, упорными девочки более приспособлены к академической среде и как результат показывают лучшую успеваемость, чем мальчики [24].

Будучи сторонниками теоретической школы Бурдые, Бодло и Эстабле также настаивали на том, что социальное происхождение в отличие от принадлежности к определенному полу является определяющим фактором в формировании образовательных траекторий молодежи. Рассматривая дифференцированность процесса социализации мальчиков и девочек в качестве механизма репродукции социальной структуры общества, а соответственно, и существующих в ней дисбалансов. Таким образом, лучшая академическая успеваемость девочек не всегда приводит к их дальнейшему продвижению, к слову, к успешной карьере. Результаты опроса родителей, воспитывающих детей разного пола, проведенного Бодло и Эстабле, показал, что ожидания родителей, относительно будущего их детей, как правило, сильно разнятся в зависимости от пола ребенка. Для девочки часто предпочтительным является выбор

традиционно женских профессий, а для мальчиков, наоборот, – традиционно мужских [25]. Так, согласно Бодло и Эстабле, различия в образовательных траекториях молодежи являются следствием дифференцированной социализации.

Мари Дюрю-Белла, основные труды которой посвящены изучению различий академических успехов мальчиков и девочек школьного возраста, также как Бодло и Эстабле признает превосходство социо-культурного фактора (социального происхождения) над принадлежностью к тому или иному полу в объяснении образовательных неравенств. При этом Дюрю-Белла отмечает, что чем ближе жизненный этап, на котором необходимо определиться с будущей профессией, тем выше значимость переменной «пол». Исследования Дюрю-Белла подтверждают выводы, сделанные Бодло и Эстабле, о том, что родители имеют различные ожидания относительно будущего своих детей в зависимости от их пола. При этом отличия в инвестициях в образование детей разного пола остаются минимальными. Различия наблюдаются скорее во мнениях родителей о том, что «подходит» в качестве профессии мальчику или девочке. Так, для современных родителей принципиально важным является образование девочек и их карьерный рост, при этом они остаются привержены идее о том, что для женщины на первом месте дети [26]. Таким образом, социальный образ, представляемый родителями своим детям, культурный капитал детей относительно асимметричен с точки зрения пола ребенка. Именно эта асимметричность, согласно Дюрю-Белла, находит отражение в различиях в академической успеваемости. Согласно Дюрю-Белла, чем меньше наблюдается неравенств в академической успеваемости учащихся, тем меньше влияния на эти различия оказывает социальное происхождение учащихся. И наоборот, чем шире разрыв в академической успеваемости учащихся, тем более определяющим становится фактор социального происхождения последних [27]. Более того, для Дюрю-Белла различия между образовательными траекториями мальчиков и девочек не являются лишь последствием дифференцированной социализации. Если Бодло и Эстабле вовсе исключают влияние субъективных или индивидуальных логик в формировании образовательных траекторий, то Дюрю-Белла настаивает на обратном. Так, несмотря на свою академическую успеваемость по всей совокупности школьных предметов, девушки выбирают менее престижные, но соответствующие им с точки зрения их пола специальности. Иными словами, чаще всего девушки выбирают специальности, дающие им возможность самореализации как личностной, так и профессиональной.

Один из основных социальных институтов общества – школу – Дюрю-Белла рассматривает в качестве «пространства для взаимодействия» учеников, как между собой, так и с учителями. При этом отношение школьных учителей к своим ученикам, как на уроке, так и вне класса отличается в зависимости от того, к какой социальной группе (в данном случае, полу) относится учащийся. Согласно исследованиям Дюрю-Белла, также как и родители учителя имеют различные в зависимости от пола ребенка ожидания касательно успеваемости, общих способностей и будущей профессии своих учеников. Так, «очень часто учителя школы прибегают к противопоставлению мальчиков девочкам как к технике управления классом, обращаясь к характеристикам, свойственным тому или иному полу, напоминая своим ученикам о том, что они в первую очередь мальчики или девочки» [28]. Как показали исследования Дюрю-Белла, учителя школ уверены в том, что мальчики не полностью проявляют свои способности в классе, поэтому большую часть своего времени (около 2/3) они посвящают мальчикам. Что касается взаимоотношений в классе, разворачивающихся между учениками, то поведение учеников в полной степени соответствуют их половозрастным ролям. Так, «отличная успеваемость в школе рассматривается как поведение, свойственное девочкам, в то время как исклѳчение из школы по причине вѳрильного, беспокойного, конфликтного поведения или отличная успеваемость по *мужским предметам* свойственна мальчикам» [29].

Более того, в своих последних работах, посвященных изучению социальных неравенств на примере функционирования образовательных систем разных стран, Дюрю-Белла приходит к выводу, что системы школьного образования некоторых стран склонны усиливать образовательные неравенства. Используя в качестве индикаторов образовательных неравенств в международном масштабе доступность образования и различия в академической успеваемости учащихся разного пола, Дюрю-Белла делает вывод, что чем менее индустриализирована страна, тем менее существенно влияние социального происхождения на академическую успеваемость учащегося [30]. Одновременно с этим, в менее развитых странах городские и сельские местности отличаются друг от друга качеством, как предоставляемого образования, так и преподавательского состава. Таким образом, Дюрю-Белла полагает, что, в отличие от высокоиндустриальных стран мира, в государствах с более скромным уровнем развития социальное происхождение объясняет скорее меньшую степень доступности образования, нежели различия в академической успеваемости учащихся.

Таким образом, мы вычленили если не все, то основные теоретические направления, составляющие макросоциологический пласт в изучении социальных неравенств, которыми отмечены социальные практики исследуемой категории женщин. Безусловно, вклад макросоциологических теорий в развитие исследований образовательных возможностей западной молодежи трудно переоценить. Однако, с недавних пор, все большую силу набирают и микросоциологические теории, в частности символический интеракционизм и методологический индивидуализм. Сторонники этих направлений подвергают острой критике вышерассмотренные теории за то, что они не уделяют должного внимания сознательности выбора, делаемого каждым человеком в начале своего образовательного и профессионального пути.

В целом, неравенства в сфере образования изучаются в рамках социологической науки с начала 60-х годов XX столетия. Так, Джозеф Каал (1953 г., 1957 г.) и Герберт Хьюман (1953 г.) предположили, что существование образовательных неравенств, проявляющихся через отличия в академической успеваемости и уровня образования связано с тем, что каждому социальному классу присуща определенная система ценностей касательно социальной значимости образования [31]. С целью подтверждения или опровержения данной гипотезы Хьюман провел вторичное изучение существующих статистических данных касательно академической успеваемости и уровня образования выходцев из различных социальных слоев. Не вдаваясь в детали, лишь укажем, что основным результатом его исследования явилось то, что чем ниже социальное происхождение, тем меньшую ценность как социального лифта представляет собой образование. И наоборот, чем выше социальное происхождение, тем больше образование ассоциируется с материальной безопасностью, возможностью самореализации. К идентичному выводу пришел и Каал, результаты исследования которого показали, что изучая подростков и взрослых людей, принадлежащих к «среднему» (*Прим.авт.: американский средний класс*) и более низкому социальным классам можно отметить, по меньшей мере, две свойственные им особенности: волонтаризм и рационализм, а также пассивность и фатализм [32]. Объясняя причину существования различий в системах ценностей разных социальных слоев Каал и Хьюман ссылаются на понятие о *референтных группах* Мэртона, согласно которому индивиды интериоризируют образ жизни, поведения и пр. атрибуты, присущие социальной группе, т.е. референтной группе, к которой они относятся или, во всяком случае, частью которой себя представляют.

Несмотря на то, что Сюзан Келлер (1962 г.) и Мариса Заваллони (1964 г.) позиционировали свои взгляды как противоположные Каалу и Хьюман, по сути дела они сводятся к тому, что степень значимости уровня образования для индивида зависит от *социальной позиции*, занимаемой им в социальной иерархии.

Результаты перечисленных выше исследований, на наш взгляд, не были в полной мере организованы их авторами и ввиду этого их несколько сложно назвать самостоятельными теориями. Однако необходимо отметить, что именно достоинства и недостатки этих работ стали толчком для развития аналогичных исследований на микросоциологическом уровне, среди которых особенно ярко выделились методологический индивидуализм Раймона Будона и символический интеракционизм Ирвина Гоффмана.

Так, согласно Раймонду Будону, автору методологического индивидуализма, первостепенным в объяснении каких-либо социальных явлений является человек и его мотивы. Утверждая, что социальная группа, какая-либо социальная общность – понятие абстрактное, тем самым Будон настаивал на том, чтобы рассматривать любой социальный феномен как результат действий индивида, смысл которых и предстоит понять и объяснить социологу. Таким образом, индивид – исходная точка любого социологического анализа. Так, анализируя причины возникновения неравенств образовательных возможностей и развивая идеи Келлер и Заваллони, Будон приходит к мнению, что «различия в оценке рисков, издержек и преимуществ является основной причиной образовательных неравенств» [33].

Данные взгляды были оформлены Будоном в теорию, методологический индивидуализм, который, в свою очередь, представляет собой метод, применяемый в социальных науках, согласно которому коллективные явления должны быть описаны и объяснены как с точки зрения свойств и действий индивидов, так и их взаимодействий с другими индивидами [34]. Таким образом, методологический индивидуализм Будона не предполагает полную изолированность индивидов и являет собой реконструкцию мотивов действий и взаимодействий социальных акторов с целью объяснить какое-либо социальное явление. Из выше перечисленного следует:

1. Лишь индивиды могут иметь цели и интересы;
2. Социальная система и ее изменение являются результатом действия индивидов;
3. Все социальные феномены объяснимы с точки зрения индивидуальных практик.

Несмотря на то, что теория Будона вызвала большой резонанс в научных кругах американской социологической школы 70-х годов

XX столетия, в последующем она будет критиковаться феминистами за отсутствие должного внимания к женскому вопросу. В действительности, в своих трудах Будон избегает рассматривать рационализм индивидов с точки зрения их принадлежности к определенной социальной группе, будь то группа, образованная по признаку пола, либо по какому-либо иному признаку. Вызвано это как минимум двумя обстоятельствами. Если, с одной стороны, это было вызвано более высоким интересом научной общественности того времени к роли индивида в социальном воспроизводстве общества, нежели гендерных отношениях, то с другой стороны, причиной этого может стать то, что основной целью Будона являлось лишь создание схем, моделей, позволяющих понять мотивы поведения индивидов, которые, в свою очередь, являются причиной социального явления [35].

Принимая во внимание тот факт, что Будон изначально не задавался целью объяснить существование неравенств между мужчинами и женщинами, его теория оказалась весьма полезной именно в этой сфере социального знания. Несмотря на то, что в исследованиях Будона отсутствует категоризация индивидов по признаку пола, в частности отсутствует объяснение причин лучшей успеваемости девочек и их более высокий уровень образования по сравнению с представителями мужской половины человечества, опираясь на теоретические воззрения Будона, можно сделать вполне ясные выводы относительно природы этого явления. Так, следуя логике Будона можно однозначно утверждать, что он был ярким противником теории Бурдьё и Пассерона о социальной репродукции, следовательно, отрицал тот факт, что образовательные неравенства обязательным образом перерастают в социальные неравенства. На самом деле, *Репродукция* («La Reproduction», 1970 г.) Бурдьё, где школа принимает непосредственное участие в отношениях доминирования, мало объясняет причину того, что девочки имеют лучшую академическую успеваемость и более высший уровень образования, учитывая отношения доминирования, в которых мужчины явно находятся в доминирующем положении. Разумеется, лучшая успеваемость девочек может быть поставлена под вопрос ввиду того, что меньше проявляется в зависимости от степени престижности той или иной академической специальности. Тем не менее, тот факт, что девочки, выходцы из рабочего класса имеют лучшую успеваемость и более высокий уровень образования, нежели мальчики, имеющее то же социальное происхождение, ставит под сомнение способность данной теории объяснить неравенства между

мужчинами и женщинами. В то время как, теория Будона лишь находит подтверждение одному из своих основных постулатов, согласно которому преимущество девочек в плане образования не приводит их в последующем автоматически к более привилегированному положению.

Делая акцент на рациональности индивидов, Будон полагал, что она присутствует в действиях любого индивида, независимо от его пола, возраста и иным показателям. Так, действия мужчин, также как и действия женщин, могут быть восприняты как результат сделанного ими *рационального выбора*. Из этого также следует, что выбор менее престижных специальностей, более длительной академической программы, осуществляемый девушками является рациональным и имеет непосредственное отношение к оценке рисков, издержек и преимуществ предпринимаемых ими действий. Так, ввиду того, что женщины чаще, чем мужчины сталкиваются с безработицей, чаще оказываются в сфере неполной занятости и, в среднем, имеют меньшую заработную плату за труд равной ценности, выбирая наиболее популярные, пользующиеся спросом работодателей специальности девушки делают рациональный выбор.

Рациональность выбора индивидов, именно этот пункт рассуждений Будона подвергнется в последующем критике, что связано, прежде всего, с тем, что в своих исследованиях Будон не уделял должного внимания причинам, обстоятельствам, оказавшимся решающими в осуществлении индивидом выбора. Содержание основной критики заключалось в том, что если каждый индивид, согласно Будону, руководствуется в своих действиях сделанного им рационального выбора, то причины принятого решения могут быть разными в зависимости от пола индивида. Так, дальнейшие исследования в области образовательных неравенств, обусловленных процессами, происходящими в сфере образования, в частности демократизацией высшего образования, показали, что выбор профессии у молодых людей и девушек обусловлен разными причинами. Таким образом, выпускникам американских школ было предложено назвать профессию, которой они хотели бы обладать, в случае если бы на них не оказывали давления обстоятельства, и они не были ограничены в выборе, т.е. профессию-мечту и ту, что они собираются в действительности выбрать. Результаты исследования показали, что молодые люди, чаще чем девушки, в обоих случаях называют одни и те же профессии, в то время как выбор профессии-мечты для девушек часто обременен какими-либо обстоятельствами. Если быть более точными, то девушки при выборе профессии чаще,

чем молодые люди, задумываются об ее последующей совместимости с семейной жизнью и вытекающими из нее семейными обязательствами [36].

Несмотря на вышеуказанную критику, методологический индивидуализм Будона в действительности стал прорывом в социологических исследованиях микроуровня, так как впервые предоставил возможность изучения гендерно нестандартных схем образовательной и профессиональной деятельности, блестящим примером которой может быть профессия женщины-математика. И, как нам кажется, в этой связи необходимо отметить, что на Будона, как теоретика и методолога социологии, огромное влияние оказало интеракционистское течение в социологии, ярким представителем которого является Ирвин Гофман.

Позиция Гофмана относительно состоятельности макро и микросоциологических подходов в изучении социальной реальности была изложена им в книге «Порядок взаимодействия» («L'ordre de l'interaction», 1983). Так, согласно Гофману, между двумя уровнями анализа существует некое «свободное сцепление» (loose coupling), позволяющее макро уровню воздействовать на микро уровень и наоборот. При этом микро уровень социального анализа Гофман считал более автономным, способным посредством индукции объяснить социальную действительность и воздействовать на макро уровень. Так, в книге «L'Arrangement des sexes» (1977 г.) Гофман иллюстрирует то, каким образом ежедневные взаимодействия мужчин и женщин (мужчина, прикуривающий сигарету женщине, поднимающий ее багаж, пропускающий вперед в очереди, уступающий место в транспорте и пр.), т.е. микроуровень может продуцировать макро явление, такое как отношения доминирования между представителями двух полов [37].

Гофман, в отличие от упомянутых ранее теоретиков социологии, не рассматривал в своих трудах вопросы образовательных неравенств, тем не менее, значимость его трудов в изучении социальных отношений между полами представляют собой неосценимый вклад в развитие социологической науки, в особенности отрасли социологии, изучающей гендерные отношения. Основными с этой точки зрения трудами Гофмана можно назвать «L'Arrangement des sexes» (1977 г.) и «La Ritualisation de la féminité» (1976 г.), в которых он впервые охарактеризовал социальные отношения между полами как отношения власти. Именно эта идея найдет свое развитие в последующих трудах социологов феминистского толка.

В действительности, в книге «La Ritualisation de la féminité» (1976 г.) Гофман уделил внимание не только ситуациям, в которых

имело место взаимодействие индивидов, но и тому, как реклама отражает и одновременно с этим способствует формированию у индивидов понятий женском и мужском поведении. Дисимметрия в определении мужского и женского позволяет Гофману позиционировать тело в качестве основного символа женской идентичности. Таким образом, Гофман посредством анализа рекламного материала демонстрирует подчиненное, доминируемое положение женщин, представляемых в рекламе мягкими, мечтательницами, инфантильными, в то время как «высокий рост мужчины, наоборот, символизирует его доминирующий статус, ставя его в положение защитника в зависимости от социального контекста: семьянином, профессионалом, возлюбленным» [38].

Значимыми с теоретической точки зрения представляются и идеи Гофмана относительно существования классов, формируемых по признаку пола. Таким образом, разделенные на две категории с самого рождения индивиды проходят этапы социализации, дифференцированной по признаку их пола, и как следствие демонстрируют различный по характеру социальный опыт. Рассуждения о том, как незначительные, несущественные биологические различия между мужчинами и женщинами могут привести к столь значимым социальным последствиям, привели Гофмана к выводу, суть которого заключается в *институциональной рефлексивности*, иными словами, в укоренившемся в повседневной жизни влиянии социальных институтов (разделение труда по признаку пола, диморфизм в жизни любящей пары, братья и сестры, выступающие в качестве агентов социализации, деление туалетных зон и пр.) на социальные ситуации, в которых разворачивается взаимодействие индивидов [39]. Таким образом, можно увидеть как может осуществляться влияние макро уровня на микро уровень, о котором шла речь ранее.

Как уже было отмечено, в своих трудах Гофман анализировал ежедневное поведение индивидов в городской среде, так как был уверен в том, что анализируя социально незначительное с точки зрения социолога можно многое разъяснить о социальной действительности. Иными словами, согласно Гофману, ежедневные социальные отношения и взаимодействия должны стать основным предметом изучения социологии.

Не менее интересными кажутся и идеи Гофмана относительно формирования собственного «Я» или конструирования идентичности («La Mise en scène de la vie quotidienne», 1959 г.). Если, по мнению Бурдьё, идентичность формируется посредством «первичного и вторичного габитусов», то Гофман полагал, что «собственное Я»

рождается во взаимодействии. Человек, по Гофману, обладает в какой-то мере свободой действий. По аналогии с театром, он может представлять перед другими в различных образах, однако лишь до тех пор, пока они соответствуют общепризнанным правилам и нормам [40]. При этом, «собственное Я» являются совокупностью роли, исполняемой индивидом и восприятия этой роли другими. Необходимо отметить, что именно эта идея Гофмана о театральной перформативности социальных взаимодействий три десятка лет спустя позволит Джудит Батлер («Gender Trouble», 1990г.) затронуть вопрос о перформативности гендера.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что несмотря на огромный вклад как макро, так и микросоциологических теорий в развитие теоретико-методологических основ изучения гендерного неравенства, а значит и гендерной асимметрии, по отдельности они оказались неспособны объяснить причины возникновения этого социального явления. И как нам кажется, преодолеть этот недостаток позволит лишь артикуляция макро и микроуровней изучения социальной действительности.

1. *Антология гендерной теории. /Под ред. Е.Гаповой, А. Усмановой. Минск: Профили, 2000. – С.99-114.*

2. *Сексологическая энциклопедия <http://dic.academic.ru>.*

3. *Пушкарева Н.Л. Что такое гендер? // Гендерная теория и историческое знание: Материалы второй международно-практической конференции / Отв. ред. А.А.Павлов, В.А.Семенов.- Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С.12.*

4. *Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. N.Y. – L., 1990. P. 2-6 in Пушкарева Н.Л. Что такое гендер? // Гендерная теория и историческое знание: Материалы второй международно-практической конференции/ Отв. ред. А.А.Павлов, В.А.Семенов.-Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С.14.*

5. *Scott J.W. Some Reflections on Gender and Politics// Revisioning Gender. Thousand Oaks. London - New Delhi, 1999, p.72 in Т.В. Барчунова «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность.- 2002. - №5. - С.182.*

6. *Кирилина А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки.- 2000, №3.- С.27.*

7. *Штылева Л.В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 316 с. - С. 27-28.*

8. *Баскакова М.Е. Мужчины и женщины в системе образования. //Вопросы образования.- 2005. - №1.- С. 276-303.*

9. *Boudon R. L'inégalité des chances Paris : Armand Colin, 1979. – P.89.*

10. *Parsons T. Elements pour une sociologie de l'action.-Paris: Plon, 1955. – P.130.*

11. Chabaud-Rychter D., Descoutures V., Devreux A.-M., Varikas E. *Sous les sciences sociales, le genre.*-Paris: La Découverte, 2010. – P.126.
12. Millet K. *La Politique du mâle.*- Paris: Stock, 1971. – P.253.
13. Parsons T., Bales R. *Family, Socialization and interaction Process.*- Glencoe: Free Press, 1955. – P.15.
14. Boudon R. *L'inégalité des chances* Paris : Armand Colin, 1979 – P.89
15. Bourdieu P., PASSERON J. - C. *La Reproduction: éléments pour une théorie du système d'enseignement.*- Paris: Minuit, 1977 – P.17.
16. Rigaux N. *Introduction à la sociologie par sept grands auteurs.*-Bruxelles: Groupe de Boeck, 2008. – P.56-57.
17. Bourdieu P. *La Domination masculine.*- Paris: Editions du Seuil, 1998 – P.65
18. Blaske D.M. *Occupational sex-typing by kindergarten and fourth-grade children.*- *Psychological Review* n 88. – P. 795.
19. Dafflon Nouvelle A. *Filles – Garçons. Socialisation différenciée?*-Grenoble: PUG, 2006. – P.362-388.
20. Woods E., Desmarais S., Gugula S. *The impact of parenting experience on gender stereotyped toy play of children.* *Sex Roles* N 47.- P.39.
21. Dafflon Nouvelle A. *Filles – Garçons. Socialisation différenciée?*-Grenoble: PUG, 2006. – P.365.
22. Dafflon Nouvelle A. *Filles – Garçons. Socialisation différenciée?*-Grenoble: PUG, 2006. – P.368.
23. Croizet J.-C., Claire T., Dutrévis M. *Le poids des réputations dans la reproduction scolaire des inégalités sociales.* In Beauvois J.-L., Joule R.-V., Monteil J.-M. (Eds.). *Perspectives cognitives et conduites sociales.*-Rennes: PUR, 2002. – P. 370.
24. Baudelot Ch., Establet R. *Allez les filles!*-Paris: Seuil, 1986. – P. 153.
25. Baudelot Ch., Establet R. *Allez les filles!*-Paris: Seuil, 1986. – P. 153.
26. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle école pour quels rôles sociaux?* -Paris: L'Harmattan, 2004. – P.127.
27. Dubet F., Duru-Bellat M., Vérétoit A. *Les sociétés et leur école. Emprise du diplôme et cohésion sociale.* - Paris: Editions du Seuil, 2010 – P.72-73.
28. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle école pour quels rôles sociaux?* - Paris: L'Harmattan, 2004. – P.84.
29. Duru-Bellat M. *L'école des filles: quelle école pour quels rôles sociaux?*- Paris: L'Harmattan, 2004. – P.94.
30. Duru-Bellat M., Van Zanten A. *Sociologie du système éducatif. Les inégalités scolaires.*- Paris: PUF, 2009. – P.39
31. Boudon R. *L'inégalité des chances.* - Paris : Armand Colin, 1979. – P.93.
32. Boudon R. *L'inégalité des chances.* - Paris : Armand Colin, 1979. – P.93.

33. Boudon R., Bulle N., Cherkaoui M. *Ecole et Société: les paradoxes de la démocratie.* - Paris: PUF, 2001. - P. 269.
34. Le Breton D. *L'interactionnisme symbolique.* - Paris: PUF, 2004. - P.23.
35. Laufer J., Marry C., Maruani M. *Masculin-Féminin: questions pour les sciences de l'homme.* - Paris: PUF, 2001. - P.25-42.
36. Chabaud-Rychter D., Descoutures V., Devreux A.-M., Varikas E. *Sous les sciences sociales, le genre.* - Paris: La Découverte, 2010. - P.171-172.
37. Nizet J., Rigaux N. *La sociologie de Erving Goffman.* - Paris: Éditions La Découverte, 2005. - P.98.
38. Chabaud-Rychter D., Descoutures V., Devreux A.-M., Varikas E. *Sous les sciences sociales, le genre.* - Paris: La Découverte, 2010. - P.281.
39. Chabaud-Rychter D., Descoutures V., Devreux A.-M., Varikas E. *Sous les sciences sociales, le genre.* - Paris: La Découverte, 2010. - P.282.
40. Nizet J., Rigaux N. *La sociologie de Erving Goffman.* - Paris: Éditions La Découverte, 2005. - P.91.

Түйін

Автор элеуметтану ғылымында жете зерттелмеген, гендерлік асимметрия элеуметтік тенсіздіктің формасы ретінде қарастырады. Мақалада дискуссиялық мәселелерге көңіл бөлінген.

Резюме

В данной статье рассматривается мало изученная в социологии проблема гендерной асимметрии. Также большое внимание уделено дискуссионным проблемам по данной теме исследования.

Summary

The article deals with the problem of gender asymmetry as a form of social inequality, which in social science have not been studied. The article received attention and discussion questions

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ж.К. Каримова -

*докторант PhD кафедры политологии и социально-философских
дисциплин Института магистратуры и докторантуры PhD
КазНПУ имени Абая*

Математика, самая древняя, сложная и, несомненно, элитарная из наук, недоступная для женщин античности, много столетий спустя остается также наименее феминизированной. Огромная популярность данной дисциплины среди мужчин обусловлена, на наш взгляд, ее престижем, обусловленным ее широким применением в жизнедеятельности общества, а также перспективами профессионального роста, которые открывает перед ними математика в эпоху стремительно развивающихся технологий, индустриально-инновационного развития. Так, в современном обществе знание математики выступает в качестве своеобразного фильтра на рынке труда, поскольку адекватная математическая подготовка стала необходимым условием для работы в наиболее современных и престижных областях.

С чем же связано очевидное преобладание мужчин в области математической науки: с тем ли, что женщины менее талантливы и обладают менее выдающимися интеллектуальными, математическими способностями или же причины следует искать в социально-культурных механизмах, предписывающих женщинам определенные модели поведения? Этот вопрос лежит в основе сравнительных исследований познавательных способностей мужчин и женщин, которые могут быть подразделены на два основных направления: психометрические исследования половых различий в познавательных способностях и возможные биологические детерминанты этих различий; описание социально-психологических механизмов, связанных с усвоением половых ролей, свойственных для женщин и мужчин.

В рамках психометрических исследований половых различий в познавательных способностях мужчин и женщин наиболее острые дискуссии ученых вызывает вопрос о математических способностях. Так, среди учеников начальной школы, по данным психометрических исследований (Callahan & Clements, 1984; Dossey & al., 1988), различий в уровне математических способностей не обнаруживается, эти различия начинают проявляться в подростковом возрасте и

касаются в основном сложных форм математического мышления (Friedman, 1989). Это расхождение в математических способностях мальчиков и девочек, проявляющееся, главным образом, в пубертатный период, может быть либо следствием изменения гормонального фона, который влияет на подобные навыки, либо результатом усиления социальных различий между юношами и девушками. Таким образом, если одна категория исследователей рассматривает гормональные изменения в организме подростка в качестве фактора, дифференцирующего познавательные, в частности математические способности мужчин и женщин, то другая категория ученых предлагает социально-культурное обоснование данных различий.

Так, ряд авторов, приверженцев «гормональной теории», высказывают предположение, согласно которому различия в познавательных способностях юношей и девушек связаны с воздействием половых гормонов на формирование мозговых структур в пубертатный период. Ввиду того, что подобные исследования ведутся на протяжении последних 30 лет, продемонстрируем наиболее интересные, на наш взгляд, примеры объяснения различий в когнитивных способностях мужчин и женщин посредством существующих между ними биологических различий.

К слову, в 1972 г. Д.М. Броверманом было проведено исследование, с целью выявления взаимосвязи познавательных способностей с показателями гормонального уровня [1]. Однако, однозначных выводов в результате проведенного исследования сделано не было.

Иной подход к изучению гормональных факторов был предложен Р.Л. Вудфилдом [2]. Он сопоставлял выполнение женщинами тестов на пространственную способность до родов и после них, т.е. в периоды, когда наблюдаются выраженные гормональные сдвиги. Обнаружено, что в те моменты, когда у женщин резко снижался уровень эстрогенов (женских половых гормонов), заметно улучшалось выполнение пространственных тестов. В ряде исследований объектом изучения стали сдвиги познавательных способностей женщин в течение менструального цикла. Так, А.Дж. Дэн писала о снижении умственной активности в предменструальной и менструальной фазах цикла.

Оригинальную теорию предложила Д.П. Уабер. Половые различия в познавательных способностях она связывает не с полом как таковым, а с различиями в скорости созревания мужчин и женщин, которые, в свою очередь, находятся под контролем гормонов. Результат проведенного Уабер исследования показали, что вне зависимости от пола индивиды, опережающие в развитии своих

сверстников, обладают более развитыми вербальными способностями, чем пространственными, а поскольку девочки по темпам развития на два года опережают мальчиков, следует, что у них речевые навыки доминируют, над пространственными, способствующих, в свою очередь, развитию математических способностей [3].

Тот факт, что поиск биологических причин различий в познавательных способностей женщин и мужчин по сей день не теряет своей актуальности и в этой области ведется огромное количество исследований во всем мире, результаты которых крайне противоречивы, говорит о том, что научным сообществом еще не было сделано однозначных выводов касательно исключительно биологической обоснованности различий в когнитивных способностях мужчин и женщин. Более того, в результате проведенного нами контент-анализа целого ряда подобных исследований, мы склоняемся к мысли о том, что различия в познавательных способностях мужчин и женщин существуют, однако, главным образом, с характером умственных способностей, нежели с общим уровнем интеллекта. Так, последние исследования в области изучения структуры и особенностей функционирования человеческого мозга не выявили значительного влияния гормонального фона и особенностей этапов онтогенеза на когнитивные способности человека, которые могли бы быть причиной меньшей представленности женщин среди математиков [4].

Помимо авторов «гормональных» теорий половых различий познавательных способностей, есть также огромное количество ученых исследователей, выдвигающих социально-психологическое или социально-культурное обоснование меньшей представленности женщин среди математиков.

Так, специальные психологические исследования, направленные на выявление факторов, обуславливающих выявленные половые различия, показывают ведущую роль социокультурных детерминант. Более того, самые последние тенденции изучения проблем половой дифференциации связаны с развитием социально-конструктивистского подхода, в рамках которого акцент сделан не на измерении и описании гендерных различий, а на анализе процесса их конструирования. Другими словами, гендерные различия изучаются не как продукт и результат, а как процесс [5]. В частности, гендерные и женские исследования в психологии и социологии показали ведущую роль процесса социализации в формировании половых различий. Необходимо отметить, что акцент на изучении этого процесса обусловил и методы его исследования, это преимущественно

качественные, а не количественные методы, среди которых основным является анализ дискурсивных практик, как средства конструирования реальности вообще и гендера в частности.

Анализ результатов исследований, указывающих на ведущую роль гендерно-дифференцированной социализации, в частности социокультурных механизмов конструирования гендерных различий, позволил нам выделить несколько обстоятельств, обуславливающих меньшее присутствие женщин среди математиков:

- Во-первых, определенные традиции и культурные экспектации, которые в процессе взаимодействия ребенка с окружающим миром интериоризуются, участвуют в формировании гендерной идентичности и влияют в дальнейшем на его мотивацию, систему ценностей, степень уверенности в себе и пр.

- Во-вторых, родители и педагоги внушают детям представление о стереотипных половых ролях, о «мужском» и «женском» типах поведения, «мужских» и «женских» профессиях.

- В-третьих, явная и скрытая формы дискриминации женщин, которая существует в научном сообществе мешает достижениям женщин на научном поприще.

Знаменитое выражение Симон де Бовуар «Мы не рождаемся женщиной, мы ей становимся» наиболее точно отражает идею, суть которой заключается в том, что гендер является социальным конструктором. Ввиду этого, влияние традиций и культурных экспектаций, использования тела и анатомических различий между мужчинами и женщинами в качестве символических инструментов гендерной демаркации на формирование гендерной идентичности требует более пристального внимания.

К слову, антропологические исследования «примитивных» обществ выявили существование, главным образом, трех обычаев, участвующих в конструировании гендерной идентичности: церемония инициации, отлучение мальчиков от матери и разделение пространства на мужское и женское.

Как правило, отлучение сына от матери осуществлялось с целью эмансипирования мальчиков от влияния, опеки матери, для приобретения им навыков, обладание которыми ассоциировалось с мужественностью (добыча пищи, самозащита и пр.). Подобный обычай практиковался и в западных странах Средневековья, когда сыновья рыцарей в раннем возрасте (8 лет) покидали отчий дом за тем, чтобы не испытывать на себе сильного влияния матери: «Они были отделены от матери, сестер, всех родственников женского пола, с которыми он до тех пор жил и к которым был привязан и резко перемещены в другой мир, с их кавалькадами, конюшнями,

оружейными складами, охотой, засадами и мужскими шалостями» [6]. Детей английских дворян также рано отделяли от матерей и отправляли в специальные школы.

Если обычай отлучения ребенка от матери имел отношение, главным образом, к мальчикам, то церемонии инициации в этих обществах должны были пройти как мальчики, так и девочки. Многочисленные исследования зафиксировали насильственные методы инициации, такие как рассечение губ, мочек ушей, прокалывание различных частей тела и иные манипуляции над телом человека, практикуемые в некоторых общностях по сей день. Более того, как отмечает Табэ, процесс инициации девочек чаще отмечен необратимыми травматическими последствиями (зашивание половых губ, вырезание клитора и пр.) [7].

Наряду с обычаями отлучения и инициации, в некоторых обществах также практикуется разделение или демаркация жизненного пространства на мужское и женское. Так, существуют два отделенных друг от друга по признаку пола проживающих в нем людей пространства, как в случае с описанным Гербертом Мидом мужским домом Чамбули, пространством, запрещенным для женщин.

Несмотря на то, что подобного рода обычай уже не встречаются в современных развитых странах, их множественные видоизмененные формы можно наблюдать в повседневной жизни современных стран. Так, в качестве примера разделения пространства на мужское и женское может привести, общественный транспорт в Тегеране, в котором посадка пассажиров женского пола осуществляется с задней двери, а посадка мужчин – с передней. Примером этому может послужить также разделение мужских и женских туалетных и гардеробных зон в общественных местах.

Способом гендерной демаркации мужского и женского также может послужить и одежда, которую мы носим. Согласно Фишер, различия в одежде мальчиков и девочек стали появляться в конце XVIII в., в то время как преобладание розового цвета в одежде девочек и голубого цвета в одежде мальчиков стало наблюдаться с конца XIX столетия [8]. Внешние отличия в одежде способствуют самоидентификации ребенка как мальчика или девочки. Однако, представления о гендерной идентичности ребенка передаются ему не через цвет, длину и иные характеристики его одежды, а через отношение взрослого человека к ребенку, пол которого он идентифицирует по его одежде [9]. Несмотря на то, что в последнее время все чаще можно встретить одежду, предназначенную для обоих полов, так называемую одежду «unisex» (футболки, кеды, джинсы, кепки и пр.), необходимо отметить, что за основу в создании

такой одежды берутся, как правило, мужские образцы одежды. Таков далеко неполный круг способов конструирования гендерной идентичности посредством традиций, культурных экспектаций.

Огромную роль в формировании гендерной идентичности, в частности представлений о мужском и женских моделях поведения и профессиях, играют институты образования и семьи.

Таким образом, семья, как правило, является местом, в котором ребенок формирует свои первые представления о различиях между представителями обоих полов. Процесс гендерной социализации и формирование гендерной идентичности начинаются с самого рождения. Так, родители с рождения по-разному относятся к мальчикам и девочкам, к ним предъявляются разные ожидания, они получают разные игрушки, им рекомендуются разные виды спортивной активности, развлечений, в результате чего дети приобретают разный опыт.

Установлено, что дифференцированная социализация способствует, посредством игр и игрушек, развитию разных по характеру социо-когнитивных способностей у детей разного пола [10]. Так, игрушки и игры для мальчиков в большей степени поощряют развитие независимости и исследовательского подхода к решению задач, лучшее понимание пространственных отношений. В то время, как игры и игрушки для девочек способствуют развитию у них вербальных способностей, навыков межличностного общения. Согласно Бружеру, «место игрушки, само ее существование, форма, которую мы ей придаем...зависит от места ребенка в обществе...Игрушка является отражением нашего мира, и мы чаще чем сами дети задумываемся об этом, отбирая игрушки наиболее реалистично отражающие эпоху» [11]. Таким образом, игрушка представляет собой нечто иное, как отражение общества и существующего в нем порядка, в том числе и гендерного. Посредством игрушки ребенок вступает в контакт с окружающим его миром, интериоризирует демонстрируемые его окружением представления о мужском и женском поведении, профессиях и пр. К слову, Дамам констатирует, что игрушки предлагаемые детям в зависимости от их пола не меняются на протяжении последнего столетия. С начала прошлого века мы предлагаем мальчикам в качестве игрушек транспортные средства, вроде велосипедов, машин на педалях, лодок и самолетов, в то время как девочки получают в качестве игрушек куклы, и все что с ними связано, игрушечную мебель, одежды и пр. [12]. Таким образом, предлагаемые детям игрушки отражают систему разделения труда между родителями, ассоциируя мужчин с внешним окружением и женщин с внутренним

миром. Иными словами, гендерная социализация, наряду с остальным, проявляется в виде репродукции родительских, следовательно, мужских и женских ролей посредством предлагаемых детям игрушек.

Исследования Вуд показали, что предпочтение определенных игрушек у мальчиков и девочек начинают проявляться в возрасте 20 месяцев. До этого момента, дети не проводят различий между игрушками, предназначенными для мальчиков и теми, что рассматриваются, как правило, «девчачьими». Таким образом, Вуд приходит к выводу, что интерес к соответствующим своему полу игрушкам является вовсе не врожденным, а скорее социально обусловленным [13]. Более того, наблюдения Белотти детей в яслях, показали, что в случае, если детям предоставляется свободный выбор игрушек, в возрасте до трех лет дети, независимо от пола, предпочитают играть с маленькими машинками и поездами. Позже, как замечает Белотти, дети предпочитают играть с предлагаемыми им игрушками, либо с запрещенными игрушками [14]. В рамках нескольких зарубежных исследований процесса дифференцированной по признаку пола социализации посредством предлагаемых детям игрушек также были сделаны выводы, согласно которым родители, в отличие от других взрослых предпочитают не обосновывать выбор игрушки для ребенка его полом [15].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что, игрушки, предлагаемые мальчикам и девочкам, способствуют развитию у них различных по характеру способностей, что в целом, никак не сказывается на математических способностях мальчиков и девочек. Игрушки, несмотря на некоторое улучшение ситуации в последнее время, связанное с появлением игрушек, предназначенных для детей обоих полов, на наш взгляд, по-прежнему остаются основным транзиттером представлений о социальных ролях мужчин и женщин в обществе, которые по сей день отличаются достаточно выраженной полярностью.

Большой интерес представляет, наряду с предлагаемыми детям игрушками, анализ детской литературы, так как образы мужчин и женщин, мальчиков и девочек, представленных в детских рассказах, также способствуют формированию у них представлений о гендерных ролях. За последнее столетие был проведен целый ряд количественных и качественных исследований детской литературы. Если количественные исследования детской литературы (St. Peter, 1979; Grauerholz & Pescosolido, 1989; Kortenhuis & Demarest, 1993; Crabb &

Bielawski, 1994; Tognoli, Pullen & Liber, 1994; Dafflon Novelle, 2002¹) анализируя огромное количество детских книг (от 150 до 2000), делали акцент на количестве персонажей обоих полов, их образов, иллюстрируемых на внешней обложке и внутренних страницах детской книги, важности ролей, выполняемых персонажами женского и мужского пола и др. показателях, то вторая категория исследователей степени гендерной стереотипизации детской литературы (Weitzman, Eifler, Hokada & Ross, 1972; Kolbe & La Voie, 1981; Collins, Ingoldsby & Dellmann, 1984; Heintz, 1987; McDonald, 1989; Oskamp, Kaufman & Wolterbeek, 1996; Turner-Bowker, 1996²) на основе анализа гораздо меньшего количества детских книг (от 14 до 41) старались выявить более широкий круг характеристик, свойственных наиболее популярной детской литературе среди детей в возрасте от 0 до 9 лет. В действительности, большая часть авторов качественных исследований обращалась к трехмерному анализу стереотипизации гендерных различий по принципу: внешний – внутренний, частный – публичный, пассивный – активный. Так, девочки и женщины – персонажи детских книг – фигурировали чаще во внутреннем, нежели внешнем пространстве, чаще в частной, нежели публичной сфере, демонстрируя чаще пассивность, нежели активность. К слову, согласно Даффлон Новель, спектр женских профессий в детской литературе часто очень ограничен и сводится, главным образом, к профессиям учителя, медицинского персонала,

---

¹ St. Peter S. Jack went up the hill...but where was Jill? // *Psychology of Women Quarterly*, 1979, 4, P.256-260.

Grauerholz E. & Pescosolido B.A. Gender representation in children's literature: 1900-1984 // *Gender and Society*, 1989.3. - P.113-125.

Kortenhaus C.M. & Demarest J. Gender role stereotyping in children's literature: An update.// *Sex roles*, 1993, 28. P.219-232.

Crabb P.B. & Bielawski D. The social representation of material culture and gender in children's books.// *Sex roles*, 1994. 30. - 69-79.

Tognoli J., Pullen J. & Liber J. The privilege of place: Domestic and work locations of characters in children's books.// *Children's Environments*, 1994, 11. - P.272-280.

Dafflon Novelle A. La littérature enfantine francophone publiée en 1997. Inventaire des héros et des héroïnes proposés aux enfants.// *Revue Suisse des Sciences de l'Éducation*, 2002, 24 (2). - P. 309-326.

² Weitzman L.J., Eifler D., Hokada E. & Ross C. Sex-role socialization in picture books for preschool children.// *American Journal of Sociology*, 1972, 77. -P.1125-1150.

Kolbe R. & La Voie J.C. Sex-role stereotyping in preschool children's picture books.// *Social Psychology Quarterly*, 1981, 44. - P. 369-374.

Collins L.J., Ingoldsby B.B. & Dellmann M.M. Sex-role stereotyping in children's literature: A change from the past.// *Childhood Education*, 1984, 60. - P. 278-285.

Heintz K.E. An examination of sex and occupational-role presentations of female characters in children's picture books. // *Women's Studies in Communication*, 1987, 10..- P. 67-78.

McDonald S.M. Sex bias in the representation of male and female characters in children's picture books // *Journal of Genetic Psychology*, 1989, 150. - P.389-401.

Oskamp S., Kaufman K. & Wolterbeek L.A. Gender role portrayals in preschool picture books // *Journal of social behavior and personality*, 1996, 11. - P.27-39.

Turner-Bowker D. Gender stereotyped descriptors in children's picture books: does "curious Jane" exist in the literature? // *Sex Roles*, 1996, 35. - P.461-488.

продавца. Женщина в детских книгах весьма редко обладает определенной профессией, и чаще выполняет роль матери или сестры, в то время как мужчины в детских книгах имеют четко обозначенную и часто привлекательную с точки зрения ребенка профессию, и одновременно с этим, выполняет определенные семейные обязанности [16].

Более того, по результатам количественных исследований детской литературы, детские книги, главным персонажем в которой является мальчик, мужчина или существо мужского рода встречаются в два раза чаще тех, в которых фигурирует героиня. Имена героев чаще фигурируют в названиях книг, и они чаще изображаются на обложках. Согласно Даффлон Новель, в 1997 г. количественная асимметрия двух полов достигла своего апогея в антропоморфических историях¹, предназначенных для детей в возрасте от 0 до 3 лет, в которых герой (существо мужского рода) фигурировал в 10 раз чаще, чем героиня [17].

Весьма интересные результаты были получены Эштон, согласно которым детская литература оказывает влияние на конформность детей по отношению традиционным ролям, приписываемым каждому полу. Так, было выявлено, что дети в возрасте 2-5 лет чаще выбирают игрушки, соответствующие их полу, после прослушивания или прочтения ими гендерно стереотипизированного детского рассказа, в то время как нейтральный с точки зрения гендерных стереотипов детский рассказ побуждает детей к выбору нейтральных игрушек [18].

В целом, стереотипизация гендерных ролей в детской литературе не может не иметь последствий. Если учесть, что понимание того, что пол человека определяется биологически, появляется у детей в возрасте лишь 5-7-лет, то становится ясно, что для детей более раннего возраста различия между представителями разных полов заключаются в их внешнем виде, поведении, образе жизни, представления о которых формируются, в том числе, и посредством детской литературы.

Начиная со школьного возраста, спектр интересов ребенка возрастает и на смену игрушкам и детской литературе отчасти приходят, различные увлечения, хобби, виды спортивной активности [19]. Так, выяснилось, что дозволяемые родителями развлечения для детей варьируют в зависимости от пола ребенка. Сфера развлечений девочки чаще контролируется со стороны родителей, подталкиваются ими выбору развлечений в виде чтения, походов в кинотеатр. В то

¹ Антропоморфические истории – детские истории, в которых основному персонажу присваивается, как правило, внешний образ какого-нибудь животного и человеческий образ поведения, образ жизни.

время как мальчикам предоставляется большая свобода в выборе развлечений (видео игры, просмотр телевизора, картин и т.д.) и хобби. Таким образом, если у девочек взаимоотношения с родителями часто складываются по типу гипер-опеки, что препятствует развитию лобознательности и самостоятельности, то в силу большей отдаленности от родителей мальчикам приходится сталкиваться с более широким кругом жизненных явлений, стимулирующих в итоге их познавательную активность.

Еще большие различия наблюдаются в предпочитаемых мальчиками и девочками, или рекомендуемыми им родителями видами спортивной деятельности. История спорта свидетельствует о том, что спортивная деятельность изначально являлась прерогативой мужчин. Даже танец, как вид культурной деятельности, исполнялся, главным образом, военными и священнослужителями (ритуальные танцы). Олимпийские игры, с момента их учреждения в период Античности и вплоть до начала XX столетия были недоступны для женщин. Первой в истории женщиной, участвовавшей в Олимпийских играх, а также первой олимпийской чемпионкой стала в 1900 г. швейцарская графиня американского происхождения, яхтсменка Элен де Пурталес (фр. *Hélène de Pourtalès*). С рождением современных видов спорта количество женщин, занимающихся любительским и профессиональным видами спорта, возросло. Тем не менее, по сей день юноши чаще, чем девушки, занимаются спортом. Так, в возрасте 18 лет 60% юношей занимаются каким-либо видом спорта, против одной трети девушек, занимающихся спортивной деятельностью [20]. Более того, мальчики и девочки предпочитают разные виды спорта. Если мальчики чаще выбирают групповые виды спорта (футбол, баскетбол), где ярко выражен дух соперничества, то девочки практикуют индивидуальные виды спорта (одиночное фигурное катание, художественная гимнастика) [21]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что если участие мальчиков в коллективных видах спортивной деятельности формирует у них дух соперничества и навыки конкурентирования, то одиночные виды спорта, часто предпочитаемые девочками и предписываемые им, требуют от девочек исполнительности, ответственности, старательности.

Таким образом, мы продемонстрировали то, каким образом традиции и культурные экспектации, которые интериоризируются ребенком в процессе его взаимодействия с окружающим миром посредством игрушек, детской литературы, развлечений, спортивных

видов деятельности, участвуют в формировании гендерной идентичности, в том числе и гендерных различий в способностях детей разного пола.

Преобладание мужчин в сфере математической науки, также может быть обусловлено различиями в представлениях мальчиков и девочек о стереотипных половых ролях, о «мужском» и «женском» типах поведения, «мужских» и «женских» профессиях, внушаемых им родителями и педагогами. Так, выясняется, что отношение родителей к ребенку варьирует в зависимости от его пола. Например, выяснилось, что отношение родителей по отношению к дочери отличается большей эмоциональностью. К слову, стало известно, что в течение первого года жизни при общении матери с дочерью мимика, жесты матери отмечены большим разнообразием выражаемых эмоций. В результате, в возрасте года девочки чаще, чем мальчики, проявляют свою эмоциональность [22]. Родители чаще говорят об эмоциях с девочками, объясняя им важность проявления внимания к окружающим, в то время как мальчики чаще поощряются к автономности и независимости [23].

Исследования Першерон в 1985 г. выявили, что девочки в три раза чаще участвуют в домашних делах (уборка, покупка продуктов и пр.) [24]. Оказалось, что матери проявляют большую требовательность к девочкам не только в плане помощи по дому, но и относительно соблюдения чистоты, порядка, правил питания, сервировки стола и др. Одновременно этим, стало известно, что отцы больше времени проводят с мальчиками, чаще стимулируют развитие у них познавательных способностей [25].

Варьируют в зависимости от пола и ожидания родителей в отношении образования и будущей профессии ребенка. Так, согласно Дюрю-Белла и Жарус, ожидания родителей в отношении будущей профессии мальчиков отличаются большей амбициозностью. Они чаще контролируют домашнее задание сына, нежели дочери и больше внимания уделяют выбору профессии для юноши, нежели для девочки. Более того, родители чаще стимулируют развитие у мальчиков веры в себя и собственные силы, в то время как в отношении девочек поощряется конформное поведение, что, в свою очередь, способствует их большей адаптации к школьной культуре [26].

По результатам некоторых исследований, девушкам недостает уверенности в своих математических способностях, и они не

рассчитывают на успех в этой области. Так, Эклз на примере своего исследования в 1989 г. продемонстрировала, как уверенность женщин в своих математических способностях снижается начиная с возраста 12-13 лет, и сохраняется в дальнейшем. Эклз и ее коллеги также обнаружили, что из-за гендерных различий в восприятии своих академических способностей мужчины и женщины выбирают различные академические программы и стремятся к различным родам деятельности [27]. На наш взгляд, возможную причину низкой самооценки женщин касательно своих математических способностей следует искать в ожиданиях и поддержке со стороны родителей и учителей. Так, Парсонс и другие авторы обнаружили, что поддержка родителей и их вера в способности ребенка оказывает сильное влияние на веру ребенка в свои собственные способности и в конечном счете на те дисциплины, которые он выберет для изучения. Данные исследований свидетельствуют о том, что родители предпочитают относить успехи дочери в математике за счет их старательности, а не способностей. Что касается сыновей, то отношение родителей к успехам сына в математике кардинально отличается от того, что они демонстрируют касательно успехов дочери. Исследователи отмечают, что восприятие родителей все равно остается гендерно-дифференцированным, даже если их сыновья и дочери одинаково хорошо учатся и одинаково выполняют стандартные тесты [28]. Подобные родительские ожидания и атрибуции влияют на самовосприятие ребенка и с большой вероятностью оказываются причиной того, что девочки впоследствии стараются избегать «мужских» занятий, в данном случае — математики и науки вообще. В то время как одобрение и поддержка со стороны родителей, может оказать положительное влияние на дальнейшее развитие математических способностей у девочек и как следствие, на выбор ими этой дисциплины в качестве профессии.

Приведем пример из жизни профессора женщины-математики Франции. Ее воспоминание: *Будучи совсем маленькой, у меня проявлялся интерес к математике. Я помню, например, как была заворожена графическим изображением теоремы Пифагора, увиденной мной в энциклопедии. Однако это было не единственным моим увлечением. Жадная до чтения, я видела себя человеком интеллектуального труда, смесью математика и литератора. Моя мать, которая была медиком, и мой отец, специализированный работник страхового агентства и писатель-любитель, верили в мои*

математические способности...(Женщина-математик, Профессор, Франция).

...Déjà toute petite, j'avais un intérêt pour les mathématiques. Je me souviens par exemple avoir été fascinée par une démonstration graphique du théorème de Pythagore vue dans une encyclopédie. Ce n'était pas mon seul centre d'intérêt. Avidе de lectures, je me voyais intellectuelle, mélange de matheuse et de littéraire. Ma mère médecin et mon père cadre dans une compagnie d'assurance, mais surtout écrivain amateur, croyaient en mes capacités en math...(Femme-mathématicienne, Professeuse, France).

Неравномерное распределение родительских обязанностей или так называемых родительских инвестиций, под которыми подразумевается главным образом время, затрачиваемое каждым родителем на ребенка, также оказывает влияния на формирование у детей представлений о социальных ролях женщин и мужчин. В результате нескольких исследований было выявлено, что мужчины все чаще изъявляют желание и принимают непосредственное участие в жизни семьи. Так, по результатам опроса, проведенного в 2003 г. Меда, треть респондентов мужчин заявили о сокращении рабочего времени в связи с появлением в семье ребенка, что до этого было уделом женщин [29]. Одновременно с этим, в 2006 г. лишь 37% респондентов заявили, что с рождением ребенка, матери пришлось прервать трудовую деятельность (против 47% в 2000 г.); 54% анкетированных мужчин заявили о необходимости приведения в соответствие рабочего времени мужчины-отца с рабочим временем женщины-матери; 20% мужчин заявили о готовности прервать трудовую деятельность хотя бы на три года в связи с рождением ребенка и сопряженными с этим родительскими обязательствами [30].

Несмотря на все возрастающее желание отцов уделять больше времени воспитанию детей, на сегодняшний день основная нагрузка по уходу за детьми и их воспитанию ложится на плечи женщины-матери. К слову, выяснилось, что доля мужчин, получающие отпуск по уходу за ребенком¹, остается по сей день незначительной: 2% мужчин во Франции, 5% – в Ирландии, 2% – в Австрии, 1,5% – в Испании [31], а в Казахстане почти нет. Более того, по результатам исследования Д. Бауер, в 2007г. семьи, где основная ответственность за образование детей возлагается на мать, составили 57%, в то время

как равномерное разделение родительских обязанностей в плане образования детей наблюдалось в 30% случаев, и лишь 13% составили семьи, где ответственность за образование детей возложена на отца [32]. Более того, исследования 1999 г. Свидетельствую о том, что женщины затрачивают больше времени на выполнение родительских обязанностей, нежели мужчины. Так, по оценке Бира и Пфедеркорна, отцы и матери, с нормальной продолжительностью рабочего времени¹, в среднем затрачивают разное количество времени на выполнение родительских обязанностей. Если «родительское время» у отцов в среднем составляет 12 часов 40 минут в неделю, то женщины, имеющие детей, затрачивают в среднем 21 час 10 минут времени в неделю на выполнение родительских обязанностей [33].

Очевидное доминирование матери в воспитании детей оказывает влияние на формировании у детей представлений о непропорциональных мужских и женских ролях не только в семье, но и за ее пределами, главным образом в сфере трудовой деятельности. Так, исследование Бира и Пфедеркорна выявило, что молодые люди, желающие «подработать» в свободное от учебы время выбирают сферы экономической активности, соответствующих предписываемым им гендерным ролям. Так, если девушки чаще выбирают в виде «подработки» baby-sitting, работу официантки, продавца и т.д., то юноши предпочитают «подзарабатывать» оказанием различных видов мелких услуг (программист, работник сервиса мойки автомашин и пр.) [34].

Одновременно с этим, было выявлено, что профессия матери часто оказывает непосредственное влияние на выбор профессии у девочек, создавая порой эффект «снежного кома». К слову, согласно К.Мэри, женщины, выбравшие профессии в области механики и электроэнергетики, росли в окружении матери и/или бабушки, занимавшихся нетипичными для женщин видами деятельности (мастерские работы, спортивная активность, научная деятельность и т.д.) [35]. Более того, выяснилось, что наличие у матери непосредственного отношения к научной деятельности, в частности в области точных наук, увеличивает шансы дочерей выбрать естественнонаучное направление, в том числе и математическую дисциплину, на уровне высшего образования. Так, Ферран, Имбер и

---

¹ Согласно трудовому законодательству Французской Республики и Республики Казахстан, нормальная продолжительность рабочего времени не должна превышать 40 часов в неделю в Казахстане и 35 часов в неделю во Франции.

Мэри констатируют, что в близком окружении 54% девушек, учащихся Высших нормальных школ в области точных наук и 66% девушек, учащихся Высших политехнических школ, главным образом среди родственников по восходящей линии, находилось как минимум одна женщина-ученый в области естественных наук [36]. Таким образом, наличие в окружении девушек своего рода образца в виде женщины-ученого становится значимым фактором, представляющим им возможность посредством проецирования увидеть себя в ином будущем, выходящем за рамки предписанных им социальных ролей. Приведем отрывки из интервью, иллюстрирующих данное утверждение:

...Я бы не стала говорить о призвании: так как я родилась в семье преподавателей математики, моя склонность к математике была естественной. Моя семья насчитывала несколько преподавателей математики: моя мать и два ее брата преподавали математику в лицее... (Женщина-математик, Профессор в университете, Франция).

...Je ne parlerai pas de vocation: étant née dans un milieu de professeurs de mathématiques, j'ai eu une inclination naturelle pour cette discipline. Ma famille comptait plusieurs enseignants de mathématiques: ma mère et ses deux frères professaient cette matière au lycée.... (Femme-mathématicienne, Professeuse à l'Université, France).

Помимо института семьи, система образования также устроена таким образом, что она невольно отталкивает девочек от занятий естественнонаучными и техническими дисциплинами. Формированию стереотипных половых ролей способствует, главным образом, дифференцированное отношение преподавателей к учащимся разного пола практически на всех уровнях образования. В целом ряде исследований Двек и ее коллеги показали, мальчики гораздо чаще, чем девочки, удостоиваются похвалы учителей. По мнению исследованных учителей, успехи мальчиков являются следствием хороших способностей, а ошибки, допущенные мальчиками, они предпочитают объяснять в основном различными преходящими факторами, например недостаточным старанием [37]. Такие атрибуции снижают уверенность девочек в своих академических способностях.

Парсонс и его коллеги сравнили классы, в которых ожидания учителей касательно математических успехов мальчиков и девочек

складывались в пользу мальчиков, с теми, где ожидания учителей были нейтральны по отношению ко всем ученикам, независимо от их половых различий. В результате, исследователи обнаружили, что в классах, где не было разницы в ожиданиях, девочки более активно взаимодействовали с учителем и чаще получали от него похвалу. Обратная ситуация наблюдалась в классах, где от мальчиков заранее ожидали больших успехов, чем от девочек: они получали больше похвалы, индивидуальных объяснений и поощрений, чем девочки [38]. Таким образом, выяснилось, что положительное влияние учителя, выражающееся в нейтральности его отношений с учениками, независимо от их половой принадлежности, и в поддержке наиболее способных учеников в большей степени способствует успехам девочек в области математики. Об этом свидетельствует и следующий отрывок из интервью:

...Годы обучения в лицее были замечательными. Просыпаться утром, чтобы идти на занятия было настоящим счастьем. В первом классе (выпускной класс) нужно было выбрать между тремя направлениями терминала: философией, экспериментальными науками и элементарной математикой. Выбор был сложным, так как все три направления могли мне подойти. С одной стороны, мне удавалась литература, с другой стороны зачарованная процессами мышления, я думала заняться психиатрией, что в те времена не было доступно для девочек. Была также музыка, интерес к которой появился очень рано, и о наличии способностях в которой мне говорили. Но это также было недопустимо: сначала нужно было обеспечить себя более солидной профессией, а потом посмотрим. Для моих родителей было очевидным, что мое предназначение – это преподавание. Они были учителями в школе, я должна стать профессором. В какой области? По математике нас было несколько талантливых учеников, из которых трое – девочки. Так как, в те времена женщин-профессоров математики было еще меньше, чем сейчас, и М.Леру подталкивал нас, трех успешных в математике девочек, к выбору элементарной математики, эта стала элементарная математика (выбранная специальность).... (Женщина, профессор математики, Франция).

...Les années de lycée ont été passionnantes. Se lever le matin pour aller en classe était un vrai bonheur. En première, il a fallu choisir entre trois filières pour la terminale: philosophie, sciences expérimentales, mathématiques élémentaires. Choix difficile, car les trois m'auraient

convenu. D'une part la littérature me réussissait; d'autre part, passionnée par les processus de la pensée, j'avais même imaginé me diriger vers la psychiatrie; mais à l'époque, pas question pour une fille. Il y avait aussi la musique, commencée très tôt, où l'on me disait douée. Mais là encore, pas question: il fallait s'assurer un métier solide et, plus tard, on verrait. Pour mes parents, il était évident que j'étais destinée à l'enseignement. Ils étaient instituteurs, je serai professeur. De quoi? En mathématiques, nous étions quelques très bons élèves, dont trois filles; et étant donné que les professeurs de mathématiques de sexe féminin étaient, à l'époque, plus rares qu'ailleurs, et que M.Leroux poussait fermement les trois filles «bonnes en math» à faire «math élém», ce fut «math élém»....(Femme, professeuse des mathématiques, France)

Второй пример, отрывок из другого интервью:

...Одна встреча все изменила. Мадам X, математик, к сожалению рано ушедшая от нас, обнаружила и предсказала мне мое будущее в сфере исследований. Для нее было очевидным, что я стану исследователем в области математики. И так как это для нее было очевидным, так оно и должно было случиться... Именно ее поощрения подтолкнули меня к решению «заняться математикой»... (Женщина-математик, преподаватель-исследователь, Франция).

...Une rencontre changea tout: Mme X, mathématicienne, malheureusement disparue trop jeune, me répéra et me prédit un avenir dans la recherche. Pour elle, cela semblait évident que j'allais devenir chercheuse en mathématiques. Et si cela lui semblait évident, cela devait l'être...Ce sont ces encouragements qui m'ont décidé à «entrer en mathématiques»... (Femme-mathématicienne, enseignante-chercheuse, France).

Даже когда женщины проявляют блестящие способности в математике, посещают тот же объем лекций по математике, что и мужчины, их преподаватели и классные наставники реже рекомендуют им продолжать занятия наукой в областях, смежных с математикой. Приведем в качестве иллюстрации опыт одной из женщин-математиков, профессора в университете Франции:

...Они (девушки) даже не осмеливаются (речь идет о позиции преподавателя в вузе), потому что на уровне среднего образования, в лицее, колледже, мы не агитируем девочек. Мы говорим им: «Этого вполне достаточно!». Даже если они очень-очень успешны в лицее (об академической успеваемости по математике) и имеют лучшие

результаты, чем мальчики. Мы им говорим: «Это не для тебя!», «Зарабатывать будет твой муж...»... (Женщина-математик, Профессор в университете, Франция).

...Mais elles n'osent pas aussi (il s'agit d'une position de l'enseignante du supérieur), parce que dans l'enseignement secondaire, au lycée, au collège on n'encourage pas les filles. On les dit: «c'est bien suffisant!». Même alors qu'elles sont très-très bonnes au lycée. Et les filles ont des meilleurs résultats que les garçons. Mais on leur dit: «C'est pas la peine pour toi!», «C'est ton mari qui va gagner de l'argent»... (Femme-mathématicienne, Professeur à l'Université, France).

Продемонстрированные нами в статье отрывки интервью также свидетельствуют о том, что недоброжелательное отношение преподавателей по отношению к девочкам проявляется практически на всех уровнях образования. Недоброжелательностью отличается и отношение научного сообщества математиков в отношении женщин-преподавателей математики. Ввиду того, что примеры этого явления были проиллюстрированы ранее, далее мы предпримем попытки выявить скрытую форму дискриминации женщин, существующей в научном сообществе и препятствующей достижениям женщин на научном поприще.

Результаты проведенных нами интервью с женщинами-математиками показали, что девушки, как правило, склонны выбирать менее актуальные научные темы в рамках своего высшего математического образования. Иными словами, девушки при выборе темы исследования предпочитают менее престижные направления математической дисциплины. Так, они чаще отдают предпочтение прикладной математике, нежели теоретической (чистой). По подсчетам Бернара Зарка, если процентное соотношение мужчин и женщин в области теоретической математики составляет 74% и 65% соответственно, то в области прикладной математики женщин гораздо меньше, чем мужчин (31% женщин против 67% мужчин) [39]. Выбор девушек не обладающей определенным престижем области изучения в рамках математической дисциплины, обуславливает, на наш взгляд, наличие меньшего признания успехов женщин со стороны научного сообщества. Более того, тот факт опрошенные женщины-математики достаточно часто отмечали в своих интервью, что девушки чаще всего выбирают наименее актуальные темы для исследования является, на наш взгляд, следствием их маргинализации в университетской среде и приводит к меньшей рентабельности их исследовательской деятельности в

рамках университетского образования. Иными словами, выбор менее актуальной темы исследования оказывается очередным препятствием для их перехода на следующий уровень математического образования, так как, к слову, актуальность исследуемой темы является одним из определяющих факторов, влияющих на зачисление магистратуру и докторантуру. Приведем следующие отрывки из проведенных нами интервью, свидетельствующих о том, что женщины выбирают в качестве темы научного исследования наименее престижные направления математической науки:

...Очень быстро стало ясно, что я не буду заниматься алгеброй. Не только потому, что мне это было ненужно, но и потому что я ничего в ней не понимала (и я до сих пор в ней ничего не смыслю). В итоге, мне нравился анализ, и я испытывала некий интерес к вероятностям. На второй год, я уже посещала занятия по вероятностям, которые мне очень нравились. Это были скорее практические занятия: изучались практически применимые вероятности, но теория была сведена к минимуму. В то время, вероятности воспринимались достаточно плохо. Они имели скорее прикладной характер и не считались достойными «гениальных» математиков Высшей нормальной школы на улице Ульм. Это было хорошо скорее для девушек... Тем не мене, будучи совершенно новым, это направление очаровало меня... (Женщина-математик, профессор, Франция).

...Très vite, il devint clair que je ne ferais pas d'algèbre. Non seulement la matière ne me motivait pas beaucoup, mais encore je n'y comprenais rien (et j'en comprends d'ailleurs toujours rien). En revanche, l'analyse me plaisait et je sentais une certaine affinité avec les probabilités. En seconde année, j'avais déjà suivi un cours de probabilités qui m'avait bien plu. C'était un cour assez opérationnel : il traitait des probabilités utiles, mais la théorie était réduite au minimum...A l'époque, les probabilités étaient assez mal vues. Elles avaient une connotation appliquée qui n'était pas digne des mathématiciens «généiaux» de l'ENS de la rue d'Ulm. C'était bon pour les filles...Pourtant, ce domaine en pleine naissance était passionnant... (Femme-mathématicienne, professeur, France).

Другой пример. Среди молодых математиков нормальной школы (Высшая нормальная школа Парижа) того времени были, с одной стороны, юноши с улицы Ульм (Высшая нормальная школа

Парижа, расположенная на улице Ульм) и, с другой стороны, девушки из Высшей нормальной школы для девушек. Эти две школы были объединены в 1986г. В общем, сейчас все это в прошлом, превратилось в историю. Мальчики с Высшей нормальной школы на улице Ульм с большим пренебрежением относились к девочкам, и я была мушкой на стене, не представлявшей для них никакой важности. В частности, Высшая нормальная школа на улице Ульм была местом собрания «бурбакистов¹». Таким образом, с точки зрения Высшей нормальной школы на улице Ульм было лишь одно направление математики, которым стоило заниматься – это математика «бурбакистов». Т.е. нужно было заниматься геометрией, алгеброй или сложными переменными или я не знаю чем. Вероятности были ничем (дословно «какой»), количественный анализ был ничем... И так как геометрия и алгебра меня совсем не привлекали, меня привлекала идея заняться настоящей наукой и ей стала прикладная математика. Я намеренно выбрала направление в математике, которое имело в некоторой степени плохую репутацию, так как я думала о взаимодействии науки с обществом. Так, я начала с адекватностей частичных. Существует два вида адекватностей: по Шварцу и Жаку Миллонсу. Первый рассматривался как чистая математика, а второй – как прикладная. Различие заключалось лишь в том «кто чьим учеником является». В действительности можно было бы начинать со свободных и дифференцированных адекватностей Шварца и после продолжить изучение линейных адекватностей, обладающих больше прикладным характером. Это различие имеет серьезный характер... В действительности, школ Жака Миллонса, представителем которой я был, отличалась внутренней градацией по престижу... Так наиболее сообразительных отправляли заниматься более абстрактными и теоретическими производными функциями. Менее сообразительных и желающих заработать деньги, занимавшихся количественным анализом в инженерных школах, и те, что имели

---

¹Ассоциация сотрудников Николя Бурбаки (*Association des collaborateurs de Nicolas Bourbaki*) – группа французских математиков, созданная в 1935 году выпускниками Высшей Нормальной школы (Ecole Normale Supérieure). Так как происхождение или работа многих членов группы была связана с городом Нанси, то псевдонимом стала фамилия известного в этом городе генерала Шарля-Дени Бурбаки, в значительной степени из-за греческого происхождения последнего (намёк на древнегреческую математику).

трудо­вые до­го­во­ры, бы­стро прод­ви­га­лись впе­ред, не за­ни­маясь при этом чем-то вы­даю­щимся. И не очень со­об­ра­зи­тель­ные лю­ди за­ни­ма­лись про­сто вы­чис­ле­ния­ми. И меня ин­те­ре­со­ва­ли как раз на­уч­ные вы­чис­ле­ния, по­то­му что там не хва­та­ло ум­ных лю­дей. И это про­бле­ма­тич­но. В об­щем, я вы­бра­ла то, что считалось пло­хим и не пре­сти­ж­ным. Ну, сей­час я до­ста­точ­но ста­ра, и за­ни­маюсь тем, что мне нра­вится. А лю­ди, ко­то­рые ду­ма­ют о глупо­стях вроде «Это хо­ро­шо!» мо­гут про­дол­жать да­ль­ше (сме­ется)!... (Жен­щи­на-ма­те­ма­тик, пре­по­да­ва­тель-ис­сле­до­ва­тель в , CNRS Фран­ция)

...Dans le milieu, à l'époque, de jeunes mathématiciens de l'école normale il y avait d'un côté des garçons de la rue d'Ulm et de l'autre côté les filles à l'ENS de jeunes filles qui est dans des bâtiments qui existent encore. Ces deux écoles ont été fusionné en 1986. Et donc, maintenant tout ça c'est du passé, c'est d'histoire. Alors les garçons de l'ENS de la rue d'Ulm avaient une immense mépris pour les filles et j'aurais été une mouche sur le mur, j'aurais pas eu une plus d'importance à leurs yeux. Et en particulier, l'ENS de la rue d'Ulm était la grande place forte de «bourbaki». Et donc, du point de vue de l'ENS de la rue d'Ulm il y avait qu'une seule sorte de mathématiques qu'il fallait faire, c'est les mathématiques de «bourbaki». Il fallait faire la géométrie, l'algèbre ou plusieurs variables complexes ou je sais pas. Les probabilités c'étaient caca..., les analyses numériques c'étaient caca... Et donc comme la géométrie, algèbre, ce sont les choses qui m'a pas attiré du tout et moi, j'ai été très attirée par l'idée de faire la bonne science qui est des applications. J'ai délibérément choisi un domaine qui avait d'une certaine façon mauvaise réputation parce que croyais aux interactions entre la science et la société. Alors, moi j'ai commencé par l'adéquation des partiels. Il y a deux sorts des adéquations des partiels : selon Swartz et suivant Jacques Millonce. La première a été considérée comme les mathématiques pures et la seconde – comme appliquées. La distinction a été purement une question de «qui était l'élève de qui». A posteriori on a pu avoir un sens au début du côté de chez Swartz on faisait les adéquations libres, différentielles et puis du côté de Jacques Millonce on a fait peut-être les équations linéaires et un peu plus appliquées. C'est très sérieux comme distinction. ...Mais c'est vrai que à l'intérieur de l'école de Jacques Millonce dont j'ai été membre il y avait certainement une gradation de prestige. Les gens les plus astucieux on les ai envoyé faire des équations dérivées partielles assez abstraites et théoriques. Ensuite les gens un petit

peu moins astucieux ou les gens qui voulaient vraiment gagner de l'argent qui avaient fait des écoles d'ingénieur où leurs faisait faire l'analyse numérique, et qui avaient des contrats ils ont progressée très vite sans faire des choses moins prestigieuses. Et les gens vraiment pas très intelligents ont fait les calculs scientifiques. Et moi actuellement ce qui m'intéresse c'est calcul scientifique justement parce que ça manque de gens intelligents. Et c'est problématique un peu. Donc j'ai gardé mon goût pour ce qui sale et pas prestigieux. Bas...je veux dire maintenant je suis vieille, je fais ce que je veux. Et les gens qui pense de sottise sur «ça c'est bien !», ils pourraient chanter (rire)... (Femme-mathématicienne, enseignante-chercheuse au CNRS, France).

Таким образом, в рамках данной статьи мы предприняли попытки объяснить преобладание мужчин в области математической науки, как на уровне образовательных учреждений, так и в сфере академической трудовой деятельности. Предпринятая нами попытка интегрировать результаты существующих в этой области научных исследований позволила сделать выводы о том, что качественные различия в математических способностях мужчин и женщин вовсе не означают наличие у одной из этих социальных категорий недостаток интеллектуальных возможностей, необходимых для освоения математической дисциплины. Иными словами, различия в математических способностях мужчин и женщин связаны скорее с характером умственных способностей, нежели с общим уровнем интеллекта и как следствие, не способны объяснить причину, по которой мужчины преобладают в области математической науки. Вместе с тем, анализ результатов нескольких признанных научным сообществом исследований выявили, тесную взаимосвязь между самооценкой женщин своих математических способностей и их успехами в математике, желанием выбрать эту дисциплину в качестве профессии. Более того, как показали исследования, самооценка женщин касательно своих математических способностей является следствием интериоризации девочками гендерно-стереотипных представлений о мужчинах и женщинах. Ведущая роль гендерно-дифференцированной социализации, в частности социокультурных механизмов конструирования гендерных различий, в объяснении меньшего присутствия женщин среди математиков позволила, в свою очередь, выявить возможные причины описываемого нами явления. Так, мы продемонстрировали, каким образом

традиции и культурные экспектации, которые интериоризуются ребенком в процессе его взаимодействия с окружающим миром, участвуют в формировании гендерной идентичности. Было также выявлено, что посредством игрушек, детской литературы, развлечений, спортивных видов деятельности и пр., из поколения в поколение передаются гендерно-стереотипные представления о социальных ролях мужчин и женщин, не позволяющие последним адекватно оценить свои математические способности и препятствующих выбору математики как профессии. В рамках данной статьи, также были выявлены механизмы, посредством которых родители и педагоги внушают детям представления о стереотипных половых ролях, о «мужском» и «женском» типах поведения, «мужских» и «женских» профессиях, что в конечном итоге приводит к преобладанию мужчин в математической науке. Помимо этого, были сделаны попытки выявить скрытые формы дискриминации женщин, существующей в научном сообществе и препятствующей достижениям женщин на научном поприще.

Тем не менее, необходимо отметить, что многие из существующих представлений о социальных ролях людей разного пола поддаются изменению в ходе обучения, при перемене жизненного уклада и социальных ожиданий. Ввиду этого, а также того, что существуют случаи, когда опыт женщин-математиков выходит за рамки описанных нами схем гендерно-дифференцированной социализации, позволяет предположить, существование иной причины, напрямую или опосредованно обуславливающей меньшую представленность женщин среди математиков.

1. Broverman D.M., Klaiber I. L., Vogel W. Gonadal hormones and cognitive functioning // Parsons J. E. (ed.) *The psychology of sex differences and sex roles*. N. Y., 1980. P. 57—80.

2. Woodfiels R. L. *Embedded Figures Test Performance before and after childbirth* // *British Journal of Psychology*, February 1984, Vol. 75, Issue 1. - P.81-88.

3. Waber D. *Sex differences in cognition: A function of maturation rate?* // *Science*. Wash., 1976. Feb. 8. V. 192. N 4328. P. 572—573.

4. Vidal C. *Le sexe du cerveau: entre science et idéologie*, in Birnbaum J. (Dir.) *Femmes, hommes: quelle différence?* Rennes: PUR, 2008. — P.83.

5. Hare - Mustin R.J., Marecek J. *Gender and the meaning of difference:*

postmodernism and psychology // *Making a Difference: Psychology and the construction of Gender*. New Haven, 1990. P. 22-64.

6. Duby G., Perrot M. *Histoire des femmes en Occident. Vol.5* Paris: Plon, 2005. – P.118.

7. Tabet P. *La Construction sociale de l'inégalité des sexes. Des outils et des corps*. Paris: L'Harmattan, 1998.

8. Fischer E. *Robe et culottes courtes: l'habit fait-il le sexe?* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006 – P.257.

9. Rouyer V., Zaouche-Gaudron Ch. *La socialisation des filles et des garçons au sein de la famille: enjeux pour le développement* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006. – P.27-45.

10. Tenenbaum H.R., Leaper C. *Are Parents' Gender Schemas Related to Their Childrens' Gender-Related Cognitions? A Meta-Analysis* // *Development Psychology*, 2002, 38 (4), P. 615-630.

11. Brougère G. *Jouets et compagnie*. Paris: Stock, 2003. – P.11.

12. Damamme J. *Mémoires de Jouets*. Orléans: Editions Hatier Littérature générale, 1998.

13. Wood E., Desmarais S., Gugula S. *The impact of parenting experience on gender stereotyped toy play of children* // *Sex roles*, 2002. 47. - P. 39-49.

14. Belotti E.G. *Du côté des petites filles*. Paris: Editions des Femmes, 1974.

15. Campenni C.E. *Gender stereotyping of children's toys: a comparison of parents and nonparents* // *Sex roles*, 1999, 40. - P.121-138.

16. Dafflon Nouvelle A. *Littérature enfantine: entre images et sexisme* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006. – P.309.

17. Dafflon Nouvelle A. *Littérature enfantine: entre images et sexisme* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006. – P.306.

18. Ashton E. *Measures of play behavior: the influence of sex-role stereotyped children's books* // *Sex Roles*, 1983, 9. - P. 43-47.

19. Octobre S. *La fabrique sexuée des goûts culturels. Construire son identité de fille ou de garçon à travers les activités culturelles* // *Développement culturel*, 2005. 150. - PP.1-12.

20. Davaisse A. *Filles et garçons dans les activités physiques et sportives: de grands changements et de fortes permanences...* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006 – P.289.

21. Dafflon Nouvelle A. *Filles – Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006 – P.368.

22. Fivush R., Brotman M.A., Buckner J.P. & Goodman S.H. *Gender differences in parent-child emotion narratives* // *Sex Roles*, 2000, 42 (3/4). - P.233-253.

23. Garner P.W., Robertson S., Smith G. *Preschool children's emotional expressions*

with peers: *The roles of gender and emotion socialization* // *Sex Roles*, 1997, 36 (11/12). - , P. 675-691.

24. Percheron A. *Le domestique et le politique. Types de familles, modèles d'éducation et transmission des systèmes de normes et d'attitudes entre parents et enfants* // *Revue française de science politique*, 1985, 35 (5), - PP. 840-891.

25. Rouyer V., Zaouche-Gaudron Ch. *La socialisation des filles et des garçons au sein de la famille: enjeux pour le développement* in Dafflon Nouvelle A. *Filles-Garçons. Socialisation différenciée?* Grenoble: PUG, 2006. - P.34-35.

26. Duru-Bellat M., Jarousse J.P. *Le masculin et le féminin dans les modèles éducatifs parentaux* // *Economie et statistique*, 1996. - PP. 77-93.

27. Eccles, J. S. *Bringing young women to math and science*. In M. Crawford & M. Gentry (Eds.), *Gender and thought Psychological perspectives* New York: Springer-Verlag, 1989. - PP. 36-68.

28. Eccles-Parsons, J., Adler, T., & Kaczala, C. *Socialization of achievement attitudes and beliefs: Parental influences.* // *Child Development*, 1982, 53 - PP. 310-321.

29. Méda D., Cette G., Dromel N. *Les pères, entre travail et famille. Les enseignements de quelques enquêtes* // *Recherches et Prévisions*, 2004, 76, PP. 65-75.

30. Bauer D. *S'arrêter de travailler durant trois ans pour s'occuper de son enfant: une idée qui progresse chez les pères* // *Etudes et résultats*, 2008, 638, PP. 1-8.

31. Drew E. *Le Congé parental dans les Etats membres du Conseil de l'Europe. Direction générale des droits de l'homme, conseil de l'Europe* in Guionnet Ch., Neveu E. *Féminins/Masculins. Sociologie du genre.* Paris: Armand Colin, 2009 - P.63.

32. Bauer D. *Entre maison, enfant(s) et travail: les diverses formes d'arrangements dans les couples* // *Etudes et résultats*, 2007, 570, PP. 1-8.

33. Bihl A., Pfefferkorn R. *Hommes/ Femmes. L'introuvable égalité.* Paris: Editions de l'Atelier, 2002 - P.137.

34. Bihl A., Pfefferkorn R. *Hommes/ Femmes. L'introuvable égalité.* Paris: Editions de l'Atelier, 2002 - P.57

35. Marry C. *Celles qui dérogent...* in Baudelot C., Roger E. *Quoi de neuf chez les filles? Entre stéréotypes et libertés.* Paris: Nathan, 2007, PP.123-128.

36. Ferrand M., Imbert F., Marry C. *Education: récul des discriminations? Cursus d'excellence scientifique: une breche dans la domination masculine* // *Problèmes politiques et sociaux*, 2000, 835, PP. 26-33.

37. Dweck, C. S., Davidson, W., Nelson, S., & Enna, B. *Sex differences in learned helplessness: II. The contingencies of evaluative feedback in the classroom and III. An experimental analysis.* // *Developmental Psychology*, 1978, 14 - PP. 268-276.

38. Parsons, J. E, Kaczala, C. M., & Meece, J. L. *Socialization of achievement attitudes and beliefs: Classroom influences.* // *Child Development*, 1982, 53 – PP. 322-339.

39. Zarca B. *Y a-t-il une manière féminine de faire des mathématiques?* in *Actes du colloque Genre, science, recherche. Regards et propositions en sciences sociales*, Gaurdey D. (dir.). 29 novembre, 2005. Paris. P.131.

Түйін

Мақалада нақты мысалдармен дифференцияларды әлеуметтенуі және математикалық қабілетте гендерлік айырмашылық қарастырылады, бұл әлеуметтік ғылымда әлі зерттелмеген.

Резюме

В статье на основе конкретных примеров, рассмотрены вопросы социализации и математические особенности женщин. Данная проблема в социологической науке еще недостаточно изучена.

Summary

The paper deals with specific examples differentiated socialization and gender differences in mathematical abilities, which in the first sociological science has not yet been studied.

МАЗМҰНЫ

ӘЛЕУМЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Каримова Ж.К. Профессиональные траектории женщин-математиков Франции и Казахстана: социологические аспекты.....	3
Дәкенов М. Қазақтың отбасылық әдет-ғұрыптарының кейбір әлеуметтік ерекшеліктері.....	17

САЯСИ ҒЫЛЫМДАР ПРОБЛЕМАЛАРЫ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Absattarov R.B. War as the marker of society regress.....	25
Shaltykov A. Politica and political system of a society.....	30
Auelgazina T.K. Concept and significance of political Parties in society.....	35
Нурдинова Ж.Т. О некоторых аспектах этноконфликтологического анализа как нового направления этнополитологии.....	41
Сейсенова Н.Б. Некоторые приоритеты процесса модернизации как фактор стабильности реформирования казахстанского общества.....	47

ШЕТЕЛ ҒАЛЫМДАРЫНЫҢ МІНБЕСІ ТРИБУНА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Эркинбеков Т.Ж. Общественный строй и социальное неравенство в Кыргызстане в досоветский период.....	54
---	----

ОҚЫТУШЫЛАРҒА КӨМЕК В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Әбсаттаров Р.Б. Саясат пен моральдің арақатынасы: жүйелік талдау.....	61
Каримова Ж.К. Гендерная асимметрия как форма социального неравенства: социологический анализ.....	70
Каримова Ж.К. Дифференцированная социализация и гендерные различия в математических способностях: социологический анализ.....	93